

MIESIĘCZNIK

№ 4(69), 2024

POŁOCKI.

Tom I.

Rok 1818.

«Вестник Полоцкого государственного университета» продолжает традиции первого в Беларуси литературно-научного журнала «Месячник Полоцкий».

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета и статистики, а также юридических наук.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСИТЭТА

Серыя D. Эканамічныя і юрыдычныя навукі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансаў, грашовага абарачэння і крэдыта, бухгалтарскага ўліку і статыстыкі, а таксама юрыдычных навук.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY

Series D. Economics and law sciences

Series D of the scientific-theoretical journal includes reviewed articles which contain new scientific results in such fields as economics and management, finance, money circulation and credit, accounting and statistics and also legal sciences.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/economics>

Адрес редакции:

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: *Е.Ю. Афанасьева.*

Редактор *И.Н. Чапкевич.*

Подписано к печати 24.12.2024. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 14,41. Уч.-изд. л. 17,38. Тираж 50 экз. Заказ 469.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 339.97

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-2-5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

канд. экон. наук, доц. Т.Е. БОНДАРЬ

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

Автор обращает внимание делового сообщества на факт обновления в Республике Беларусь Концепции национальной безопасности. В статье систематизированы основные новации Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, исследовано новое толкование терминов «национальная безопасность», «национальные интересы». Проанализирована практическая значимость введенной градации угроз, вызовов, опасностей. Исследовано место и роль экономической безопасности в составе всех других её видов. Подтвержден тезис о приоритетности экономической безопасности и её определяющем влиянии на развитие всех сфер жизнедеятельности государства. Обоснована необходимость рассмотрения экономической безопасности в роли драйвера развития белорусского государства на перспективу.

Ключевые слова: национальная безопасность государства, экономическая безопасность, национальные интересы, угрозы, нейтрализация угроз, противодействие угрозам.

Введение. Национальная безопасность – важнейшая предпосылка, обязательное условие существования суверенного государства. В составе национальной безопасности государства экономической безопасности отводится особая роль – она представляет собой несущую опору, обеспечивающую функционирование всех элементов этой сложной системы. С одной стороны, любой из видов национальной безопасности создает предпосылки для укрепления экономической безопасности государства, с другой – устойчивое развитие экономики выступает лучшей защитой всех сфер деятельности государства от многих современных вызовов и угроз. Подтверждение этой взаимосвязи мы встречаем у очень многих исследователей [1–3], которые вторят профессору В.К. Сенчагову, обратившему внимание на эту взаимосвязь еще в 90-х годах прошлого столетия: «поскольку экономика представляет собой одну из жизненно важных сторон общества, государства и личности, то понятие национальной безопасности будет пустым словом без жизнеспособной экономики, её прочности при возможных внутренних и внешних угрозах» [4, с. 10].

Приоритетность экономической безопасности, в составе национальной безопасности, стала основанием признания её многими государствами, в том числе, и Республикой Беларусь, драйвером дальнейшего развития.

Основная часть. Регламентация процесса управления экономической безопасностью в Республике Беларусь осуществляется Концепцией национальной безопасности, которая по своей сути представляет собой совокупность официальных взглядов на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности страны. Такое толкование термина «концепция» полностью согласуется с его энциклопедическим пониманием как «определенного способа понимания явления, процесса, основной точки зрения на них, руководящей идеи в их толковании» [5]. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь – это основополагающий документ, второй по значимости после Конституции государства. На основе установок, базовых положений Концепции выстраиваются другие программные документы государства в области государственного строительства, устойчивого социально-экономического развития, стратегического управления народным хозяйством.

Впервые Концепция национальной безопасности Республики Беларусь была принята в 1995 г., а её обновления состоялись в 2001, 2010 и 2023 г. Разработанный в 2023 г. проект Концепции национальной безопасности [6], был одобрен Советом Безопасности Республики Беларусь, вынесен на общественное обсуждение с привлечением представителей научного и экспертного сообщества и утвержден Всебелорусским народным собранием в апреле 2024 г. Последнее обновление Концепции национальной безопасности Республики Беларусь было обусловлено необходимостью принятия во внимание текущих реалий современного мира с его геополитической напряженностью, появлением новых вызовов и угроз, наличием концептуальных разногласий между основными центрами силы, международными блоками. Агрессивно заявили о себе опасности в информационной сфере: искажается историческая правда, осуществляется фальсификация истории, разрушаются культурное наследие человечества, традиционные духовно-нравственные ценности народов, их национальная идентичность, институт семьи и пространство межкультурного взаимодействия. Исключительную опасность для государства приобрела киберпреступность. Риски для национальной безопасности несет в себе беспрецедентное санкционное давление на Беларусь. Серьезные угрозы национальной безопасности привнес и конфликт в Украине [7; 8].

Приведенный, даже краткий, обзор сегодняшних реалий, позволяет констатировать тот факт, что ситуация в мире и перспективы ее развития характеризуются высоким уровнем угроз, вызовов, шоков и необходимостью

государства противостоять им. С учетом этой объективной данности, в новой версии Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, были мобилизованы все потенциальные возможности ее стабилизирующего влияния на общество, актуализированы все составные элементы процесса ее обеспечения: национальные интересы, внутренние и внешние угрозы, меры нейтрализации угроз и т.п.

Целью данной работы является исследование новаций Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, изучение экономической безопасности как составной части национальной безопасности и характера её влияния на развитие белорусского государства, благополучие его населения, экономики.

Важнейшей новацией Концепции национальной безопасности Республики Беларусь является уточнение непосредственно термина «национальная безопасность». Базовое его толкование – «состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз» [5] дополнено новым посылом «достижение безопасности через развитие». В этом случае под национальной безопасностью предлагается понимать «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее жизнедеятельность общества и его подсистем» [6]. Специалисты отмечают, что такое уточнение сущности этой категории как раз и позволяет заложить в её понимание потенциал развития. Ведь термин «жизнедеятельность» сам по себе является динамичным понятием и включает в себя как защиту от угроз, так и развитие [7; 8]. Понимание национальной безопасности Республики Беларусь через устойчивое социально-экономическое развитие, отсутствие статики в этом развитии, обеспечивает достижение прогресса во всех сферах деятельности государства, укрепление позиций страны в мире, повышение благосостояния граждан, рост экономики.

Что касается сфер безопасности государства, то следует отметить, что в обновленной Концепции расширен их перечень: к привычным уже политической, экономической, научно-технической, социальной, демографической, информационной, военной, экологической сферам дополнительно выделена девятая сфера – биологическая безопасность. Это было продиктовано необходимостью отвечать на появившиеся в последние годы мировые тенденции и угрозы в биологической сфере: COVID-19, распространение опасных вирусов, создание штаммов особо опасных микроорганизмов. Отдельное обозначение биологической безопасности позволит сконцентрировать внимание и средства государства на источниках биологических угроз и выработке контрмер реагирования на них. А такое реагирование необходимо в свете тех потерь, убытков, регресса, которые сопровождали пандемию коронавируса, препятствовали устойчивому развитию мировой экономики и экономики отдельных государств.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь актуализировано содержание категории «национальные интересы». Оно дополнено основополагающим положением новой Конституции Республики Беларусь об общественном согласии, незыблемости устоев народовластия и правового государства. В итоге, в новой редакции под национальными интересами понимается «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права и свободы, высокое качество жизни граждан, согласие в обществе, незыблемые устои народовластия и правового государства, его независимость, территориальную целостность и суверенитет» [6]. Национальные интересы Республики Беларусь делятся на стратегические и основные. Идея такого деления заключается в следующем: стратегические национальные интересы – это базис независимого государства, ориентиры его долгосрочного развития, без их обеспечения существование суверенного государства невозможно; основные национальные интересы детализируют стратегические и способствуют их обеспечению.

Изложение стратегических и основных интересов Республики Беларусь обновлено. Так, на сегодняшний день, к примеру, состав стратегических интересов дополнен возникшей «необходимостью защиты народа Беларуси как уникальной исторической общности и единственного источника государственной власти» [6, п. 8], «необходимостью обеспечения электорального суверенитета как неотъемлемого и исключительного права государства самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы в целях обеспечения реализации полномочия народа и свободы его выбора при верховенстве Конституции Республики Беларусь и национального законодательства, недопущения вмешательства в избирательный процесс» [6, п. 9]. Без такого уточнения этих базисных интересов невозможно до конца понять и сформулировать, а, следовательно, обеспечить основные интересы во всех сферах национальной безопасности. Так, с учетом своевременного преодоления этих новых угроз, в перечень основных интересов в экономической сфере, дополнительно включено: развитие национального финансового рынка и регулируемой государством интеграции в международную финансовую систему; недискриминационный доступ на мировые рынки товаров, услуг и финансов, а также сырьевых и энергетических ресурсов; поддержание товарной и страновой диверсификации экспорта товаров и услуг, сбалансированность внешней торговли, обеспечение внешнеэкономической безопасности; развитие цифровых технологий и регулируемой цифровой трансформации экономики» [6, п. 10]. Практическая реализация этих обновленных интересов будет по силам только народу, осознавшему сполна свою уникальную миссию – быть единственным источником государственной власти.

Обеспечению национальной безопасности и соблюдению национальных интересов могут помешать всевозможные опасности, угрожающие благополучию экономики, общества, граждан Беларуси, способные нанести вред государству, привести к реальным потерям. В обновленной Концепции национальной безопасности Республики Беларусь введена система градации таких опасностей, предложены три их уровня: риск (зарождающаяся опасность), вызов (объективно формирующаяся опасность), угроза (реальная опасность) [6]. Такая градация опасностей имеет практическую значимость, она расширяет возможности более эффективной оценки текущего

состояния безопасности и оперативного принятия адекватных мер по нейтрализации, купированию рисков, вызовов, угроз. Кроме этого, она позволяет подкорректировать управленческий стиль: сместить акцент с урегулирования катастрофических последствий уже наступивших реальных опасностей на планомерное отслеживание их зарождения, формирования и управление ими на этих ранних стадиях.

Угрозы национальной безопасности Республики Беларусь носят комплексный и взаимосвязанный характер, они могут одновременно воздействовать по всем или нескольким направлениям деятельности государства. Например, комплексный и взаимосвязанный характер носят такие угрозы, как «посягательство на независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй Республики Беларусь; вмешательство извне во внутренние дела, навязывание Республике Беларусь политического курса, не отвечающего ее национальным интересам; применение отдельными государствами или группами государств в отношении Республики Беларусь санкций (ограничительных мер)» [6, п. 28, 29]. Без нейтрализации этих угроз достижение экономической безопасности будет невозможным. А без обеспечения экономической безопасности недостижимыми будут обеспечение суверенитета государства, сохранение его территориальной целостности.

Актуализация внутренних и внешних угроз позволила еще раз констатировать известный факт [9, с. 45; 10, с. 5]:

- появление внешних угроз, в значительной мере, непредсказуемо, государство влияет на них по факту их появления, используя все приемлемые инструменты своей внешней политики;
- появление внутренних источников угроз государство может предупредить, не допустить их широкого распространения путем эффективного противодействия им.

В конечном итоге, эта констатация легла в основу формулировки нами тезиса о том, что правильное управление логикой действия внутренних угроз, правильная и своевременная их нейтрализация в экономической сфере может нивелировать, смягчить отрицательное действие большинства внешних угроз. Этот вывод еще раз подтверждает правильность позиции ряда исследователей: без экономики понятие национальной безопасности будет пустым.

Заключение. Таким образом, в короткий обозримый промежуток времени всё множество проблем современного мира стало превращаться из потенциальных рисков, вызовов белорусскому государству, национальной экономике, обществу в реальные опасности. Нейтрализация этих вызовов, угроз потребовала соответствующей незамедлительной реакции: переосмысления всего их спектра, направлений действия, последствий, характера влияния на экономическую безопасность государства и, как следствие, обновления Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

Предназначение обновленной Концепции заключается в содействии максимально полному обеспечению национальной безопасности государства, достижению и поддержанию высокого уровня защищенности белорусского общества, отечественной экономики от всевозможных рисков, вызовов, угроз, что гарантирует реализацию стратегических и основных национальных интересов.

Важно в деловом и научном пространстве Республики Беларусь окончательно закрепить мнение о том, что национальная безопасность Беларуси всецело зависит от состояния белорусской экономики. Именно обеспечение экономической безопасности выступает гарантией независимости белорусского государства, гарантией его стабильности. Пренебрежение взаимосвязью национальной и экономической безопасности, пренебрежение приоритетностью экономической безопасности в составе других сфер национальной безопасности недопустимо, так как чревато потерей конкурентоспособности национальной экономики, может привести к снижению жизненного уровня населения, критическому отставанию во всех сферах деятельности государства. Экономика, устойчивое и поступательное её развитие – это основа основ, которая обеспечивает баланс интересов личности, общества и государства. Выступая в роли несущей опоры всей национальной безопасности, экономическая безопасность государства является драйвером развития Республики Беларусь на десятилетия вперед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернова В.В. Многополярная модель реализации экономических интересов – концепт экономической безопасности национального хозяйства // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 1. – С. 134–150.
2. Спиридонов А.В. Теоретические основы обеспечения экономической безопасности страны [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/2/309.pdf>. (дата обращения 22.01.2024).
3. Особенности решения проблемы экономической безопасности в инновационной среде российской экономики / А.А. Черникова, Б.Г. Борисов, Н.Е. Галдин // Национальные интересы: приоритетность и безопасность. – 2010. – № 7(64). – С. 46–50.
4. Экономическая безопасность. Производство – Финансы – Банки / А.И. Архипов, А.Р. Белоусов, Р.А. Белоусов, А.А. Бобровникова; под ред. В.К. Сенчагова. – М.: Финстатинформ, 1998. – 621 с.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
6. О рассмотрении новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета безопасности Респ. Беларусь от 6 марта 2023 г., № 1. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P223s0001>. (дата обращения 22.01.2024).
7. Муравейко П.Н., Баньковский А.Л. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: ключевые направления совершенствования [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.bsut.by/handle/123456789/7773?locale-attribute=en>. (дата обращения: 22.01.2024).
8. Бровка Г.М. Научно-технологическая безопасность в новой редакции Концепции национальной безопасности Республики Беларусь / сост. А.В. Садовская. – Минск: БНТУ, 2023. – С. 10–13.

9. Можейко А.В. Экономическая безопасность Республики Беларусь // Банковский вестник. – 2021. – № 6. – С. 44–53.
10. Полоник С.С. Модель экономической безопасности и механизм ее реализации // Новая экономика. – 2023. – № 1(8). – С. 5–13.

Поступила 23.08.2024

**ECONOMIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS
IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF NATIONAL SECURITY OF THE STATE**

T. BONDAR

(Belarus State Economic University, Minsk)

The author draws the attention of the business community to the fact that the Concept of National Security has been updated in the Republic of Belarus. The article systematizes the main innovations of the Concept of National Security of the Republic of Belarus, a new interpretation of the term “national security”, “national interests”. The practical significance of the introduced gradation of threats, challenges, and dangers is analyzed. The place and role of economic security in the composition of all other types of it is investigated. The thesis on the priority of economic security and its decisive influence on the development of all spheres of state activity is confirmed. The necessity of considering economic security as a driver of the development of the Belarusian state in the future is substantiated.

Keywords: *national security of the state, economic security, national interests, threats, threat neutralization, counteraction to threats.*

УДК 657

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-6-11

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПРИЗНАНИЯ СЕРВИТУТА В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ

Н.С. БУХАРОВА, канд. экон. наук, доц. М.В. ПРИМАКОВА, канд. экон. наук, доц. Е.Ю. АФАНАСЬЕВА¹⁾
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

¹⁾ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8660-9348>

В экономической литературе нет единого подхода к проблеме идентификации сервитута в качестве объекта бухгалтерского учета. В рамках настоящей статьи сервитут как учетная категория рассматривается с экономической точки зрения в контексте отношений между обеими сторонами сервитутных отношений. В результате анализа различных подходов в качестве объекта бухгалтерского учета следует рассматривать не ограниченное вещное право пользования чужим имуществом (ввиду невозможности его самостоятельного участия в гражданско-правовом обороте), а сервитутные операции, которые предполагают взаимоотношения между сторонами сервитута по поводу предоставления, использования и оплаты данного права. Выделение в качестве объектов бухгалтерского учета доходов и расходов от осуществления сервитутных операций позволит усовершенствовать методику отражения на счетах бухгалтерского учета расходов и доходов, связанных с осуществлением соразмерной платы за пользование сервитутом.

Ключевые слова: сервитут, сервитутные операции, служащее имущество, обременение объекта недвижимости, сервитутодатель, сервитуарий.

Введение. В процессе хозяйственной деятельности нередко возникает необходимость использования недвижимого имущества других лиц, будь то доступ к вспомогательным помещениям здания или возможность прохода или проезда по земельному участку, который принадлежит на праве собственности иному лицу (например, для обеспечения водоснабжения, строительства, реконструкции и эксплуатации линий электропередач (связи), трубопроводов, автомобильных дорог и др.). Для установления права ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом и применяется сервитут. Статьей 268 Гражданского Кодекса Республики Беларусь сервитут определен как право ограниченного пользования недвижимым имуществом, которое собственник недвижимого имущества вправе требовать от собственника другого недвижимого имущества. То есть сервитут может устанавливаться как в отношении земельного участка, так и иной недвижимости. В настоящее время многие вопросы, связанные с возникновением, существованием и прекращением сервитута, не находят должного экономического решения, так как изучены, главным образом, исключительно с позиции гражданско-правовых отношений.

Теоретические и практические аспекты сервитутных отношений нашли свое отражение в трудах таких ученых, как Ю. Андреев, А.Ф. Барановский, А.А. Бирюков, И. Гороневич, А.П. Сергеев, Т.В. Дерюгина, В.С. Нерсесянц, И. Исафилов, Ю.П. Титов, В. Казанцев, А.В. Люшня, М. Малейна, И.М. Морева, И.Б. Новицкий, В.И. Синайский, Д. Сиваков, Г.Ф. Шершеневич и многих других. Исследованию проблемы бухгалтерского учета сервитута посвящены труды И. Авдеевой, Л.К. Анисимовой, О.В. Белоусова, Я. Бойченко, В. Васильева, С.Г. Вегеры, С.В. Козменковой, Л.И. Куликовой, Э. Лаура, Л.М. Пятова, К.Ю. Татарова, В.И. Цуканова, Е.Е. Яскевича и некоторых других. Однако среди авторов существуют противоречия в понимании сервитута как объекта бухгалтерского учета, что вызывает сложности в теории и практике учета сервитутных операций. В частности, остаются дискуссионными вопросы об учетном содержании дефиниции «сервитут», месте и роли сервитутов в системе экономических отношений, развитии института сервитута как способа максимизации эффективности распределения ограниченных ресурсов. Вместе с тем, исследование сервитута как объекта бухгалтерского учета является необходимым условием для совершенствования методики отражения сервитутных операций на счетах бухгалтерского учета, их налогового регулирования и документального отражения.

Основная часть. Содержание сервитута определяется отношениями между сервитутодателем – собственником имущества (служащее имущество) и сервитуарием – владельцем соседствующей недвижимости (господствующее имущество), возникающими в результате установления в пользу владельца господствующего имущества права пользования в ограниченном объеме и пределах частью служащего имущества. Сервитут устанавливается по требованию той стороны, которая в нем нуждается (сервитуария) путем соглашения между заинтересованными сторонами, если такового достичь не удастся, то в судебном порядке по иску лица, требующего его установления. Также сервитут может быть установлен законом или иным правовым актом. В связи с этим, с экономической точки зрения исследуется не только право ограниченного пользования имуществом, но и связь между субъектами хозяйствования по поводу установления и использования данного права.

Именно экономический подход к трактовке сервитута должен быть положен в основу развития концепции бухгалтерского и налогового учета сервитутных операций.

В целях развития методик бухгалтерского учета сервитутных операций нужно, прежде всего, определить сервитут как учетную категорию. В экономической литературе принято классифицировать объекты бухгалтерского учета по трем основным группам: имущество (хозяйственные средства, активы); источники формирования имущества (средств, активов); хозяйственные процессы [1, с. 15]. Вместе с тем в современных исследованиях отсутствует единый подход к идентификации сервитута в качестве определенного объекта бухгалтерского учета.

Наиболее распространенный подход основывается на правовой сущности сервитута. Гражданским Кодексом Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (в ред. Закона Республики Беларусь от 22 апреля 2024 г. № 365-З) (ст. 217) сервитут признается вещным правом лиц, не являющихся собственниками, наряду с правом хозяйственного ведения, правом оперативного управления, правом пожизненного наследуемого владения земельным участком, правом постоянного пользования земельным участком и правом временного пользования земельным участком. Сервитут не может быть самостоятельным предметом купли-продажи, залога и передаваться каким-либо способом лицам, не являющимся собственниками недвижимого имущества, для обеспечения использования которого сервитут установлен (п. 2 ст. 269 ГК). Исходя из норм Гражданского кодекса сервитут не является самостоятельным объектом гражданско-правового оборота, т.е. не может отчуждаться, передаваться и иным образом участвовать в экономических сделках в силу невозможности отделения сервитута от объекта недвижимости, на который он установлен. Следовательно, согласно законодательству Республики Беларусь, сервитут не может быть признан самостоятельным объектом и идентифицирован на счетах бухгалтерского учета в качестве обособленной учетной категории.

В частности, такого мнения придерживается С.Г. Вегера. В своей монографии, посвященной решению методологических проблем учета земель несельскохозяйственного назначения, она отмечает, что «земельный сервитут, имеющий придаточный характер к определенному праву на земельный участок, не следует отражать отдельно в бухгалтерском учете ни в балансе, ни на забалансовых счетах. На стоимость затрат по оформлению сервитута рекомендуется увеличивать стоимость земельного участка, находящегося в собственности, либо стоимость обремененных сервитутом прав на земельный участок» [2, с. 67].

В тоже время, отличительной характеристикой сервитута является право следования: не являясь самостоятельным объектом гражданско-правового оборота, сервитут всегда следует за правом собственности на объект недвижимости, на который установлен, и должен найти отражение в бухгалтерском учете организации в непосредственной связи с обремененным объектом недвижимости. Так, Л.И. Куликова полагает, что «в бухгалтерском учете собственника или пользователя земельного участка должны быть отражены чужие земельные участки и другие объекты недвижимости, находящиеся в ограниченном пользовании. Для этих целей может быть рекомендован забалансовый счет 018 «Основные средства в ограниченном пользовании, обремененные сервитутом» [3].

Иной точки зрения придерживается А.Б. Тресницкий, полагая, что следует учитывать на объекты недвижимости, обремененные сервитутом, а само право ограниченного пользования. Наиболее целесообразно, по его мнению, «право ограниченного пользования отражать за балансом, для чего в план счетов бухгалтерского учета необходимо добавить забалансовый счет 012 «Права ограниченного пользования (сервитут)». Данный счет необходим для обобщения информации о наличии прав ограниченного пользования. Внутри же счета аналитический учет необходимо вести по объектам недвижимости, в пользу которых установлены ограниченные вещные права»¹.

Учитывая сложившуюся практику учета сервитутов в Российской Федерации, Е.С. Попова и И.С. Попова считают возможным рассматривать сервитут «... как самостоятельный актив и как расход, связанный с платой за ограниченное пользование имуществом другого собственника, что объясняется двойственной природой сервитута. Поскольку в отношении сервитутодателя сервитут – это обременение объекта недвижимости (земельного участка), в отношении которого установлен сервитут, а в отношении сервитуария сервитут – вещное право, суть которого заключается в ограниченном пользовании чужим объектом недвижимости» [4].

В соответствии с международными стандартами финансовой отчетности сервитут подпадает под категорию нематериальных активов в соответствии с требованиями стандарта IAS 38 «Нематериальные активы». Согласно IAS 38, нематериальным активом является немонетарный актив, не имеющий физической формы, удовлетворяющий критериям идентифицируемости, контроля над ресурсом и наличия будущих экономических выгод². При этом, по МСФО актив удовлетворяет критерию идентифицируемости, если он является отделимым, т.е. может быть обособлен или отделен от организации и продан, передан, лицензирован, предоставлен в аренду или обменен индивидуально или вместе с относящимся к нему договором, идентифицируемым активом или обязательством, независимо от того, намеревается ли организация так поступить; или возникает в результате договорных или других юридических прав независимо от того, являются ли такие права передаваемыми или обособляемыми от организации или от других прав и обязанностей.

Критерий контроля над ресурсом реализуется в форме обладания правом на получение будущих экономических выгод от лежащего в его основе ресурса, а также на ограничение доступа других лиц к этим выгодам. Способность организации контролировать будущие экономические выгоды от нематериального актива обычно (но не обязательно) вытекает из юридических прав, которые могут быть реализованы в судебном порядке. К будущим экономическим выгодам, происходящим из нематериального актива, могут относиться выручка от продажи продукции или услуг, снижение затрат или другие выгоды, возникающие от его использования. Очевидно, что сервитут, как право ограниченного пользования, во-первых, подпадает под определение нематериального актива (немонетарный актив, не имеющий физической формы) и, во-вторых, удовлетворяет критериям признания нематериальных активов:

– идентифицируем, т.к., несмотря на то, что не является передаваемым и обособляемым от имущества, на которое установлен, возникает в результате договорных прав или по решению суда (иного юридического права);

¹ URL: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01004417844.pdf>.

² URL: <https://fin-accounting.ru/ifrs/ias38>.

- позволяет осуществлять контроль, т.к. обладает правом на получение будущих экономических выгод от использования сервитута и ограничивает доступ других лиц к этим выгодам;
- способен приносить экономические выгоды, т.к. зачастую является необходимым условием для осуществления хозяйственной деятельности и получения выручки.

Таким образом, в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности, сервитут является нематериальным активом, а именно правом пользования, которое в МСФО 38 именуется «правом на эксплуатацию».

Проанализировав подходы к идентификации сервитута в качестве объекта бухгалтерского учета, следует отметить не только существование многовариантности подходов к решению данного вопроса, но и, более того, наличие противоположных концепций. Учитывая имеющиеся подходы в литературе к отражению сервитута, они могут быть сведены к трем вариантам: 1) сервитут – это самостоятельный актив; 2) сервитут – это расход, связанный с платой за ограниченное пользование имуществом другого собственника; 3) сервитут – это улучшение, увеличивающее стоимость обремененной недвижимости. На наш взгляд, основной причиной тому является смешение правового и юридического содержания сервитута, что приводит к более узкому пониманию исследуемой категории. В рамках правового содержания сервитут представляет собой один из видов вещных прав – ограниченное вещное право. В рамках экономического подхода необходимо более широкое понимание сервитутов – не только как ограниченное вещное право, но и в виде отношений, между сторонами сервитутных операций по поводу предоставления и использования данного права. Т.е. в качестве объекта учета следует отдельно рассматривать *сервитут* как ограниченное вещное право пользования чужим имуществом и *сервитутные операции*, которые предполагают предоставление, использование данного права и его оплату.

Оценим возможность включения сервитута в состав нематериальных активов в соответствии с отечественным законодательством.

В Республики Беларусь в качестве нематериальных активов принимаются к бухгалтерскому учету активы, не имеющие материально-вещественной формы, при выполнении следующих условий признания:

- 1) активы идентифицируемы, то есть отделимы от других активов организации;
- 2) активы предназначены для использования в деятельности организации;
- 3) организация предполагает получение экономических выгод от использования активов и может ограничить доступ третьих лиц к данным выгодам;
- 4) активы предназначены для использования в течение периода продолжительностью более 12 месяцев;
- 5) организацией не предполагается отчуждение активов в течение 12 месяцев с даты приобретения;
- 6) первоначальная стоимость активов может быть достоверно определена.³

Рассматривая критерии признания активов в качестве нематериальных активов, следует отметить, что согласно законодательству Республики Беларусь не выполняется один из первых критериев – идентифицируемость активов, поскольку сервитут не может быть отделен от права на объект недвижимости, на который он установлен. Следовательно, согласно законодательству Республики Беларусь, сервитут не может быть признан нематериальным активом. На наш взгляд, невыполнение критерия идентифицируемости активов не позволяет отражать это право не только в составе нематериальных активов, но и в целом в составе активов, в том числе, учитываемых на забалансовых счетах. В частности, представляется нецелесообразным создание дополнительного забалансового счета «Права ограниченного пользования (сервитут)». Ограниченное право собственности (сервитут) не может быть признан в качестве самостоятельного объекта бухгалтерского учета и должен быть отражен косвенно в составе части служащего имущества.

Предлагаем использовать для этих целей забалансовый счет, например, счет 012 «Часть имущества, обремененная сервитутом». По дебету счета 012 «Часть имущества, обремененная сервитутом» отражается стоимостная оценка части служащего имущества, находящаяся в ограниченном праве пользования сервитуария. Полагаем, что стоимость части недвижимости может определяться как: 1) договорная величина, установленная по договору между сервитутодателем и сервитуарием; 2) как доля от кадастровой или рыночной стоимости объекта недвижимости, обремененного сервитутом. В тоже время, для обеспечения детализации учета недвижимости сервитутодателю рекомендуется открывать для учета недвижимости, обремененной сервитутом, отдельные субсчета. Например, к счету 01 «Основные средства» могут быть открыты следующие субсчета:

- 01 «Основные средства»;
- 01.1 «Здания»;
- 01.1.1 «Здания, находящиеся в собственности организации»;
- 01.1.2 «Здания, находящиеся в собственности организации, обремененные сервитутом».

Объектом бухгалтерского учета *сервитутных операций* будут являться:

- для собственника недвижимости, обремененной сервитутом: доходы, связанные с получением соразмерной платы за ограничение права собственности;
- для субъекта хозяйствования, в пользу которого установлен сервитут: расходы, связанные с соразмерной платой за пользование имуществом третьих лиц.

³ Инструкция по бухгалтерскому учету нематериальных активов [Электронный ресурс] : утв. Постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30.04.2012 № 25 : в ред. от 21.08.2018 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

Согласно п. 5 Инструкции по бухгалтерскому учету доходов и расходов, утвержденной Постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30.09.2011 г. № 102 доходы и расходы подразделяются на

- доходы и расходы по текущей деятельности;
- доходы и расходы по инвестиционной деятельности;
- доходы и расходы по финансовой деятельности.

При этом под текущей деятельностью понимается основная приносящая доход деятельность организации и прочая деятельность, не относящаяся к финансовой и инвестиционной деятельности. Финансовая деятельность включает в себя деятельность организации, связанную с изменением величины и состава внесенного собственного капитала, обязательств по кредитам, займам и иных аналогичных обязательств, если указанная деятельность не относится к текущей деятельности согласно учетной политике организации. Инвестиционная деятельность – деятельность организации по приобретению и созданию, реализации и прочему выбытию основных средств, нематериальных активов, доходных вложений в материальные активы, вложений в долгосрочные активы, оборудования к установке, строительных материалов у заказчика, застройщика, осуществлению (предоставлению) и реализации (погашению) финансовых вложений, если указанная деятельность не относится к текущей деятельности согласно учетной политике организации. Определим, к какому виду деятельности следует относить доход сервитутодателя от получения соразмерной платы за предоставление права пользования частью недвижимости.

Предоставление части недвижимости в пользование третьим лицам не связано с изменением собственного капитала, обязательствами по кредитам, займам или иным аналогичным обязательствами, а, следовательно, исходя из определения финансовой деятельности, данная деятельность не является финансовой. Так как предоставление права пользования частью имущества не относится к приобретению, созданию, реализации и прочему выбытию основных средств, нематериальных активов, доходных вложений в материальные активы, вложений в долгосрочные активы, оборудования к установке, строительных материалов у заказчика, застройщика, осуществлению (предоставлению) и реализации (погашению) финансовых вложений, то данная деятельность не подпадает под определение инвестиционной деятельности. Однако, согласно перечню доходов, входящих в состав доходов по инвестиционной деятельности, представленному в п. 14 Инструкции по бухгалтерскому учету доходов и расходов, утвержденной Постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30.09.2011 г. № 102, к инвестиционным доходам относятся доходы, связанные с предоставлением во временное пользование (временное владение и пользование) инвестиционной недвижимости. Т.е., законодатель выделяет отдельно в составе инвестиционных доходов, наряду с доходами от предоставления во временное владение и пользование (доходы от сдачи имущества в аренду), доходы, связанные только с предоставлением в пользование инвестиционной недвижимости. Таким образом, доход в виде возмещаемого платежа за пользование частью недвижимого имущества, следует относить к доходам по инвестиционной деятельности.

Из коллизии в рамках одного нормативного акта следует дуалистическое понимание объекта сервитутных операций для сервитутодателя, а именно, в качестве дохода по инвестиционной деятельности или дохода по текущей деятельности. Однако, рассматривая экономическую сущность инвестиций, следует подчеркнуть, что, общим критерием выступает получение прибыли. В частности, в трактовке В.Г. Гавриленко под инвестициями понимают «финансовые, материальные ресурсы и другие имущественные и интеллектуальные ценности, вклады-ваемые в объекты предпринимательской и других видов деятельности, в результате которой образуется прибыль (доход)»⁴. В тоже время Гражданский кодекс Республики Беларусь предусматривает, что собственник недвижимого имущества, обремененного сервитутом, вправе, требовать от лиц, в интересах которых установлен сервитут, соразмерную плату за пользование недвижимым имуществом. В связи с этим, целью получения дохода сервитутодателем является покрытие расходов, возникающих в связи с ограничением права собственности на недвижимость, а не извлечение прибыли. Поэтому на наш взгляд, более корректно рассматривать доход в виде соразмерной платы за пользование недвижимым имуществом в составе прочих доходов по текущей деятельности. В соответствии с Типовым планом счетов Республики Беларусь данные доходы отражаются на счете 90 «Доходы и расходы по текущей деятельности» (субсчет 90/7 «Прочие доходы по текущей деятельности»)»⁵.

В законодательных актах Республики Беларусь не содержится прямая норма, регулирующая порядок отражения на счетах бухгалтерского учета расходов, связанных с осуществлением соразмерной платы за пользование сервитутом. По мнению Л.И. Куликовой, у обладателя сервитута плата за пользование земельным участком, обремененного сервитутом, в бухгалтерском учете должна отражаться в соответствии с характером использования соседнего участка [3]. Данной позиции придерживаются такие ученые, как А.Б. Тресницкий, Е.С. Попова, И.С. Попова [4] и др. В том случае, если это использование связано с выполнением строительных работ или созданием объектов недвижимости (проведение линий электропередачи, связи, трубопроводов и т.д.), то плату за пользование соседним объектом недвижимости, обремененным сервитутом, необходимо отражать на счете 08 «Вложения в долгосрочные активы». В дальнейшем эта плата должна списываться по правилам списания затрат,

⁴ Энциклопедический словарь экономики и права // Словари на академике. – URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_economic_law.

⁵ Об установлении Типового плана счетов бухгалтерского учета, утверждении инструкции о порядке применения Типового плана счетов бухгалтерского учета и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства финансов Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов: Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 29 июня 2011 № 50 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

увеличивающих инвентарную стоимость возведенных объектов основных средств. В том случае, если сервитут необходим для эксплуатации функционирующих объектов основных средств производственного назначения, расходы по его оплате должны включаться в состав расходов, относящихся к обычной деятельности предприятия. Если сервитут устанавливается для целей, не связанных с производственной деятельностью, данные расходы следует отражать в составе прочих расходов по текущей деятельности [3].

Таким образом, в качестве объектов бухгалтерского учета сервитутных операций следует выделить следующие виды доходов и расходов:

у сервитутодателя – доходы от обременения собственности сервитутом, расходы, связанные с частью имущества, на которую установлен сервитут;

у сервитуария – расходы за пользование сервитутом.

В таблице представлены объекты бухгалтерского учета, выделенные у субъектов сервитутных отношений.

Таблица. – Объекты бухгалтерского учета, выделенные у субъектов сервитутных отношений

Субъекты	Содержание доходов и расходов	Объекты бухгалтерского учета
Сервитутодатель	Доходы от обременения собственности сервитутом	Прочие доходы по текущей деятельности
	Расходы, связанные с частью имущества, на которую установлен сервитут	Прочие расходы по текущей деятельности
Сервитуарий	Расходы за пользование сервитутом	<i>В зависимости от функционального назначения господствующего имущества и целей установления сервитута:</i> – Затраты на производство продукции, товаров (работ, услуг), имущественных прав; – Затраты, связанные с реализацией; – Прочие расходы по текущей деятельности

Согласно Типовому плану счетов для учета указанных в таблице объектов могут быть использованы следующие счета:

- 08 «Вложения в долгосрочные активы»;
- 20 «Основное производство»;
- 23 «Вспомогательные производства»;
- 25 «Общепроизводственные затраты»;
- 26 «Общехозяйственные затраты»;
- 44 «Расходы на реализацию»;
- 90 «Доходы и расходы по текущей деятельности».

Заключение. На сегодняшний день в научной литературе, посвященной вопросам учета, отсутствует единый подход к идентификации сервитута в качестве объекта бухгалтерского учета. Отсутствие единой концепции к пониманию института сервитута как учетной категории вызвано, главным образом, отождествлением экономического и правового содержания исследуемой категории. Сервитут, с одной стороны, относится к вещным правам лиц (право ограниченного пользования), не являющихся собственниками имущества (подп. 4 п. 1 ст. 217 ГК), с другой стороны, относится к разновидности ограничений (обременений) прав собственника недвижимого имущества. Вместе с тем, в основе развития концепции бухгалтерского учета сервитутных операций должен лежать именно экономический подход, согласно которому в качестве объекта учета следует рассматривать не ограниченное вещное право пользования чужим имуществом (ввиду невозможности его самостоятельного участия в гражданско-правовом обороте), а сервитутные операции, которые предполагают взаимоотношения между сторонами сервитута по поводу предоставления, использования и оплаты данного права.

В бухгалтерском учете сервитут отражается через стоимостную оценку доходов и расходов от установления и использования ограниченного права пользования чужим недвижимым имуществом в строго ограниченном объеме и пределах.

Исходя из экономической сущности сервитута как объекта бухгалтерского учета, субъектам хозяйствования (сервитутодателем и сервитуарием) необходимо решить следующие задачи:

- сформировать достоверную информацию об имуществе, обремененном сервитутом;
- регламентировать способы отражения на счетах бухгалтерского учета недвижимости, обремененной сервитутом, доходов и расходов от предоставления и использования права ограниченного пользования имуществом;
- обосновать выбор метода оценки величины соразмерного платежа за пользование сервитутом;
- определить методику распределения затрат, связанных с содержанием имущества, обремененного сервитутом;
- обеспечить контроль за соблюдением правового режима ограниченного вещного права;
- сформировать информационную базу для целей эффективного управления затратами.

В связи с тем, что применение сервитутов в хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования не нашло ещё достаточно широкого применения в Республике Беларусь, многие практические вопросы относительно заключения договора сервитута, отражения на счетах бухгалтерского учета сервитутных операций и их

документального обеспечения остаются актуальными. Развитие методик бухгалтерского и налогового учета сервитутов будет способствовать не только совершенствованию бухгалтерского учета, но и более массовому применению института сервитута в практической деятельности субъектов хозяйствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Папковская П.Я. Курс теории бухгалтерского учета: учеб. пособие. – Минск: ООО «Информпресс», 2000. – 216 с.
2. Вегера С.Г. Развитие бухгалтерского учета земель несельскохозяйственного назначения. – Новополоцк: ПГУ, 2009. – 228 с.
3. Куликова Л.И. Бухгалтерский учет земельных участков, прав аренды и пользования [Электронный ресурс] – URL: <https://www.lawmix.ru/bux/146835>. (дата обращения: 16.07.2024).
4. Попова Е.С., Попова И.С. Особенности учета сервитутов на земельные участки в нефтедобывающих организациях [Электронный ресурс]. – URL: <https://publikacia.net/archive/2017/5/5/50>. (дата обращения: 24.11.2024).

Поступила 11.12.2024

FEATURES OF IDENTIFICATION AND RECOGNITION OF EASEMENT IN ACCOUNTING

N. BUHAROVA, M. PRIMAKOVA, K. AFANASYEVA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

In the economic literature, there is no single approach to the problem of identifying an easement as an object of accounting. Within the framework of this article, an easement as an accounting category is considered from an economic point of view in the context of relations between both sides of easement relations. As a result of the analysis of various approaches, the object of accounting should be considered not a limited proprietary right to use someone else's property (due to the impossibility of its independent participation in civil law turnover), but easement operations, which involve the relationship between the parties to the easement regarding the provision, use and payment of this right. The allocation of income and expenses from the implementation of easement operations as accounting objects will improve the methodology for reflecting expenses and income related to the implementation of a commensurate fee for the use of an easement in accounting accounts.

Keywords: *easement, easement operations, employee property, encumbrance of a real estate object, easementor, easementary.*

УДК 657.631.6

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-12-16

**СТЕЙКХОЛДЕРЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА:
ИДЕНТИФИКАЦИЯ, СОСТАВ, КЛАССИФИКАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ***канд. экон. наук, доц. С.А. ДАНИЛКОВА**(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0243-5342>

В статье рассмотрены вопросы изменения информационных потребностей различных групп пользователей информации о деятельности субъекта хозяйствования, автором идентифицированы стейкхолдеры результатов внутреннего аудита исходя из его исторического опыта становления и развития, на основе научных публикаций отечественных и зарубежных ученых установлены подходы к определению основных пользователей результатов внутреннего аудита, автором приведен перечень стейкхолдеров и их классификация, указаны преимущества и недостатки основных моделей взаимодействия со стейкхолдерами, даны практические рекомендации по выстраиванию стратегии взаимодействия с различными группами стейкхолдеров.

Ключевые слова: *внутренний аудит, стейкхолдеры, интересы и ожидания, классификация стейкхолдеров, модели взаимодействия со стейкхолдерами, заинтересованное лицо, взаимозависимое лицо, пользователи информации, бенефициары.*

Введение. В современном мире информация имеет ключевое значение в жизни человека, организации и общества в целом. Её наличие или отсутствие весьма важно, но и соблюдение предъявляемых требований имеет существенное значение: достоверность, полнота, оперативность, детализация и др. Прежде всего информация о деятельности субъекта хозяйствования формируется собственно в организации, а первичную оценку её качества, как и эффективности системы внутреннего контроля дает внутренний аудит. Внутренний аудит прошел большой исторический путь: от обеспечения сохранности активов и соблюдения законодательства до элемента корпоративного управления, разрабатывающего стратегические альтернативы развития бизнеса [1], в связи с чем ряд ученых определяют его как деятельность, контроль, проверку, оценку, функцию и т.д. Данный подход обусловлен практической потребностью его идентификации как элемента системы внутреннего контроля. Вместе с тем, одной из причин формирования внутреннего аудита была потребность снижения затрат на проведение внешнего аудита и повышение достоверности отчетной информации. Как следствие, внутренний аудит применяет методы, способы, процедуры и т.д. внешнего аудита. Следовательно, содержание внутреннего аудита неоднозначно и имеет двойственную природу. Накопленный исторический опыт, обширное научное обоснование и наличие международной правовой базы позволяет рассматривать внутренний аудит как форму аудита, а с другой стороны, его становление внутри организации как инструмента обеспечения экономического суверенитета субъекта хозяйствования разрешает считать внутренний аудит элементом системы внутреннего контроля. Таким образом, по мнению автора, внутренний аудит – это форма аудита, представляющая элемент системы внутреннего контроля, направленная на многостороннее изучение состояния дел субъекта хозяйствования с целью разработки стратегических альтернатив развития бизнеса и удовлетворения информационных интересов стейкхолдеров [2]. Возникает потребность раскрытия сущности, состава стейкхолдеров и их интересов и ожиданий от результатов внутреннего аудита.

Исходя из вышеизложенного целью исследования является изучение взглядов отечественных и зарубежных ученых на содержание понятия «стейкхолдеры», установление подходов к определению основных пользователей результатов внутреннего аудита, определение перечня стейкхолдеров и их классификации, разработка практических рекомендаций по построению стратегии коммуникации с различными группами стейкхолдеров на основе преимуществ и недостатков основных моделей взаимодействия с ними.

Основными задачами исследования выступают:

- теоретическое построение мнений ученых о сущности понятия «стейкхолдеры», установление тождественности с иными субъектами, которые имеют интерес к информации о деятельности организации;
- распознавание состава стейкхолдеров и классификация их видов в соответствии с информационными ожиданиями бизнеса;
- разработка практических рекомендаций по выбору и построению стратегии взаимодействия с различными группами стейкхолдеров.

Методологической основой исследования выступают положения теории экономических систем, контроля, включающие анализ и теоретическое обобщение сущности стейкхолдеров. Использован сравнительный анализ, метод аналогий, обработка эмпирических данных для выявления причинно-следственных связей и тенденций в развитии информационных ожиданий стейкхолдеров результатов внутреннего аудита, экстраполяция тенденций, экспертный анализ.

Основная часть. В экономической литературе присутствуют различные понятия, определяющие субъекты, которые прямо или косвенно имеют интерес к информации о деятельности организации: заинтересованное лицо, аффилированное лицо, взаимозависимое лицо, пользователи информации, бенефициар, стейкхолдер.

Содержание понятия «заинтересованное лицо» регламентировано в Республике Беларусь законом «Об основах административных процедур» от 28.10.2008 № 433-3, нормативными актами в области таможенного дела, рекламных игр, использования товарных знаков, землеустройства, страховой деятельности и др., а также модельным законом «Об административных процедурах» от 28.10.2022 № 54-28. Обобщая сущность данного понятия можно сказать, что законодатель определяет заинтересованное лицо как физическое или юридическое лицо, указывает на подданность стране и совершение действий в своих законных интересах. Таким образом, по мнению автора, заинтересованное лицо имеет потребность в информации по соблюдению своих прав и обязанностей, но не оказывает влияния на деятельность субъекта хозяйствования, принятие управленческих решений, не изучает отчетную информацию, не анализирует финансовое состояние и т.д.

Сущность понятия «аффилированное лицо» раскрыто в модельном законе «Об акционерных обществах» от 28.10.2010 № 35-13, законе Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 09.12.1992 № 2020-ХП, а также правовых актах, регулирующих банковскую деятельность с рядом государств. Основными признаками аффилированного лица являются указание на юридическое или физическое лицо, которые непосредственно связаны с субъектом хозяйствования, оказывают прямое влияние на его деятельность, на принятие управленческих решений. Законодательством определены критерии отнесения лиц к аффилированным и приведен их перечень. Однако, несмотря на наличие финансовых интересов и высокого влияния на деятельность хозяйственного общества, приведенный перечень аффилированных лиц не в полной мере отражает всех заинтересованных. Так, Республика Беларусь как государство и её административно-территориальные единицы, Национальный банк, республиканские органы государственного управления, иные организации, подчиненные Правительству Республики Беларусь, местные исполнительные и распорядительные органы не являются аффилированными, но они осуществляют государственное регулирование, контроль за результатами деятельности хозяйственного общества и т.д. и их, по мнению автора, следует рассматривать как субъектов, имеющих интерес и влияние на организацию.

Налоговый кодекс Республики Беларусь выделяет взаимозависимых лиц как физических лиц и (или) организаций, чьи отношения оказывают непосредственное влияние на субъект хозяйствования. Законодатель также указывает критерии отнесения лиц к взаимозависимым и приводит их перечень. Аналогично, как и с аффилированными лицами, определены те же лица, которые не являются взаимозависимыми. Следовательно, понятия «аффилированные лица» и «взаимозависимые лица» можно в общем считать тождественными.

Понятие «пользователь информации» получило широкое распространение. Согласно закону Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10.11.2008 № 455-3 пользователь информации – это субъект информационных отношений, получающий, распространяющий и (или) предоставляющий информацию, реализующий право на пользование ею. Таким образом, указан основной критерий – доступ к информации, однако не отражены интересы и ожидания пользователей, их влияние на источник информации, деятельность субъекта хозяйствования и др. Законом Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» от 12.07.2013 г. № 57-3 не раскрыто содержание понятия «пользователь информации», но определен состав пользователей: собственник имущества (учредители, участники) организации, инвесторы, кредиторы, государственные органы, иные лица, заинтересованные в содержащейся в отчетности организации информации. Однако и здесь законодатель не указывает полный перечень заинтересованных.

В национальном банковском законодательстве используется понятие «бенефициар», сущность которого можно трактовать как лицо, получающее выгоду в виде денежных средств, банковских гарантий, платежей. Законодатель не определяет статус бенефициара, гражданство, уровень влияния на деятельность субъекта хозяйствования, его интерес к финансовому состоянию и отчетности организации, что не позволяет идентифицировать его заинтересованного результатов внутреннего аудита.

В современной экономической литературе получило распространение понятие «стейкхолдер». В законодательстве Республики Беларусь данное понятие не содержится. Обобщив мнения зарубежных ученых можно предложить, что стейкхолдер – это физическое или юридическое лицо, оказывающее положительное или отрицательное влияние (прямое или косвенное) на деятельность организации, и сам подверженный влиянию, преследующий определенные интересы.

На протяжении ряда лет было принято считать, что внутренний аудит удовлетворяет информационные потребности внутренних пользователей, а именно руководство субъекта хозяйствования и (или) собственников имущества. Проанализировав мнения отечественных и зарубежных ученых по данному вопросу, автор выделяет следующие подходы в определении пользователей результатов внутреннего аудита:

- руководство и менеджмент субъекта хозяйствования;
- собственники имущества, включая акционеров;
- руководство субъекта хозяйствования и собственники имущества.

Однако, в настоящее время состав пользователей результатов внутреннего аудита весьма широк и не ограничивается собственниками (акционерами) и руководством (менеджментом) организации. К ним относят собственников, заемщиков, акционеров, руководство организации и её сотрудников, государство в лице органов государственного управления и контроля, биржи, внешних аудиторов, благотворительные и общественные организации (профсоюзы), поставщиков и покупателей, инвесторов, банки, конкурентов, средства массовой информации и будущие поколения [3].

Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии единого мнения ученых относительно классификации пользователей результатов внутреннего аудита. Некоторые авторы группируют стейкхолдеров лишь по отношению к субъекту хозяйствования (внешние и внутренние) и степени влияния на его, что не позволяет получить полного представления о них и их интересах. Автор на основе анализа теории и практики приводит классификацию стейкхолдеров результатов внутреннего аудита, которая указана в таблице 1.

Таблица 1. – Классификация стейкхолдеров результатов внутреннего аудита

Классификационные признаки	Виды и состав стейкхолдеров
1. По территориальному признаку	международные – пользователи, не являющиеся резидентами страны нахождения хозяйствующего субъекта, в т.ч. различные международные организации;
	национальные – пользователи, являющиеся резидентами страны нахождения хозяйствующего субъекта;
2. По отношению к субъекту хозяйствования	внутренние – собственники имущества, руководящий состав субъекта хозяйствования и его сотрудники и т.д.;
	внешние – инвесторы, кредитные учреждения, государство, контрагенты, конкуренты, общественные организации и т.д.;
	универсальные – заемщики, акционеры;
3. По влиянию на деятельность субъекта хозяйствования	стейкхолдеры, оказывающие прямое влияние, – пользователи, оказывающие непосредственное влияние на субъект хозяйствования: собственники, менеджмент субъекта, акционеры;
	стейкхолдеры, оказывающие косвенное влияние, – пользователи, которые напрямую не влияют на деятельность субъекта хозяйствования: государство, контрагенты, банки, профсоюзы, СМИ, конкуренты и т.д.;
4. По материальной заинтересованности	заинтересованные – пользователи, имеющие преимущественно материальный интерес: собственники, заемщики, акционеры, руководство организации и её сотрудники, государство, поставщики и покупатели, инвесторы, банки и т.д.;
	незаинтересованные – пользователи, преследующие социальные, экологические и др. вопросы: благотворительные и общественные организации, средства массовой информации, будущие поколения;
5. По участникам гражданского оборота	физические лица;
	юридические лица;
6. По составу	собственники, заемщики, акционеры, руководство организации и её сотрудники, государство, благотворительные и общественные организации, поставщики и покупатели, инвесторы, конкуренты, кредитные учреждения, биржи, внешние аудиторы, СМИ, будущие поколения;
7. По форме участия	очные;
	заочные;
8. По целям	стейкхолдеры, преследующие тактические цели;
	стейкхолдеры, преследующие стратегические цели;
9. По результатам	стейкхолдеры, преследующие материальные результаты, – собственники, заемщики, акционеры, руководство организации, поставщики и покупатели, инвесторы, банки;
	стейкхолдеры, преследующие нематериальные результаты, – средства массовой информации и будущие поколения;
	стейкхолдеры, преследующие иные, комбинированные результаты – сотрудники субъекта, органы государственного управления и контроля, общественные организации;
10. По периодичности интересов	постоянные – пользователи, проявляющие непрерывный, устойчивый интерес к субъекту хозяйствования: собственники, заемщики, акционеры, руководство организации, инвесторы, банки, биржи и т.д.;
	периодические – пользователи, проявляющие эпизодический, случайный интерес: государство, рядовые сотрудники субъекта, благотворительные и общественные организации, СМИ;
11. По роли в деятельности субъекта хозяйствования	первичные – те, кто непосредственно участвует в деятельности хозяйствующего субъекта: руководство и собственники;
	вторичные – те, кто опосредовано участвует в жизнедеятельности организации: государственные органы, банки, внешние аудиторы, биржи, контрагенты;
	последующие – благотворительные и общественные организации, СМИ, будущие поколения;
12. По направлениям интересов	социальные; финансовые; экологические; благотворительные и т.д.
13. По принадлежности (подданности) государству	резиденты страны;
	нерезиденты страны

На протяжении ряда лет зарубежные ученые проявляли интерес к идентификации и классификации стейкхолдеров с целью разработки стратегии управления баланса интересов. С этой целью были разработаны и обоснованы множество моделей взаимодействия со стейкхолдерами, которые имеют преимущества и недостатки (таблица 2).

Таблица 2. – Преимущества и недостатки основных моделей управления стейкхолдерами

Модель	Преимущества	Недостатки
1. Матрица А. Менделоу [4]	– впервые обоснована связь (зависимость) между различными стейкхолдерами; – выделение стейкхолдеров по уровню влияния и интересов	– не учитывает влияние субъекта хозяйствования на интересы стейкхолдеров; – отсутствие критериев отнесения стейкхолдеров к высокому или низкому уровню; – субъективный подход; – не учитывает изменение интересов во времени
2. Типология Дж. Джонсона [5]	– акцент на ключевых стейкхолдерах, имеющих высокое влияние и высокий уровень интереса; – оптимизация времени и усилий	– недостаточное внимание иным стейкхолдерам, которые в совокупности могут оказывать существенное влияние и консолидировать интересы; – присутствие риска утраты управляемости стейкхолдерами
3. Модель Группы Всемирного банка [6]	– разработка различных стратегий управления стейкхолдерами, исходя из их уровней власти и интересов; – маневренность поведения с целью достижения баланса интересов	– наличие риска конфликтов стейкхолдеров; – трудоемкость; – не учитывает изменение позиции стейкхолдера во времени
4. Модель Дж. Фрумана [7]	– учитывает степень взаимозависимости организации и внешней заинтересованной стороны; – выработка гибкой политики взаимоотношений при конфликте интересов	– наличие риска конфронтации сторон; – стейкхолдеры не позиционируются как агенты модернизации экономики и общества
5. Модель Дж. Гарднера [8]	– классификация стейкхолдеров не только по уровню власти, но и по динамике других их характеристик; – анализ возможной динамики конкретных характеристик стейкхолдеров	– трудоемкость; – сложно учесть и прогнозировать динамику позиции стейкхолдеров; – слабое внимание стейкхолдерам с низким уровнем власти

Все существующие модели взаимодействия со стейкхолдерами не являются универсальными, но зная их содержание, преимущества и недостатки можно построить грамотную стратегию по удовлетворению информационных потребностей различных групп стейкхолдеров, минимизировать конфронтации и успешно развивать бизнес. С этой целью целесообразно сотрудникам службы внутреннего аудита субъекта хозяйствования реализовать следующие шаги:

- идентифицировать всех стейкхолдеров организации;
- ранжировать их исходя из уровня влияния на деятельность субъекта хозяйствования;
- определить интересы и ожидания стейкхолдеров на краткосрочную и долгосрочную перспективу;
- спрогнозировать динамику изменения уровня влияния и интересов стейкхолдеров;
- выработать политику взаимодействия с каждой группой стейкхолдеров для достижения баланса интересов;
- определить кризис-маркеры, способствующие возникновению конфликтов интересов стейкхолдеров;
- задокументировать результаты предыдущих этапов;
- применять наилучшие практики взаимодействия.

Заключение. По результатам проведенного исследования автор пришел к следующим выводам:

- генезис внутреннего аудита способствует динамике расширения субъектов, которые имеют интерес к информации о деятельности организации, что позволяет идентифицировать стейкхолдеров результатов внутреннего аудита как физическое или юридическое лицо, оказывающее положительное или отрицательное влияние (прямое или косвенное) на деятельность организации, и сам подверженный влиянию, преследующие определенные интересы;
- обоснованы подходы в определении пользователей результатов внутреннего аудита: руководство и менеджмент субъекта хозяйствования; собственники имущества, включая акционеров; руководство субъекта хозяйствования и собственники имущества, что не позволяет получить представления об их полном составе, интересах и ожиданиях;
- приведены перечень стейкхолдеров и авторская классификация по различным признакам, что позволяет определить и управлять их интересами исходя из преимуществ и недостатков основных моделей взаимодействия со стейкхолдерами;
- указаны преимущества и недостатки основных моделей взаимодействия со стейкхолдерами, что позволило дать рекомендации по выстраиванию стратегии отношений с различными группами заинтересованных лиц и удовлетворению их информационных потребностей, минимизации конфронтации и успешного развития бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилкова С.А. Эволюция внутреннего аудита в контексте управленческих теорий // Вестник НГУЭУ. – 2021. – № 3. – С. 96–102.

2. Данилкова С.А. Идентификация внутреннего аудита как науки, бизнеса, общественного института: состояние и развитие // Исследование механизмов информационного обеспечения внутреннего аудита деятельности экономического субъекта / кол. авторов; под ред. Т.М. Мезенцевой, В.Л. Назаровой. – М.: РУСАЙНС, 2023. – С. 8–19.
3. Данилкова, С.А. Пользователи результатов внутреннего аудита: состав и классификация // Трансформация системы учетно-аналитического, финансового и контрольного обеспечения в условиях цифровизации экономики: материалы нац. (всеросс.) науч.-практ. и метод. конф., Воронеж, 01 февр. 2022 г. – Воронеж: Воронежский ГАУ, 2022. – С. 123–125.
4. Mendelow A. Stakeholder Mapping, // Proceedings of the 2nd International Conference on Information Systems. – Cambridge, MA, 1991. (Cited in Scholes, 1998).
5. Johnson G, Scholes K., Whittington R. Exploring Corporate Strategy. – Harlow: Pearson Education Limited, 2008.
6. Private Health Policy Toolkit. Tools for Engaging the Private Health Sector. – Washington: The World Bank Group, 2013.
7. Frooman J. «Stakeholder influence strategies» // Academy of Management Review. – 1999. – Vol. 24(2). – P. 191–205.
8. Gardner J., Rachlin R., Sweeny H. Handbook of Strategic Planning. – John Wiley & Sons Inc., Hoboken, NJ., 1986.

Поступила 17.10.2024

**STAKEHOLDERS OF THE INTERNAL AUDIT RESULTS:
IDENTIFICATION, COMPOSITION, CLASSIFICATION AND MANAGEMENT**

S. DANILKOVA

(Belarus State Economic University, Minsk)

The article examines the issues of changing the information needs of various groups of users of information on the activities of a business entity, the author identifies stakeholders of the results of internal audit based on its historical experience of formation and development, based on scientific publications of domestic and foreign scientists, approaches to identifying the main users of the results of internal audit are established, the author provides a list of stakeholders and their classification, indicates the advantages and disadvantages of the main models of interaction with stakeholders, and gives practical recommendations for building a strategy for interaction with various groups of stakeholders.

Keywords: *internal audit, stakeholders, interests and expectations, stakeholder classification, stakeholder interaction models, interested party, interdependent party, information users, beneficiaries.*

УДК 330.342

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-17-23

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
СОСТОЯНИЕ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ****А.А. ДЕМИДЧИК***(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

В статье определена роль интеллектуального потенциала в национальной экономике в условиях постиндустриального общества. Проанализировано функционирование системы высшего образования, научной и инновационной деятельности как важнейших факторов формирования и развития интеллектуальных ресурсов в Республике Беларусь. Рассмотрены способы организации и стимулирования научно-исследовательской деятельности, технического творчества одаренных детей и талантливой молодежи. Выявлены тенденции на рынке объектов интеллектуальной собственности Беларуси. На основе проведенного исследования, с учетом разработанной в НАН Беларуси модели «Беларусь Интеллектуальная», предложены меры по совершенствованию кадрового потенциала интеллектуальной экономики Республики Беларусь.

Ключевые слова: интеллектуальные ресурсы, инновационная экономика, система высшего образования, научно-исследовательская деятельность, НАН Беларуси, объекты интеллектуальной собственности.

Введение. Не вызывает сомнения тот факт, что интеллектуальная деятельность людей определяет социально-экономическое развитие государства. Знания, способности, умения, навыки человека в процессе становления и совершенствования инновационного производства выступают в качестве фундамента формирования и смены технологических укладов. В экономических системах развитых стран реализуются структурные преобразования, как правило, на новой технологической основе. Многочисленные научные публикации на данную тематику подтверждают её актуальность и значимость. Так, исследователи рассматривают интеллектуальные ресурсы как экономическую категорию, способ повышения производительности труда, источник конкурентного преимущества, фактор инновационного развития и экономического роста.

Целью работы является анализ механизма развития интеллектуальных ресурсов в контексте выявления возможностей их накопления и эффективного использования в Республике Беларусь. Актуальными остаются также вопросы повышения наукоемкости и конкурентоспособности экономики Республики Беларусь.

Основная часть. Возрастающая роль интеллектуальных ресурсов в социально-экономическом и общественно-политическом развитии инспирирует проведение научно-теоретических исследований, направленных на совершенствование процессов формирования, укрепления и эффективного государственного управления интеллектуальным потенциалом страны. Очевидно, что интеллектуальные ресурсы как экономическая категория имеют свою внутреннюю структуру, внутривидовые взаимосвязи, свойства и функции. Согласно классификации Й. Русса, С. Пайка, Л. Фернстрема интеллектуальные ресурсы состоят из трех основных групп: человеческих, отношенческих, организационных ресурсов [1]. По мнению А.В. Бондаря, А.А. Демидчика, интеллектуальным ресурсам присущи следующие свойства: динамичность, универсальность, эффективность (при разумном использовании), ограниченность, неоднородность, уникальность, воспроизводимость (в том числе и на преимущественно интенсивной основе), субституциональность и комплементарность. Их содержание проявляется в таких функциях, как: воспроизводственная, научно-исследовательская, учётная, аксиологическая, интегративная и инновационно-стимулирующая [2].

В контексте предмета научных исследований рассматриваемая дефиниция не является однозначной. Так, А.И. Татаркин определяет интеллектуальные ресурсы как «систему отношений по поводу производства новых или обогащенных (обновленных) знаний и интеллектуальных способностей индивидуумов, коллективов и общества в целом обеспечивать устойчиво расширенное и сбалансированное воспроизводство национального богатства на интенсивной основе» [3, с. 21]. О.В. Гостева, Е.И. Акентьева считают, что интеллектуальные ресурсы – это «совокупность накопленных знаний по разработанным технологиям и научным открытиям» [4, с. 34]. С точки зрения Е.Э. Головчанской и Н.А. Симченко, интеллектуальные ресурсы – «система совокупности форм интеллектуальных ресурсов индивидуумов, формирующихся в процессе освоения и производства новейших знаний в отношении проведения научных исследований и производства наукоёмкой продукции с целью обеспечения устойчиво расширенного и сбалансированного воспроизводства национального богатства» [5, с. 27]. Н.И. Внуковский выделяет информационно-интеллектуальные ресурсы организации как «весь объем информации, знаний, предназначенный для внутрифирменного использования, так и для взаимосвязи с контрагентами, партнерами по бизнесу и клиентами» [6, с. 82]. Г.А. Гапоненко определяет в структуре данной экономической категории как «интеллектуальные цифровые ресурсы». По мнению автора, целесообразно совершенствовать профессиональные цифровые компетенции, способствующие повышению эффективности хозяйственной деятельности организаций и росту их конкурентоспособности [7]. В нашем исследовании подчеркнем креативный характер интеллектуальных ресурсов при создании объектов интеллектуальной собственности.

В постиндустриальном обществе интеллектуальный потенциал страны в значительной мере содействует инновационному развитию национальной экономики. В свою очередь, эффективность инновационного производства предопределяет её инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность. Е.Э. Головчанская выделяет термин «интеллектуальная активность инновационной экономики» как способность национальной экономики эффективно

воспроизводить новейшие знания в процессе производства объектов интеллектуальной собственности и наукоемкой продукции для обеспечения устойчиво расширенного и сбалансированного воспроизводства национального богатства в современных институциональных условиях [8, с. 110]. В программном документе Стратегия «Наука и технологии: 2018 – 2040»¹ специалисты Национальной академии наук Республики Беларусь подчеркивают тезис о необходимости повышения качества человеческого капитала в стране, в частности, путем расширения подготовки специалистов высшей квалификации по приоритетным специальностям, обеспечивающим развитие высокотехнологичных производств. Они правомерно предлагают рассматривать кадры интеллектуальной экономики в качестве ключевого фактора перспективной модели развития Беларуси. Особенности формирования интеллектуальных ресурсов в Республике Беларусь, по мнению исследователей, определяются существующей системой образования, личностными характеристиками, организационной культурой трудовых коллективов, традициями общества [2, с. 19].

Структурным элементом многоуровневой системы национального образования является высшее образование, обеспечение функционирования которого осуществляет управление высшего образования Министерства образования Республики Беларусь. В Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года² определены направления развития высшего образования: содержание высшего образования, вузовская наука, конкурентоспособность высшего образования. Безусловно, ключевая роль в подготовке специалистов с общим высшим, углубленным высшим или специальным высшим образованием принадлежит университетам. Соответственно, рассмотрим их виды деятельности. Статистические данные таблицы 1 за период с 2018 г. по 2022 г. свидетельствуют о снижении численности студентов с 268 100 до 228 000 человек, магистрантов – с 14 705 до 10 583 человек; выпускников с дипломом о высшем образовании с 64 900 до 57 100, с дипломом магистра с 6774 до 5851 человек.

Таблица 1. – Основные показатели деятельности системы высшего образования в Республике Беларусь³

Наименование показателей	2018	2019	2020	2021	2022
Число учреждений высшего образования	51	51	50	50	50
Численность студентов (тысяч человек); магистрантов (человек)	268,1 14 705	260,9 11 908	254,4 8 984	243,0 12 275	228,0 10 583
Принято студентов (тысяч человек); магистрантов (человек)	58,9 8 177	60,0 6 345	58,3 5 711	55,2 9 123	54,3 5 565
Выпущено специалистов: с дипломом о высшем образовании; с дипломом магистра	64,9 6 774	57,5 7 479	54,6 7 089	55,4 6 199	57,1 5 851
Численность основного профессорско-преподавательского состава в учреждениях высшего образования: из них имеют ученую степень: доктора наук; кандидата наук; ученое звание: профессор; доцента	20 256 1 318 8 264 1 157 7 148	19 943 1 308 8 118 1 147 7 107	19 671 1 223 7 995 1 016 6 978	19 075 1 148 7 685 948 6 700	18 121 1 117 7 339 922 6 424
Численность преподавателей, работающих на условиях штатного совместительства (внешние)	2 328	2 402	2 316	2 324	1 938

Вместе с тем следует обозначить тенденцию увеличения численности студентов при подготовке квалифицированных специалистов с высшим образованием для работы в секторе ИКТ (по видам экономической деятельности: в отрасли производства ИКТ, в отрасли торговли ИКТ, в отрасли услуг ИКТ). Анализ данных таблицы 2 показывает, что за период с 2016 г. по 2022 г. численность обучающихся возросла с 18 576 до 21 038 человек, годовой выпуск специалистов – с 2 882 до 3 906 человек. При этом наибольший рост численности студентов за данный период в этом секторе наблюдаем по специальности информационная безопасность (165,12 %) и электронная экономика (111,75%).

Таблица 2. – Подготовка специалистов с высшим образованием по направлениям образования (группам специальностей), относящимся к ИКТ (человек)⁴

Направления образования	2016			2022		
	Принято	Численность учащихся	Выпущено за год	Принято	Численность учащихся	Выпущено за год
1	2	3	4	5	6	7
Группы специальностей, относящиеся к ИКТ	4 516	18 576	2 882	5 145	21 038	3 906
в том числе:						
Радиоэлектронная техника	635	2 788	445	615	2 436	518

¹ URL: <https://www.nasb.gov.by/>.

² URL: <https://edu.gov.by/kontseptsiya-do-2030.pdf>.

³ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika>.

⁴ URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/231/unbxa475kxqxdfrzkiaewx5zv7gtv.pdf>.

Окончание таблицы 2.

1	2	3	4	5	6	7
Информатика и вычислительная техника	2 785	11 407	1 710	3 075	11 784	2 300
Связь	454	1 991	544	560	1 880	467
Электронная экономика	297	970	–	523	2 054	305
Эргономика	105	488	65	78	413	126
Информационная безопасность	240	932	118	294	2 471	190

Процессы информатизации и цифровизации, возникновение новых форм экономической деятельности, с одной стороны, предъявляют повышенные требования к компетенциям работников и, как следствие, к образовательным программам в высших учебных заведениях Республики Беларусь. С другой стороны, они предоставляют возможности получения современного высшего образования в стране. Характерной чертой реагирования системы высшего образования на изменения конъюнктуры рынка труда можно считать подготовку студентов по новым специальностям. Так, в 2024 г. Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники предложил обучение по ряду новых специальностей: киберфизические системы, электронное машиностроение, цифровой маркетинг, микро- и наноэлектроника; Белорусский государственный университет – международная логистика, страноведение и переводческая деятельность, международная конфликтология; Белорусский государственный технологический университет – проектирование, строительство и эксплуатация беспилотных систем; Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой – экономическая безопасность; Минский государственный лингвистический университет – цифровая лингвистика. В Белорусском государственном экономическом университете в 2019 г. создан факультет цифровой экономики для подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере информационных технологий, востребованных на рынке труда. Заметим также, что Институт повышения квалификации и переподготовки экономических кадров БГЭУ в целях реализации положений Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года для постоянного повышения качества непрерывного образования при организации дополнительного образования осуществляет переподготовку, повышение квалификации, подготовку к сдаче квалификационных экзаменов, стажировку руководящих работников и специалистов с высшим образованием; организует тематические семинары и обучающие курсы по направлениям: менеджмент, финансы и банковская деятельность, право, внешнеэкономическая деятельность и др.

Закон Республики Беларусь от 14 января 2022 г. № 154-З «Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании» самостоятельной формой получения образования определяет дистанционное образование на основе использования дистанционных образовательных технологий. Соответственно, с целью совершенствования воспроизводства человеческого интеллектуального капитала в Беларуси А.В. Бондарь правомерно предлагает заочную форму получения высшего образования по максимуму заменить дистанционной [9, с. 90]. Факультет «Высшая школа управления и бизнеса (ВШУБ)» БГЭУ образован в 1993 г. на базе Центра предпринимательства и управления. В Республике Беларусь он первым начинает подготовку национальной деловой элиты по современным экономическим специальностям, используя передовые образовательные технологии заочной сокращенной, а затем и дистанционной подготовки, на русском и английском языках. В 1996 г. выпускники факультета получают дипломы магистра экономики № 1 государственного образца по экономическим специальностям углубленного высшего образования. В настоящее время на его долю приходится 85% сегмента второго высшего образования, 87% дистанционного обучения и 62% магистерской подготовки по экономическим и юридическим специальностям национальной системы образования Республики Беларусь. ВШУБ БГЭУ в рамках программ TRANSFORM и TACIS сотрудничает с Туринским университетом (Италия), Лионским университетом (Франция), Браун университетом (США), Манчестерским университетом (Великобритания), Банковской академией Германии (ФРГ), Высшей школой бизнеса Архуса (Дания), Санкт-Петербургским университетом (Российская Федерация)⁵.

Уровень конкурентоспособности и эффективности высшего образования в государстве отражается в показателях международной системы оценки деятельности их учреждений. Сравнительный анализ ведущих вузов стран мира (в том числе, возможность применения передового зарубежного опыта в образовательном процессе) способствует совершенствованию национальных систем высшего образования. Международная ассоциация по ранжированию организаций и университетов (IREG – Observatory on Academic Ranking and Excellence) определяет классификацию рейтингов и требования к ним. Места расположения высших учебных заведений в публикуемых рейтингах характеризует качество подготовки и обучения студентов, известность бренда вуза, успешность трудоустройства молодых специалистов (выпускников вуза). А.Д. Король, К.В. Козадаев, А.В. Жук, В.М. Галынский выделяют 12 университетов Республики Беларусь в мае 2021 г., вошедших в 5000 лучших университетов мира по некоторым международным рейтингам: БГУ, БНТУ, БГУИР, БГМУ, ГрГМУ, ГрГУ им. Я. Купалы, ГГУ им. Ф. Скорины, БГТУ, БГПУ им. М. Танка, ВГМУ, ПГУ и БГЭУ. При этом белорусские УВО присутствуют в 10 из 15 глобальных рейтингов. Самые высокие позиции среди высших учебных заведений Республики Беларусь в системе международных рейтингов традиционно занимает Белорусский государственный университет. Как отмечают исследователи, в пяти глобальных рейтингах (шанхайском, тайваньском, лейденском,

⁵ URL: <https://www.bseu.by/>.

Reuters Top 100 и NatureIndex) пока нет ни одного представителя Республики Беларусь. Причины этого – малое число ранжируемых мест и сложные для выполнения индикаторы (например, число работающих нобелевских лауреатов) [10, с. 14]. Подчеркнем, что на официальных сайтах учреждений высшего образования Республики Беларусь представлены занимаемые позиции учебных заведений в рейтинговой системе оценки, а также дорожная карта продвижения УВО в международных рейтингах университетов.

Проблематика и направления развития высшего образования в Республике Беларусь регулярно рассматриваются на различных мероприятиях (30.12.2019 г. – круглый стол в пресс-центре БЕЛТА на тему: «Современное состояние и перспективы развития высшего образования в Беларуси» с участием ректора БНТУ С.В. Харитончик, ректора БрГТУ С.А. Касперович, ректора МГЛУ Н.П. Барановой, ректора БГУИР В.А. Богуш, ректора РИВШ В.А. Гайсенко, ректора БГУ А.Д. Короля; 25–26 марта 2021 г. – XXIV Международная научно-методическая конференция «Проблемы и основные направления развития высшего технического образования», Минск, БГТУ; 22.11.2023 г. – XVI Международная научно-методическая конференция «Высшая школа: проблемы и перспективы», Минск, РИВШ).

Ключевым фактором расширенного воспроизводства интеллектуальных ресурсов выступает наука. Основными формами подготовки научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь являются аспирантура (адъюнктура) и докторантура. Согласно данным таблицы 3 за период с 2018 г. по 2022 г. наблюдаем сокращение численности аспирантов с 5 357 до 4 414 человек; выпускников аспирантуры с 857 до 796 человек; лиц, окончивших аспирантуру (адъюнктуру) с защитой диссертации с 92 до 67 человек. За рассматриваемый период времени численность докторантов увеличивается с 572 до 703 человек; выпускников докторантуры с 69 до 112 человек; лиц, окончивших докторантуру с защитой диссертации с 6 до 12 человек. С точки зрения исследователей, в сегменте подготовки научных кадров высшей квалификации Республики Беларусь показатели деятельности аспирантуры и докторантуры едва ли можно признать удовлетворительными ввиду больших потерь контингента в период работы над диссертациями и значительного количества диссертантов, не защитивших свои работы в течение трех лет после окончания аспирантуры (адъюнктуры) и докторантуры [2, с. 21]. В системе аттестации научных работников высшей квалификации количество советов по защите кандидатских диссертаций с 2018 г. по 2022 г. уменьшается с 40 до 33, докторских диссертаций – с 128 до 100. Заметим, что в 2018 г. было разработано и утверждено 169 паспортов специальностей, а в 2022 г. данный показатель снижается до 18 (в 2021 г. – 22). С 2018 г. по 2022 г. уменьшается также количество присвоенных ученых званий доцента с 374 до 290. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. количество присвоенных ученых званий профессора значительно увеличивается с 47 до 83 или на 76,6% [11, с. 95].

Таблица 3. – Основные показатели деятельности аспирантуры (адъюнктуры) и докторантуры в Республике Беларусь⁶

Наименование показателей	2018	2019	2020	2021	2022
Число учреждений образования, организаций, реализующих образовательную программу: аспирантуры (адъюнктуры); докторантуры	123 68	122 70	122 75	122 74	120 74
Численность обучающихся (человек): в аспирантуре (адъюнктуре); в докторантуре	5 357 572	5 332 616	5 093 705	4 709 706	4 414 703
Принято (человек): в аспирантуру (адъюнктуру); в докторантуру	1 628 153	1 477 162	1 272 219	1 179 159	1 166 147
Выпущено (человек): из аспирантуры; из них с защитой диссертации; из докторантуры; из них с защитой диссертации	857 92 69 6	777 79 94 13	848 71 89 12	869 55 108 9	796 67 112 12
Присуждено ученых степеней: кандидата наук; доктора наук	489 50	358 39	307 40	347 40	308 48

Очевидно, что структура и развитие кадрового потенциала науки, успешное осуществление приоритетных направлений научных исследований и разработок определяют эффективность научной, инновационной деятельности в государстве. Однако, в Республике Беларусь количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки уменьшается с 455 в 2018 г. до 448 в 2022 г. (в 2012 г. таких организаций насчитывается 530). Также снижается численность работников, выполняющих научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, с 27 411 человек в 2018 г. до 25 233 человек в 2022 г. (в 2000 г. численность данной категории работников составляет 32 926 человек). Вместе с тем, необходимо отметить, что удельный вес исследователей, занятых в секторе ИКТ, в общем количестве исследователей, выполняющих НИОКР, увеличивается с 4,8%

⁶ URL: <https://edu.gov.by/kontseptsiya-do-2030.pdf>.

в 2018 г. до 5,3% в 2022 г. Происходит сокращение численности исследователей, имеющих ученую степень: доктора наук с 627 человек в 2018 г. до 523 человек в 2022 г. (в 2001 г. аналогичный показатель достигает значения 831 человек); кандидата наук – с 2864 человек в 2018 г. до 2603 человек в 2022 г. (2000 г. – 3856 человек). Возрастная структура исследователей не является оптимальной. В 2021 г. численность исследователей составляет: в возрасте 60 – 69 лет: докторов наук – 175 человек (31,93%), кандидатов наук – 585 человек (22,29 %); в возрасте 70 лет и старше: докторов наук – 277 человек (50,54%), кандидатов наук – 367 человек (13,98%).

Общепризнано, что инвестиции в научные исследования и разработки выступают одним из основных индикаторов состояния интеллектуальной сферы национальной экономики. Более того, чем выше уровень внутренних затрат на научные исследования и разработки, тем выше уровень экономического развития (благополучия) страны. В Республике Беларусь объем финансирования НИОКР в процентах от ВВП на протяжении ряда лет приобретает тенденцию к снижению: 2018 г. – 0,60%, 2019 г. – 0,58%, 2020 г. – 0,54%, 2021 г. – 0,47%⁷. На решение проблемы низкой наукоемкости белорусской экономики направлен ряд исследований отечественных ученых и специалистов.

В условиях геоэкономической и геополитической нестабильности достижение высокого уровня технологической конкурентоспособности страны становится одной из основных задач государственной политики. В Постановлении Совета Министров Республики Беларусь «Об обеспечении технологического суверенитета» от 1 декабря 2023 г. № 855 определяется задача совершенствования научного и кадрового потенциала, конструкторско-технологической и производственной базы в целях укрепления технологической независимости государства. Национальная академия наук Республики Беларусь является высшей государственной научной организацией страны, в которой работают 92 академика, 107 членов-корреспондентов, 316 докторов, 1399 кандидатов наук. Основные формы сотрудничества с высшей школой включают: чтение курсов лекций в учебных заведениях республики (по 554 дисциплинам), руководство (соруководство) магистерскими диссертациями (174), курсовыми (1025) и дипломными (517) работами, работу в государственных экзаменационных (аттестационных) комиссиях (195 человек) [11, с. 44]. Также в 2022 г. в целях формирования профессиональных навыков студентов в сфере наукоемких технологий и производств в НАН Беларуси действуют 57 совместных с учреждениями высшего образования лабораторий (кафедр, центров и филиалов) [11, с. 58]. Следует выделить работу специалистов физико-технического института и НПЦ по материаловедению Национальной академии наук Беларуси, Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Белорусского государственного университета по созданию и испытанию полномасштабного сверхпроводящего ниобиевого резонатора в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне [12, с. 26]. В сфере подготовки кадров высшей квалификации в НАН Беларуси функционируют 39 советов по защите диссертаций, в том числе 31 совет по защите докторских диссертаций и 7 советов по защите кандидатских диссертаций; 303 ученых работают в советах по защите диссертаций при научных организациях и учреждениях высшего образования страны, из них 237 докторов наук и 66 кандидатов наук. В 2022 г. для отраслей народного хозяйства в НАН Беларуси подготовлены и защищены 6 докторских и 29 кандидатских диссертаций по 12 отраслям науки [11, с. 45].

Для выполнения программы совершенствования научной сферы Республики Беларусь (плана мероприятий по повышению эффективности научной, научно-технической и инновационной деятельности) НАН Беларуси совместно с Министерством образования реализует комплекс мер по привлечению учащихся учреждений образования к научной деятельности, выявлению талантливой молодежи и популяризации научных знаний. Так, в учреждениях общего среднего образования ежегодно проводятся республиканские конкурсы работ исследовательского характера по учебным предметам. При организации научной профориентации в учреждениях среднего специального образования функционируют более 60 научно-исследовательских объединений. В учреждениях дополнительного образования в целях стимулирования технического творчества детей и молодежи созданы площадки в области робототехники, нейрорегуляции, инженерного и графического дизайна, виртуальной и дополненной реальности и др. [11, с. 57]. На базе Центрального ботанического сада НАН Беларуси 2 сентября 2023 г. в пятый раз состоялся «Фестиваль науки – 2023», на котором были представлены современные достижения науки и техники, проведены инженерные мастер-классы, интеллектуальные игры, научные интерактивы, лекции. Критериями отбора учащихся в УО «Национальный детский технопарк» являются результаты их участия в международных и республиканских образовательных мероприятиях, конкурсах работ исследовательского характера, турнирах юных физиков и юных математиков, а также наличие индивидуального или командного проекта научно-исследовательского характера. Для проведения лекций приглашаются преподаватели ведущих учреждений высшего образования, научные сотрудники НАН Беларуси. Высокотехнологичное оборудование, установленное в учебных лабораториях Национального детского технопарка, соответствует перспективным направлениям развития науки и техники и ориентировано на инженерно-технические специальности цифровой экономики XXI в., инновационные профессии будущего и научную деятельность. Образовательная программа технопарка для одаренных детей и молодежи реализуется по 15 направлениям: «Авиакосмические технологии», «Архитектура и дизайн», «Биотехнологии», «Виртуальная и дополненная реальность», «Зеленая химия», «Инженерная экология», «Информационные и компьютерные технологии», «Информационная безопасность», «Лазерные технологии», «Машины и двигатели. Автомобилестроение», «Наноиндустрия и нанотехнологии», «Природные ресурсы», «Робототехника», «Электроника и связь», «Энергетика будущего» [11, с. 258].

⁷ URL: <https://edu.gov.by/kontseptsiya-do-2030.pdf>.

Проанализируем способность экономики Республики Беларусь воспроизводить новейшие знания в процессе производства объектов интеллектуальной собственности (в контексте интеллектуальной активности инновационной экономики). Данные таблицы 4 за период с 2018 г. по 2022 г. свидетельствуют о значительном снижении количества выданных патентов с 547 до 342 (37,75%) и товарных знаков с 20 142 до 16 618 (17,5%). Также наблюдаем сокращение количества регистрируемых полезных моделей с 372 в 2018 г. до 312 в 2022 г. Динамика промышленных образцов за данный период времени приобретает в стране скачкообразный характер.

Таблица 4. – Регистрация прав интеллектуальной собственности в Республике Беларусь⁸

Вид прав интеллектуальной собственности	Количество (место в мировом рейтинге)				
	2018	2019	2020	2021	2022
Патенты	547 (57)	393 (62)	394 (63)	386 (61)	342 (69)
Полезные модели	372 (28)	334 (23)	308 (28)	339 (22)	312 (24)
Товарные знаки	20 142 (45)	19 779 (45)	19 335 (46)	19 553 (46)	16 618 (52)
Промышленные образцы	448 (66)	709 (53)	409 (66)	784 (44)	559 (53)

Вместе с тем Республика Беларусь находится в верхней половине рейтинга стран мира по числу действующих регистраций прав интеллектуальной собственности. В рамках СНГ по данным показателям Беларусь уступает лишь Российской Федерации, Украине, Казахстану и Узбекистану. Абсолютным лидером по созданию и регистрации объектов интеллектуальной собственности выступает Китай. Так, в КНР с 2018 г. по 2022 г. количество выданных патентов возрастает с 1 542 002 до 1 619 268, полезных моделей – с 2 072 311 до 2 950 653, товарных знаков – с 7 365 522 до 7 513 504, промышленных образцов – с 708 799 до 798 112. В 2022 г. доля Китая в общемировом объеме регистрируемых патентов достигает 46,83%; полезных моделей – 98,01%; товарных знаков – 48,33%; промышленных образцов – 53,83%⁹.

Развитие рынка интеллектуальной собственности в стране предполагает создание условий для его функционирования, включая подготовку специалистов для работы в данном секторе. Национальный центр интеллектуальной собственности (НЦИС) Республики Беларусь на постоянной основе обучает представителей различных профессиональных кругов, в том числе предприятий торгово-промышленного комплекса страны, сферы малого бизнеса по основным и специализированным программам дополнительного образования взрослых в сфере интеллектуальной собственности. Соответственно, утверждены и проводятся тематические курсы по следующим направлениям: оформление прав на объекты права промышленной собственности, авторское право и смежные права, патентная информация и патентные исследования и др. В 2022 г. разработана программа обучающего курса «Отраслевые вопросы охраны и защиты интеллектуальной собственности». В целях повышения эффективности коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности реализуется проект «Биржа интеллектуальной собственности». Также в Республике Беларусь формируется сеть центров поддержки технологий и инноваций. К концу 2022 г. функционирует 24 ЦПТИ на базе: НЦИС, БГУ, ВГМУ, ПолесГУ, БГУИР, ПГУ, БрГТУ, БГТУ, МИТСО, ГрГУ им. Янки Купалы, ГГАУ, БГЭУ, ГГУ, Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, ЗАО «Технологический парк Могилев» и др. [11, с. 163, 168].

Направления развития и эффективного использования интеллектуальных ресурсов в рамках модели «Беларусь Интеллектуальная» определены в документе Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» НАН Беларуси. Накопление интеллектуальной составляющей экономического роста предлагается осуществлять в процессе превращения Беларуси в IT-страну; усиления взаимодействия в науке и инновациях (инновационное сотрудничество); наращивания научно-технической компетентности, обеспечивающей повышение международного имиджа белорусского образования и науки. В настоящее время реализуется второй этап Стратегии (2021–2030 гг.) – создание системных условий и цифровая интеллектуальная модернизация традиционных отраслей посредством формирования точек роста наукоемкой экономики. Выделим прогнозируемые показатели результативности Стратегии к 2040 г.: наукоемкость валового внутреннего продукта – 3%; доля прорывных научных исследований и разработок – 30% от общего объема выполняемых исследований и разработок; доля высокотехнологичных секторов в структуре экономики – 10%; удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженной промышленной продукции организациями, основным видом экономической деятельности которых является производство промышленной продукции – 25%. По мнению специалистов НАН Беларуси, в условиях интенсивного развития технологий формирование нового качества человеческого капитала становится определяющим условием прогресса и гуманизации использования его достижений¹⁰.

Заключение. Расположение Республики Беларусь в верхней половине рейтингов стран мира по индексу уровня образования, по уровню готовности к использованию, внедрению и адаптации передовых технологий, по развитию информационно-коммуникационных технологий, по индексу человеческого развития, по рейтингу Doing Business, по глобальному индексу инноваций (GII), по индексу конкурентоспособности промышленности (CIP), по количеству регистрируемых прав интеллектуальной собственности характеризует высокий уровень интеллектуального потенциала государства. В целях устранения тенденции сокращения патентной активности (основного пока-

⁸ URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp>.

⁹ Там же.

¹⁰ URL: <https://www.nasb.gov.by/>.

зателя технологического суверенитета страны) необходимо обеспечить повышение эффективности функционирования института интеллектуальной собственности в Республике Беларусь и углубление международного научно-технического сотрудничества государства с дружественными странами (КНР, РФ и др). Также, достижение планируемых показателей результативности Стратегии «Наука и технологии: 2018–2040» и реализация положений разработанной в НАН Беларуси модели «Беларусь Интеллектуальная» (в т.ч. создание условий для вхождения страны в лидирующую группу по Индексу человеческого развития и Индексу глобальной конкурентоспособности) будут способствовать развитию кадрового потенциала интеллектуальной экономики Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интеллектуальный капитал: практика управления / Й. Руус, С. Пайк, Л. Фернстрем; пер. с англ. М.П. Аккая. – 2-е изд. – СПб.: Высш. шк. менеджмента: Изд. дом С.-Петербург. ун-та, 2008. – 418 с.
2. Бондарь А.В., Демидчик А.А. Интеллектуальные ресурсы в национальной экономике // Вестник БГЭУ. – 2022. – № 2(151). – С. 15–26.
3. Татаркин А.И. Интеллектуальный ресурс общества и его роль в воспроизводственном процессе // Экономика региона. – 2010. – № 3. – С. 20–32.
4. Гостева О.В., Акентьева Е.И. Интеллектуальные ресурсы как основа интеллектуального капитала организации // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2015. – № 6(37). – часть 3. – С. 34–36.
5. Головчанская Е.Э., Симченко Н.А. Методология развития интеллектуальных ресурсов инновационно-ориентированной национальной экономики в условиях институционального окружения // Вектор науки ТГУ. Сер: Экономика и управление. – 2018. – №3(34). – С. 26 – 31.
6. Внуковский Н.И. Особенности информационно – интеллектуальных ресурсов в контексте цифровой трансформации // Инновационная наука. – 2024. – № 4-2. – С. 80–84.
7. Гапоненко Т.В. Интеллектуальные цифровые ресурсы как фактор развития организации // Вестник Алтайской академии и права. – 2023. – № 2. – С. 194–199.
8. Головчанская Е.Э. Развитие интеллектуальных ресурсов Республики Беларусь: теория, методология, практика. – Минск: БГУ, 2018. – 227 с.
9. Бондарь А.В. Трансформация человеческого капитала в экономике знаний // Белорусский экономический журнал. – 2023. – № 4. – С. 83–92.
10. Международные рейтинги в системе высшего образования Республики Беларусь / А.Д. Король, К.В. Козадаев, А.В. Жук, В.М. Галынский // Высшая школа. – 2021. – № 4(144). – С. 13–17.
11. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2022 года: аналит. докл. / Под ред. С.В. Шлычкова, В.Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2023. – 298 с.
12. Щербаков С.С. На пути к технологическому суверенитету // Наука и инновации. – 2022. – № 10(236). – С. 22–31.

Поступила 04.11.2024

**INTELLECTUAL RESOURCES OF THE REPUBLIC OF BELARUS:
STATUS AND DEVELOPMENT FACTORS**

A. DEMIDCHIK

(Belarus State Economic University, Minsk)

The article defines the role of intellectual potential in the national economy in a post-industrial society. The functioning of the higher education system, scientific and innovative activities as the most important factors in the formation and development of intellectual resources is analyzed in the Republic of Belarus. Ways of organizing and stimulating research activities and technical creativity of gifted children and talented youth are considered. Trends in the market of intellectual property in Belarus have been identified. Based on the research, taking into account the “Belarus Intellectual” model developed at the National Academy of Sciences of Belarus, measures were proposed to improve the human resources potential of the intellectual economy of the Republic of Belarus.

Keywords: *intellectual resources, innovative economy, higher education system, research activities, National Academy of Sciences of Belarus, intellectual property objects.*

УДК 330.322

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-24-28

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИХ ИНИЦИАТОРОВ

канд. экон. наук **Е.О. ДРУЖИНИНА**
(Брестский государственный технический университет)

Привлечение инвесторов играет значимую роль в развитии народнохозяйственного комплекса и занятости в регионе, но реализуемые проекты должны соответствовать региональным приоритетам в части решения экологических и социальных задач. Социально-экономическая оценка инвестиционных предложений и бизнес-планов должна базироваться на оценке параметров, комплексно отражающих экономическое, социальное и экологическое влияние на территорию реализации инвестиционных проектов. Социально-экономическая оценка инвестиционных проектов субъектов хозяйствования региона и использование её результатов позволит определить роль данных проектов в развитии региона, а также обеспечить их рациональный отбор для предоставления государственной поддержки и повысить её эффективность. В статье выделены ключевые аспекты определения инвестиционного проекта и рассмотрены подходы к оценке эффективности инвестиционных проектов. Обоснована важность применения мер государственной поддержки инвестиционных проектов органами управления с учетом критерия социальной ответственности инициатора проекта.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инвестиционный проект, эффективность инвестиционного проекта, ответственность инициатора проекта, социально-экономическая оценка.

Введение. Стратегическая цель развития регионов в качестве одного из основных направлений определяет формирование инвестиционной политики и совершенствование механизмов её реализации с ориентацией на цели устойчивого развития территорий. Задачами являются стимулирование инвестиций в новые виды деятельности, государственная поддержка на местном уровне инвесторов (инициирование принятия законодательных актов, направленных на защиту и гарантию инвестиций, льготы и преференции предприятиям). Финансирование реализации направлений стратегического устойчивого развития региона может осуществляться за счет различных источников, таких, как прямое бюджетное финансирование, предоставление государственной поддержки на инвестиционные проекты, предоставляемые в рамках государственных программ на условиях конкурса, кредитование мероприятий, кредитование коммерческих банков по мероприятиям государственных и региональных программ, финансирование территориальных программ из местных бюджетов и др.¹

Необходимость успешной реализации инвестиционной стратегии устойчивого развития региона предъявляет новые требования к рассмотрению эффективности инвестиционных проектов. Обеспечение устойчивого развития территорий обязывает разработчиков и инициаторов инвестиционных проектов учитывать все последствия их реализации – экономические, социальные и экологические. Следовательно, важно проводить социально-экономическую оценку инвестиционных проектов, включая определение экономической целесообразности, расчет социально-экономической эффективности, установление соответствия проекта экологическим стандартам, оценки влияния реализации проекта на социозкосистему региона с учетом социального и экологического фактора.

Инвестиции являются значимым звеном в развитии регионов, причем инвесторами являются как частные инвесторы, так и государство в лице соответствующих региональных органов. Развитие инвестиционной деятельности входит в приоритеты региональной политики, способствует реализации стратегии устойчивого развития. Но не все инвестиционные проекты могут приносить пользу для общества, природы. Хозяйственная деятельность может оказывать разрушительное (деструктивное) воздействие. Поэтому возникает обоснованная необходимость учитывать социальный и экологический фактор в оценке инвестиционных проектов, проводить оценку влияния инвестиционных проектов на социозкосистему региона.

В настоящее время оценка социальных и экологических аспектов инвестирования в большинстве случаев осуществляется посредством определения общественной эффективности проекта, проведения экологической экспертизы в соответствии с законодательством по отдельным инвестиционным проектам. Однако, при этом не в полном объеме учтены вопросы экологических и социальных последствий проектов, реализуемых субъектами хозяйствования региона. Это обуславливает необходимость учета экономических, социальных, экологических факторов для сбалансированного развития региона при осуществлении инвестиционной деятельности субъектами хозяйствования.

На основе выделенной проблемы можно сформулировать задачу настоящего исследования, которая заключается в рассмотрении существующих подходов к оценке инвестиционных проектов, в том числе с учетом социальных и экологических факторов, а также прогнозируемых последствий их реализации и оценки ответственности инициатора проекта.

Основная часть. Начальной фазой инвестиционной деятельности является разработка проектных материалов, или бизнес-планирование, включающее определение целей развития предприятия и обоснование методов их достижения путем осуществления определенных действий и бизнес-проектов. *Бизнес-проект* представляет собой

¹ Стратегия устойчивого развития Брестской области на 2016–2025 годы: проект. – Брест: [б. и.], 2015. – 117 с.

документально оформленные предпринимательские идеи и действия по их реализации. Бизнес-проект предназначен для увязки операционных, финансовых и инвестиционных решений для достижения устойчивого успеха организации на основе менеджмента качества управления. Существует многообразие трактовок и подходов к определению «проект». Рассмотренные подходы к определению термина позволяют условно представить понимание проекта:

1) как описание идеи, замысла, как объект вложения инвестиций, что в большей части характерно для финансового менеджмента;

2) как объекта, генерирующего денежные потоки доходов и расходов, для принятия решения о целесообразности его реализации на основе оценки привлекательности, что характерно для инвестиционного менеджмента;

3) как системы (изменение системы), в виде мероприятий (комплекса взаимосвязанных мероприятий), набора процессов с акцентом на оптимизацию затрат при реализации проекта в соответствии с проектными ограничениями, что часто применяется в проектном менеджменте [1]. При этом под процессами понимается совокупность взаимосвязанных действий и процедур, связанных с реализацией функций управления. Это обусловлено тем, что подготовка, обоснование и реализация инвестиционных проектов для достижения целей и сохранения финансовой устойчивости организации в процессе его развития должны сопровождаться управлением. Так, управление проектом состоит в реализации процессов инициации, планирования, исполнения, мониторинга и управления, завершения.

В экономической литературе отмечается преобладание понятий «проект» и «инвестиционный проект», обусловленная тем, что разработка и реализация любого проекта требует вложения необходимого объема капитала (в материальной, финансовой, нематериальной, иной формах). Инвестиционный проект в рамках финансового менеджмента большинством авторов отождествляют с термином «проект» и рассматривают как самостоятельный объект управления, а не как один из видов проекта. Другие авторы, напротив, к одному из видов проектов при классификации по характеру предметной области относят инвестиционный проект наряду с инновационным, научно-исследовательским, учебно-образовательным и смешанным.

Анализ трактовок различных авторов позволяет выделить следующие ключевые аспекты определения инвестиционного проекта: 1) как документальное описание; 2) как комплекс мероприятий, действий, процедур; 3) как объект реального инвестирования.

Следует отметить, что многие авторы первично рассматривают инвестиционный проект как комплекс действий, реализуемых на определенных стадиях, а совокупность документов – как ключевой элемент проекта при обосновании целесообразности его реализации. Особенности содержания понятия «инвестиционный проект» в отечественной литературе свидетельствуют, что при проектном подходе под ним понимаются любые проекты, связанные с инвестированием денежных средств в реальные активы на срок более года [2]. Мы придерживаемся определения проекта, – как определено в трудах П.Л. Виленского, В.Н. Лившица, С.А. Смоляка, – как комплекса законных действий (работ, услуг, управленческих операций и решений), обеспечивающих достижение определенных целей (получение определенных результатов), а инвестиционный проект – проект, предусматривающий в числе других действий осуществление инвестиций [3].

В современных условиях ключевое значение имеют социальные и экологические показатели проекта. Социально-экономическая оценка инвестиционных проектов является достаточно сложным процессом, поскольку отображает, с одной стороны, уровень достижения целей и интересов хозяйствующего субъекта, а с другой – роль предприятия в достижении целей социально-экономической системы более высокого уровня (района, города, региона). На практике существует сложность и ограниченность применения данных показателей, которая проявляется в несопоставимости их между собой, поэтому соизмерить социальные и экологические эффекты предлагается через экономические показатели.

В экономической науке сформировалось два подхода к социально-экономическим показателям. Одни исследователи в социально-экономические показатели включают влияние экологического фактора и рассматривают в равной части экономические, социальные и экологические показатели, которые формируют социально-экономические результаты в совокупности [4]. Так, в методических рекомендациях по оценке эффективности научных, научно-технических и инновационных разработок и их внедрения под социальной эффективностью следует понимать достижение социальных, экологических и иных результатов научных, научно-технических и инновационных разработок, которые не могут быть оценены системой прямых стоимостных показателей, рассматриваются как источники косвенных (дополнительных) эффектов и учитываются при принятии решений о реализации и (или) государственной поддержке программ и инновационных проектов². В других работах под социально-экономической эффективностью понимается соотношение стоимости социальных результатов/эффектов, допускающих возможность измерения в стоимостных показателях, и стоимости затрат на осуществление данных инициатив [5]. При этом экологический фактор включается в социальный, но экономический рассматривается только как необходимость достижения социального эффекта.

В рамках исследования автор, наряду с другими учеными-экономистами, в составе социальной составляющей оценки инвестиционных проектов учитывает и экологическую, а экономическую составляющую рассмат-

² Методические рекомендации по оценке эффективности научных, научно-технических и инновационных разработок и их внедрения [Электронный ресурс] : постановление Гос. ком. по науке и технологиям Респ. Беларусь, 20 апр. 2017 г., № 9 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

ривает наравне с социальной и экологической. В исследовании рассматривается триада: экономические, социальные и экологические последствия реализации проектов, а объединяет их социально-экономическая оценка инвестиционных проектов. Важным параметром социально-экономической оценки инвестиционных проектов является оценка их эффективности. Подходы к эффективности, распространённые в экономической теории, могут быть типологизированы таким образом [6]:

- 1) эффективность как соответствие интересам: учитываются либо интересы всех индивидов, либо интересы некоторых избранных индивидов или групп;
- 2) эффективность как максимизация (или минимизация) некоторых функций: используются критерии максимума ВВП, общей полезности, выпуска в натуральных единицах;
- 3) эффективность как соответствие принципам (свободы или справедливости). Эффективность как соответствие принципам не предусматривает достижения каких-либо конкретных целей, в отличие от первого и второго направлений.

В целях оценки влияния на регион предлагается рассматривать эффективность инвестиционного проекта как соответствие параметров инвестиционного проекта принципам корпоративной социальной ответственности (КСО). Но при этом параметры инвестиционного проекта должны соответствовать целям социально-экономического развития территории его реализации и интересам его участников. Это предполагает учет дополнительных расходов инвестора, обусловленных сознательным участием в улучшении социальной и экологической ситуации в регионе его хозяйственной деятельности. Стоимостная оценка влияния реализации инвестиционного проекта на социозкосистему может показать, что финансовые вложения в реализацию данных инициатив способны приносить инвесторам и всему обществу такую выгоду, которая существенно превышает ресурсные затраты. Измерить такое влияние не просто, поскольку для измерения эффектов и оценки расходов, благодаря которым эти эффекты возникают, используются разные показатели. С одной стороны, инвестиции имеют универсальное (денежное) выражение, с другой стороны, рассматриваются различные, чаще всего натуральные, изменения в развитии региона, которые являются следствием реализации проектов.

На сегодняшний день существует несколько подходов к оценке эффективности инвестиционных проектов.

– *Эффективность проекта в целом:*

- 1) коммерческая эффективность оценивается с целью выявления соответствия проекта коммерческим целям и интересам его участников, не учитывает социальные и экологические последствия реализации проектов;
- 2) социально-экономическая (общественная) эффективность проекта определяется с целью выявления соответствия проекта целям социально-экономического развития общества, рассчитывается для общественно значимых проектов (глобальных, народно-хозяйственных, региональных, отраслевых, предусматривающих партнерство государства и частного сектора и некоторых других). В научной литературе понятие общественной эффективности инвестиционных проектов было введено в работах авторского коллектива под руководством В.Н. Лившица [7].

– *Эффективность участия в проекте:*

- 1) бюджетная эффективность, характеризует использование бюджетных средств в проекте и отражает влияние на доходы и расходы бюджета соответствующего уровня;
- 2) региональная эффективность, характеризует вклад проекта в общественные результаты на региональном уровне;
- 3) эффективность участия предприятия и другие.

Социально-экономическая эффективность выражается в следующих аспектах:

– социальном: заключается в подчинении целей экономического роста приоритетным задачам социального развития;

– экологическом: максимально возможное сохранение полезных свойств природной среды для общества;

– экономическом: заключается в соответствии конечных результатов заданным параметрам экономического роста, как по стране в целом, так и в отдельности по регионам. Экономический характер содержания эффективности говорит об удовлетворении частных интересов, в то время как социально-экономический предполагает наиболее полное удовлетворение материальных и общественных потребностей.

Социально-экономическая эффективность имеет многоаспектный характер, учитывает удовлетворение потребностей внутренних и внешних заинтересованных сторон. Научно-методологическое обоснование оценки социально-экономической эффективности находится в области проектного анализа [8].

Проектный анализ – это методология, применяемая для определения, сравнения и обоснования альтернативных управленческих решений целесообразности реализации инвестиционного проекта на основе его комплексной оценки. В ходе применения данной методологии осуществляется: анализ воздействия будущего объекта планируемой деятельности на окружающую среду и социум; предотвращение создания объектов, использование которых нарушает права физических и юридических лиц, интересы государства или не отвечает установленным требованиям стандартов (норм и правил); оценка эффективности и целесообразности осуществляемых инвестиций.

Проектный анализ – один из основных видов работ (метод исследования), выполняемый инициатором проекта на прединвестиционной стадии проекта с целью определения *социально-экономической эффективности проекта*, комплекса рисков, целесообразности реализации проекта и организации его финансирования [9].

Теоретико-практическое описание проектного анализа изложено в трудах зарубежных и отечественных ученых Э. Хельфегта, В. Беренса, В.В. Ковалева, И.В. Липица, В.В. Коссова, А.Г. Шахназарова, В.Н. Лившица, И.А. Никоновой, Ю.И. Енина, С.П. Коваленко, А.Н. Сенько и др., включает различные подходы к построению

информационной среды для анализа и методик расчетов эффективности, реализуемости проектов в зависимости от целей субъекта анализа [10–13]. Однако вопросы оценки последствий инвестиционных проектов для региона, его экологической и социальной системы, отнесены к прерогативам института экспертиз (общественная экологическая экспертиза, государственная экологическая экспертиза и др.) и тем самым не дают возможности сплошного исследования проектов по данным аспектам. Кроме того, существующие методики оценки проекта не позволяют определить потенциальное воздействие на регион как территорию устойчивого развития и ответить на вопрос участвует ли данный инвестор в достижении территориальных целей развития.

На наш взгляд, методики оценки социально-экономических последствий реализации инвестиционных проектов необходимо дополнить оценкой социальной ответственности инициатора проекта. В таблице представлены существующие направления оценки эффективности инвестиционных проектов и предложенное автором направление – оценка социальной ответственности инициатора.

Таблица. – Направления оценки эффективности проектов и ответственности их инициаторов

Показатель	Характеристика
Экономическая (коммерческая) эффективность проекта в целом	Сравнение прогноза доходов и расходов по проекту с учетом альтернативных возможностей вложения инвестиционных ресурсов; удовлетворение результатами инвестирования, получаемыми по проекту; эффективность (разумность) вложения средств в определенный вид бизнеса с целью получения максимального дохода
Финансовая эффективность участия в проекте	Прогноз денежных потоков в рамках конкретной финансовой схемы проекта; финансовая реализуемость проекта, обеспечение возврата привлеченных средств с уплатой процентов по обязательствам; обоснование выбора схемы финансирования проекта, приемлемой для всех участников, путем обеспечения оптимального сочетания уровня финансового риска и доходности собственного капитала; разделение дохода между отдельными участниками проекта на основе выбранной схемы финансирования
Общественная (народнохозяйственная) эффективность проекта	Учет социально-экономических последствий для общества в целом; социальные и экологические результаты, рассчитанные исходя из совместного воздействия всех участников проекта на здоровье населения, социальную и экологическую обстановку в регионах
Социальная ответственность инициатора проекта (авторское предложение)	Выполнение в рамках проекта обязательств, предусмотренных законодательством, а также выполнение в добровольном порядке определенных ожиданий, отвечающих ценностям общественной среды, в которой функционирует субъект, иницирующий проект, обеспечивающих эффективность, безопасность и устойчивость инвестиций

На прединвестиционной стадии основным субъектом ответственности выступает инициатор проекта, выполняющий функции в части организации проведения соответствующих исследований по инвестиционному проекту и разработки бизнес-плана, поэтому следует говорить о социальной ответственности инициатора инвестиционного проекта.

Существует ряд примеров отрицательного воздействия бизнеса на экологическую систему и общество, не все проекты, имеющие экономическую эффективность, соответствуют целям и задачам развития региона. Возрастают риски деструктивного социо-эколого-экономического воздействия инвестиционных проектов на территорию их реализации и ликвидации таких последствий за счет средств государственного и региональных бюджетов, специальных фондов. Инструментов регулирования деятельности инвесторов на региональном уровне недостаточно. Уже есть практика судебного процесса о возврате денежных средств в инновационный фонд после невыполнения инвестором договорных обязательств. Поэтому необходимо совершенствование процедуры оценки инвестиционных проектов в части дополнения критериями социальной ответственности, которые позволят дополнительно обосновать целесообразность и эффективность государственной поддержки.

При разработке методического обеспечения оценки социальной ответственности инициатора инвестиционного проекта автор выделяет основные аспекты:

- приоритетное значение прединвестиционного этапа реализации инвестиций для проведения оценки его социально-экономической эффективности. Это позволит до начала реализации проекта выявить и оценить риски, связанные с негативными последствиями его влияния на социозкосистему региона, предотвратить эти последствия или существенно снизить потенциальный ущерб.

- формирование системы показателей, используемых при оценке социально-экономической эффективности, основанной на требованиях корпоративной социальной ответственности, соответствие прогнозных параметров проекта положениям ответственного инвестирования. Такой подход позволит определить добровольный вклад инициатора инвестиционного проекта сверх требований нормативно-правовых актов. По сути, это добровольное принятие инициатором проекта на себя части социальной нагрузки государства.

- применение результатов оценки социально-экономической эффективности инвестиционных проектов в качестве ведущего критерия при отборе проектов с целью выделения финансирования, в том числе при выделении бюджетных средств и средств из различных фондов.

Заключение. В последние годы исследователями отмечается деструктивное социо-эколого-экономическое воздействие инвестиционных проектов на территорию их реализации, что сопровождается негативными последствиями, устранение которых зачастую происходит за счет бюджетных средств. В этой связи актуальной

является проработка организационно-экономических вопросов снижения «экологического следа» реализации бизнес-проектов. Инструментом такого контроля является социально-экономическая оценка инвестиционных проектов. Оценка заключается в изучении и измерении предполагаемых результатов, определение эффективности инвестиций и последствий реализации бизнес-проектов, учитывая социальную ответственность инициаторов проекта. Именно в системе регулирования инвестиционной деятельности оценка и экспертиза инвестиционных проектов приобретает ключевую роль, так как на стадии разработки проектной документации закладываются экономические, социальные, экологические, технические, технологические, ресурсные параметры объекта инвестирования, определяющие его характеристику. От оценки показателей инвестиционного проекта зависит экологическая безопасность, предупреждение возможных социальных последствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлухина Ю.С. Проект как объект финансового планирования: анализ теоретических подходов [Электронный ресурс] // Рос. экон. интернет-журн. – 2007. – № 2. – URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2007/Pavluhina.pdf>. (дата обращения: 03.11.2023).
2. Розумная Н.В. Методические аспекты оценки социальной ответственности проектов // Инновационная экономика: материалы междунар. науч. конф., Казань, 20–23 окт. 2014 г. / отв. ред.: Г.А. Кайнова, Е.И. Осянина. – Казань, 2014. – С. 174–177.
3. Оценка эффективности инвестиционных проектов: теория и практика: учеб. пособие / П.Л. Виленский, В.Н. Лившиц, С.А. Смоляк. – М.: Дело, 2002. – 888 с.
4. Калинеску Т.В., Недобега Е.А. Анализ и оценка уровня социально-экономического развития предприятий // Бизнес Информ. – 2011. – № 2. – С. 117–119.
5. Рекомендации по оценке социально-экономической эффективности социальных программ. Определения, подходы, практический опыт / авт.-сост. Е.И. Андреева, И.Д. Горшкова, А.С. Ковалевская. – М.: Проспект, 2014. – 72 с.
6. Ширяев И.М. Типологизация подходов к определению эффективности экономических институтов // J. of Institutional Studies. – 2014. – Vol. 6, № 2. – P. 91–109.
7. Оценка эффективности инвестиционных проектов: учеб.-практ. пособие / П.Л. Виленский и др. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 1998. – 246 с.
8. Дружинина Е.О. Проблематика активизации социально-ответственного инвестирования в регионе // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. – 2018. – № 3. – С. 84–88.
9. Никонова И.А. Проектный анализ и проектное финансирование. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 154 с.
10. Ковалев В.В. Финансовый анализ: управление капиталом. Выбор инвестиций. Анализ отчетности. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2000. – 510 с.
11. Липсиц И.В., Коссов В.В. Инвестиционный проект: методы подготовки и анализа: учеб.-справ. пособие. – М.: БЕК, 1996. – 293 с.
12. Хелферт Э. Техника финансового анализа: учеб.: [пер. с англ.] / Э. Хелферт; под ред. Л.П. Бельх. – М.: Аудит : ЮНИТИ, 1996. – 663 с.
13. Беренс В. Руководство по оценке эффективности инвестиций: [пер. с англ.] / В. Беренс, П.М. Хавранек. – Новое, перераб. и доп. изд. – М.: Интерэксперт : Инфра-М, 1995. – 527 с.

Поступила 04.11.2024

EVALUATION OF EFFICIENCY OF INVESTMENT PROJECTS AND RESPONSIBILITY OF THEIR INITIATORS

Y. DRUZHYNINA
(*Brest State Technical University*)

Attracting investors plays a significant role in the development of the national economic complex and employment in the region, but the projects being implemented must correspond to regional priorities in terms of solving environmental and social problems. Social and economic assessment of investment proposals and business plans should be based on the assessment of parameters that comprehensively reflect the economic, social and environmental impact on the territory of implementation of investment projects. Social and economic assessment of investment projects of business entities in the region and the use of its results will determine the role of these projects in the development of the region, as well as ensure their rational selection for the provision of state support and increase its effectiveness. The article highlights the key aspects of defining an investment project and considers approaches to assessing the effectiveness of investment projects. The importance of applying measures of state support for investment projects by governing bodies is substantiated, taking into account the criterion of social responsibility of the project initiator.

Keywords: *investment activities, investment project, efficiency of the investment project, responsibility of the project initiator, socio-economic assessment.*

УДК 332.146.2

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-29-34

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РЕГИОНАХ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА TOPSIS И КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА

канд. техн. наук, доц. **В.М. КАРПЕНКО, ПАН ЦЗЫХАНЬ**
(Белорусский государственный университет, Минск)

Данное исследование, основанное на методе TOPSIS и кластерном анализе второго порядка, всесторонне оценивает качество жизни жителей различных регионов Китая. Сначала методом TOPSIS определяется расстояние между каждым регионом и идеальным уровнем жизни, после этого проводится количественное ранжирование; затем используется метод кластеризации второго порядка для разделения каждого региона на различные категории, который выявляет внутренние различия в качестве жизни. Результаты показывают, что развитые регионы, такие как Пекин и Шанхай, имеют более высокие показатели качества жизни, в то время как центральные и западные регионы, такие как провинции Хэбэй и Шаньси, имеют относительно низкие показатели. Благодаря сочетанию этих двух методов исследование не только позволяет точно оценить качество жизни в каждом регионе, но и обеспечивает основу для разработки целенаправленной политики регионального развития. В исследовании рекомендуется, чтобы развитые регионы продолжали содействовать устойчивому развитию, а среднеразвитым и слабо развитым регионам необходимо усилить строительство инфраструктуры и экономическое развитие, чтобы сократить разрыв в качестве жизни в регионах и добиться скоординированного регионального развития.

Ключевые слова: качество жизни, TOPSIS, кластерный анализ второго порядка.

Введение. Качество жизни населения является важным показателем для оценки социально-экономического развития страны или региона, а также важной проблемой, вызывающей озабоченность у политиков. С быстрым развитием экономики Китая различия в качестве жизни между регионами становятся всё более значительными. Качество жизни в восточных прибрежных районах в целом выше, в то время как центральные и западные регионы сталкиваются с проблемами отставания в экономике и недостаточным уровнем государственных услуг. Поэтому научная оценка и анализ текущей ситуации в разных регионах имеет большое теоретическое и практическое значение.

В этом исследовании методы TOPSIS и кластеризации второго порядка были использованы для всестороннего анализа качества жизни жителей различных провинций и городов Китая. Метод TOPSIS обеспечивает количественную оценку качества жизни путем расчета относительного расстояния между каждым регионом и идеальным уровнем жизни. Метод кластеризации второго порядка дополнительно уточняет и анализирует групповые характеристики и внутренние различия регионов с точки зрения экономики, общественных услуг, инфраструктуры и т.д. Благодаря сочетанию этих методов, исследование позволяет не только точно оценить различия в качестве жизни регионов, но и обеспечить эмпирическую поддержку для разработки соответствующей региональной политики.

Методы исследования и источники данных. 1. Метод TOPSIS (Technique for Order Preference by Similarity to Ideal Solution) – это широко используемый метод принятия решений по нескольким параметрам, целью которого является оценка относительных достоинств каждого объекта оценки путем вычисления идеального решения (наилучшего решения) и отрицательного идеального решения (наихудшего решения). Основная идея этого метода заключается в том, что оптимальное решение должно быть наиболее близким к положительному идеальному решению и наиболее удаленным от отрицательного идеального решения. Поэтому TOPSIS сначала стандартизирует оценочные показатели, присваивает веса на основе коэффициентов значимости, а затем вычисляет евклидово расстояние между каждым объектом, а также положительным и отрицательным идеальными решениями отдельно и, наконец, определяет общую оценку и ранжирование на основе относительного расстояния. Метод TOPSIS позволяет эффективно решать сложные задачи принятия решений с множеством показателей и атрибутов и широко используется при построении систем оценки, особенно подходит для сортировки объектов оценки с множеством влияющих факторов [1]. Конкретные шаги заключаются в следующем:

Первый шаг: нормализация исходных данных и построение стандартизированной матрицы.

$$Z_{ij} = \frac{X_{ij}}{\sqrt{\sum_{i=1}^n (X_{ij})^2}} \text{ или } Z_{ij} = \frac{1/\sqrt{X_{ij}}}{\sum_{i=1}^n (1/\sqrt{X_{ij}})^2},$$

где Z_{ij} – нормализованное значение показателя X_{ij} ;

X_{ij} – элемент исходной матрицы решений, конкретное значение для i -й провинции по j -му показателю;

ω_{ij} – вес j -го показателя;

m – количество показателей;

n – количество провинций.

Второй шаг: вычисление расстояния между каждым оценочным показателем, а также наилучшим и наихудшим векторами.

$$\text{Наилучший} \quad D_i^+ = \sqrt{\sum_{j=1}^m \omega_j (Z_j^+ - Z_{ij})^2}$$

$$\text{Наихудший} \quad D_i^- = \sqrt{\sum_{j=1}^m \omega_j (Z_j^- - Z_{ij})^2}$$

Третий шаг: оценка степени приближенности объекта к оптимальному решению и проведение ранжирования.

$$C_i = \frac{D^-}{D_i^+ + D_i^-} \quad (0 \leq C_i \leq 1; i = 1, 2, \dots, n)$$

2. *Кластеризация второго порядка* (Second-order Clustering) – это метод иерархического кластерного анализа, который выявляет более детальные структуры и различия в наборе данных путем двойной кластеризации выборок. Сначала все выборки предварительно кластеризуются для выявления их общего сходства по многомерным показателям; затем результаты предварительной кластеризации группируются во второй раз для дальнейшего уточнения различий между группами [2, 5]. Этот метод особенно подходит для наборов данных высокой сложности и неоднородности, таких как оценка качества жизни жителей, которые могут более точно отражать различия между регионами и внутри них и помогать директивным органам выявлять характеристики различных групп, с тем чтобы формулировать более целенаправленную политику.

3. *Построение источника данных и индексной системы.* В соответствии с принципами научности, всесторонности и репрезентативности, а также в сочетании с реальной ситуацией в Китае система показателей разделена на три категории: экономические, экологические и социальные. Показатели из этих трёх аспектов были выбраны для построения системы индикаторов качества жизни городских жителей (таблица 1). Основные данные статьи взяты из «Статистического ежегодника Китая за 2023 год» и «Ежегодника социальной статистики Китая за 2023 год». Период отбора данных – 2022 год.

Таблица 1. – Система показателей оценки качества жизни городских жителей

Показатели второго уровня	Среднее значение	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации (CV)
Показатель первого уровня – Экономические индикаторы			
ВВП на душу населения региона	84461.26	36090.00	0.427
Потребительские расходы на душу населения	28970.29	7081.22	0.244
Располагаемый доход на душу населения	36582.923	13930.88	0.381
Показатель первого уровня – Экологические индикаторы			
Выбросы диоксида серы на душу населения	0.002	0.002	0.934
Химическое потребление кислорода на душу населения	0.02	0.009	0.472
Площадь городских парков и зеленых зон на душу населения	15.15	2.719	0.18
Показатель первого уровня – Социальные индикаторы			
Количество общественных автобусов/троллейбусов на 10 тыс. чел.	14.27	2.78	0.195
Количество книг в общественных библиотеках на душу населения	1	0.554	0.554
Количество медицинских работников на 1 тыс. чел.	8.46	1.149	0.136
Количество студентов в вузах на 100 тыс. чел.	3494.99	868.82	0.249
Площадь городских дорог на душу населения	20.171	5.16	0.256
Процент охвата населения городским газоснабжением	96.621	6.57	0.068
Процент охвата населения городским водоснабжением	99.346	0.84	0.008

Источник: [3].

Результаты и анализ. 1. *Оценка TOPSIS.* Анализ метода TOPSIS в этом исследовании раскрывает степень влияния факторов на качество жизни в регионах Китая через интерпретацию весовых коэффициентов индекса и комплексных оценок каждого региона [4; 8]. Прежде всего, метод энтропийного взвешивания используется для расчета веса каждого показателя, что обеспечивает поддержку принятия решений на основе нескольких показателей. Метод взвешивания энтропии использует расчет информационной энтропии для измерения информационного вклада каждого показателя, чтобы гарантировать, что показатели, оказывающие большее влияние на результаты принятия решений, получают более высокий вес (таблица 2). С помощью этого метода можно избежать возможных отклонений при субъективном установлении весовых коэффициентов и обеспечить объективный характер анализа данных.

Таблица 2. – Расчет весовых коэффициентов показателей

Показатели	e	d	Весовой коэффициент, %
1	2	3	4
ВВП на душу населения региона	0.898	0.102	13.313
Потребительские расходы на душу населения	0.881	0.119	15.635
Располагаемый доход на душу населения	0.88	0.12	15.708
Выбросы диоксида серы на душу населения	0.976	0.024	3.15

Окончание таблицы 2.

1	2	3	4
Химическое потребление кислорода на душу населения	0.951	0.049	6.377
Площадь городских парков и зеленых зон на душу населения	0.965	0.035	4.599
Количество общественных автобусов/троллейбусов на 10 тысяч человек	0.955	0.045	5.899
Количество книг в общественных библиотеках на душу населения	0.889	0.111	14.57
Количество медицинских работников на тысячу человек населения	0.936	0.064	8.397
Количество студентов в вузах на 100 тысяч человек	0.962	0.038	4.917
Площадь городских дорог на душу населения	0.978	0.022	2.885
Процент охвата населения городским газоснабжением	0.983	0.017	2.224
Процент охвата населения городским водоснабжением	0.982	0.018	2.327

На результаты расчета весов существенное влияние оказывают экономические показатели. Например, удельный вес располагаемого дохода на душу населения достигает 15,708%, что является самым высоким показателем среди всех показателей. Это указывает на то, что уровень доходов жителей играет важную роль в определении качества жизни [6]. Рост доходов жителей обычно сопровождается увеличением покупательной способности и улучшением условий жизни, что в значительной степени способствует повышению качества жизни. Аналогичным образом, валовой региональный продукт на душу населения (вес 13,313%), как еще один важный экономический показатель, показывает, что общий уровень экономического развития региона напрямую влияет на материальные условия жизни жителей. Экономически развитые районы могут предоставить больше возможностей для трудоустройства, предоставления государственных услуг и развития инфраструктуры, тем самым повышая удовлетворенность жизнью.

Помимо экономических показателей, показатели, связанные с инфраструктурой и общественными услугами, также занимают важное место в оценке качества жизни. Например, доля библиотечных фондов на душу населения составляет 14,57%, что указывает на то, что нельзя игнорировать вклад культурных и образовательных ресурсов в качество жизни. Наличие богатого библиотечного фонда не только повысило культурную грамотность жителей, но и повысило уровень социального благосостояния в регионе. Кроме того, количество общественных автобусов и трамваев на 10 000 человек (вес 5,899%) отражает влияние удобства передвижения на качество жизни. Хорошая система общественного транспорта может не только повысить эффективность поездок, но и уменьшить пробки на дорогах, а, следовательно, и загрязнение окружающей среды в городе.

Хотя влияние отрицательных показателей относительно невелико, оно все же является значительным. Например, выбросы диоксида серы на душу населения и выбросы химического потребления кислорода на душу населения, являющиеся отрицательными показателями для измерения качества окружающей среды, составляют 3,15% и 6,377% от общего веса, соответственно. Эти показатели отражают негативное влияние загрязнения окружающей среды на качество жизни. Хотя их вес относительно невелик, это показывает, что факторы окружающей среды оказывают ограниченное влияние на качество жизни в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной перспективе ущерб от загрязнения для здоровья жителей и среды обитания очевиден. Поэтому улучшение качества окружающей среды по-прежнему остается важным направлением развития регионов.

С точки зрения показателей комплексного анализа, показатели различных регионов отражают значительные различия в качестве жизни (таблица 3).

Таблица 3. – Результаты расчётов по методу оценки TOPSIS

Провинция	(D ⁺)	(D ⁻)	Итоговый балл	Ранг
1	2	3	4	5
Пекин	0.30138	0.862671	0.741094	1
Шанхай	0.418323	0.858767	0.672441	2
Чжэцзян	0.439039	0.647785	0.596035	3
Цзянсу	0.485632	0.593418	0.549945	4
Тяньцзинь	0.542064	0.554598	0.505714	5
Фуцзянь	0.564391	0.520729	0.479881	6
Гуандун	0.605459	0.491339	0.447976	7
Шаньдун	0.654521	0.481098	0.423644	8
Чунцин	0.683247	0.418313	0.379746	9
Хуанань	0.707151	0.427183	0.376594	10
Нинся-Хуэйский автономный район	0.757288	0.432624	0.363576	11
Шэньси	0.726852	0.412336	0.361956	12
Аньхой	0.730957	0.411958	0.360445	13
Хубэй	0.705728	0.395027	0.358869	14
Цзянси	0.751186	0.400219	0.347592	15
Хайнань	0.753878	0.400004	0.346659	16
Автономный район Внутренняя Монголия	0.725655	0.375347	0.340914	17
Хэбэй	0.771919	0.397532	0.339931	18
Цинхай	0.801612	0.380345	0.321792	19

Окончание таблицы 3.

1	2	3	4	5
Хэнань	0.795135	0.363712	0.313857	20
Ляонин	0.734835	0.335811	0.313653	21
Ганьсу	0.804071	0.359859	0.309176	22
Сычуань	0.764613	0.336575	0.305647	23
Гуанси-Чжуанский автономный район	0.82005	0.360892	0.305597	24
Синьцзян-Уйгурский автономный район	0.790011	0.33454	0.297488	25
Хэйлунцзян	0.793881	0.334925	0.296707	26
Шаньси	0.788582	0.323567	0.290939	27
Юньнань	0.791809	0.324726	0.290834	28
Гирин	0.821783	0.330475	0.286806	29
Гуйчжоу	0.828171	0.319002	0.278077	30
Тибетский автономный район	0.853462	0.295131	0.25695	31

Например, Пекин занимает первое место с общим баллом 0,741, благодаря своей высокоразвитой экономике и совершенной системе государственного обслуживания. Будучи столицей Китая, Пекин обладает богатыми ресурсами в экономическом, культурном, образовательном, медицинском и других аспектах и может обеспечить жителям высокий уровень безопасности жизни. Аналогичным образом, на переднем крае находятся Шанхай (0,672) и Чжэцзян (0,596). Эти регионы лидируют в стране не только по экономическому развитию, но и по развитию инфраструктуры, транспорта и социального обеспечения. Напротив, центральные и западные регионы набрали меньше баллов: провинции Хэбэй и Шаньси получили 0,340 и 0,291 балла соответственно. Из-за низкого уровня экономического развития и относительной нехватки ресурсов общественного обслуживания в этих районах качество жизни остается относительно низким. Особенно в том, что касается строительства инфраструктуры и охраны окружающей среды, существует явный разрыв между этими районами и развитыми регионами на востоке.

Таким образом, анализ данных выявляет множество факторов, влияющих на качество жизни населения, особенно экономическое развитие и строительство инфраструктуры. В будущей политике следует уделить больше внимания слаборазвитым районам и постепенно сокращать разрыв в качестве жизни между регионами за счет повышения экономических стандартов и улучшения государственных услуг. В то же время, хотя экологические факторы имеют относительно небольшой вес в данном анализе, нельзя игнорировать их долгосрочное воздействие. В будущем баланс между охраной окружающей среды и экономическим развитием должен быть усилен на политическом уровне для достижения устойчивого улучшения качества жизни.

2. *Кластерный анализ второго порядка.* В этом исследовании метод кластеризации второго порядка был использован для количественного анализа качества жизни населения различных регионов Китая. Благодаря стандартизированной обработке многомерных показателей различия в каждом регионе анализируются и подразделяются на категории, чтобы лучше понять экономические, социальные и экологические показатели каждого региона. Чтобы обеспечить сопоставимость данных, все количественные показатели стандартизированы по минимальным и максимальным значениям, а отрицательные показатели (выбросы химического кислорода на душу населения и выбросы диоксида серы на душу населения) обрабатываются в обратном порядке, чтобы отразить их негативное влияние на качество жизни.

Метод кластеризации второго порядка проходит два этапа: сначала проводится предварительная кластеризация каждой провинции, а затем вторичная кластеризация на этой основе для дальнейшего уточнения классификации. В этом исследовании алгоритм автоматически определил, что количество кластеров равно 3 группам (таблица 4).

Таблица 4. – Результаты классификации кластерного анализа

Группы	Провинции
Первая	Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Чунцин
Вторая	Хэбэй, Шаньси, Ляонин, Гирин, Хэйлунцзян, Аньхой, Цзянси, Шаньдун, Хэнань, Хубэй, Хунань, Гуанси-Чжуанский автономный район, Хайнань, Сычуань, Гуйчжоу, Шэньси, Ганьсу, Синьцзян-Уйгурский автономный район
Третья	Автономный район Внутренняя Монголия, Юньнань, Тибетский автономный район, Цинхай, Нинся-Хуэйский автономный район

Эти три группы представляют различные уровни качества жизни.

Группа 1. Наименьшая доля представлена районами с высоким качеством жизни. Включая Пекин, Шанхай, Цзянсу, Гуандун и другие экономически развитые регионы, эти регионы показали хорошие результаты по различным показателям качества жизни, особенно с точки зрения располагаемого дохода на душу населения, потребительских расходов и уровня государственных услуг. Это отражает тот факт, что лишь несколько развитых регионов в стране могут соответствовать более высоким стандартам в области экономики, общественных услуг и охраны окружающей среды. Качество жизни в этих районах значительно выше, чем в других, они обладают высокой концентрацией ресурсов и преимуществами в области развития.

Группа 2. Наибольшая доля приходится на районы со средним качеством жизни. Эта группа представляет большинство регионов со средним уровнем развития, указывая на то, что большинство регионов Китая находятся на среднем уровне с точки зрения экономического развития, государственных услуг и инфраструктуры. Хотя такие районы не обладают ресурсами высокого уровня, присущими развитым районам, они обладают определенной гарантией качества жизни. Например, в провинциях Хэбэй, Шаньси, Хэйлунцзян и т.д. качество жизни относительно среднее, т.е. там существуют определенные государственные услуги и инфраструктурная поддержка.

Группа 3. Районы с низким качеством жизни составляют умеренную долю. Эта группа показывает, что, хотя число слаборазвитых районов не так велико, как среднеразвитых, все же существует значительное количество районов с более низким качеством жизни. Эти регионы могут столкнуться с такими проблемами, как экономическое отставание, неразвитая инфраструктура и экологические проблемы, и они срочно нуждаются в политическом вмешательстве и поддержке. Такие автономные районы, как автономный район Внутренняя Монголия, провинция Юньнань и Тибетский автономный район, относятся к районам с низким качеством жизни, что проявляется в относительном отставании в экономическом развитии и развитии инфраструктуры и относительной нехватке ресурсов государственных служб.

По результатам анализа составлена сводная диаграмма кластеризации (рисунок).

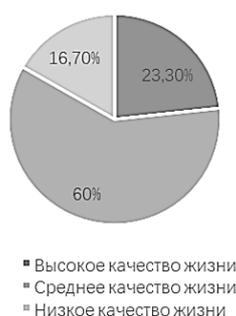

Рисунок. – Сводная диаграмма кластеризации

Диаграмма показывает очевидную иерархическую структуру качества жизни среди различных регионов Китая. Большинство регионов обладают средним или низким уровне исследуемого показателя, кроме нескольких столичных регионов, где жители наслаждаются более высоким качеством жизни. Это указывает на то, что директивным органам необходимо уделять особое внимание районам с низким и средним уровнем жизни, чтобы сократить региональные различия путем модернизации инфраструктуры, улучшения состояния окружающей среды и содействия экономическому развитию.

Благодаря проведенному анализу выявляются основные характеристики различных типов китайских регионов с точки зрения экономики, общественных услуг и окружающей среды. Развитым районам следует продолжать совершенствовать свои высококачественные государственные услуги и управление экологией, в то время как районам среднего уровня необходимо повышать качество жизни населения путем увеличения строительства инфраструктуры и предоставления государственных услуг. В слаборазвитых районах политика должна быть направлена на повышение экономических стандартов и усиление экологического управления для повышения общего благосостояния жителей. Исследование обеспечивает эмпирическую основу для разработки дифференцированной политики в различных регионах и направлено на выработку научных предложений по скоординированному развитию регионов и улучшению жизненных условий.

Выводы и рекомендации. На основе приведенного выше анализа можно сделать следующие выводы. Уровень экономического развития города является основным показателем качества жизни горожан. Следует разрабатывать индивидуальную региональную политику. В экономически развитых районах необходимо повысить уровень медицинского обеспечения и культурного развития, содействовать низкоуглеродной экономике. В районах со средним уровнем развития нужно усилить развитие инфраструктуры, продвигать модернизацию промышленности и привлекать иностранные инвестиции [9], стимулировать экономический рост и повышать уровень доходов населения. В районах с низким уровнем развития необходимо активно развивать инфраструктуру, продвигать процесс урбанизации [10] и развивать местные отрасли, такие как туризм, чтобы увеличить количество рабочих мест [7]. Целесообразно укреплять сотрудничество между регионами, поощрять передачу технологий, капитала и кадров из развитых регионов в менее развитые, способствовать обмену ресурсами и экономическому взаимодействию между регионами. Увеличение финансовой поддержки поможет менее развитым регионам улучшить инфраструктуру и общественные услуги. Разработать льготные политики для компаний, создающих предприятия в менее развитых районах, а также политику привлечения кадров. Создавать больше рабочих мест, удерживать молодежь и таланты, чтобы уменьшить разницу между регионами.

Необходимо уделять больше внимания экологической нагрузке среде: с ростом экономики экологическая нагрузка становится всё тяжелее. Постоянно увеличивать площадь общественных зеленых зон в городах, сокращать выбросы сточных вод и газов, повышать уровень экологического управления. Увеличивать инвестиции в очистку

окружающей среды и экологическую инфраструктуру. Развивая экономику, одновременно заботиться о сохранении окружающей среды, создавая благоприятные условия для устойчивого развития общества [11].

Заключение. Объединив анализ с помощью метода TOPSIS и метода кластеризации второго порядка, в этом исследовании была проведена всесторонняя оценка качества жизни различных регионов Китая. Результаты исследования TOPSIS показывают, что экономически развитые регионы, такие как Пекин, Шанхай и Цзянсу, находятся на переднем крае рейтинга качества жизни, в то время как центральные и западные регионы, такие как Хэбэй, Шаньси и Внутренняя Монголия, имеют относительно низкие показатели, что отражает недостатки в строительстве инфраструктуры, охране окружающей среды и общественной жизни и услуг. С помощью метода кластеризации второго порядка эти районы делятся на три группы, представляющие развитые, среднеразвитые и слаборазвитые районы. Метод TOPSIS обеспечивает комплексную основу для ранжирования, в то время как метод кластеризации второго порядка детализирует анализ, выявляет специфические характеристики и различия каждого региона и обеспечивает более точную основу для разработки индивидуальной региональной политики. Сочетание этих двух методов не только повышает точность и иерархичность оценки, но и обеспечивает директивным органам разнообразную поддержку в принятии решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Evaluation and Spatial Pattern Analysis of Quality of Life of Urban Residents in Anhui Province / Zhang Liang, Zhao Xueyan, Zhang Shengwu, Li Ding, Hou Caixia // *Economic geography*. – 2014. – №6. – P. 84–90.
2. Evaluation of Living Quality of Urban Residents in Shandong Province / Liu Dinghui, Zhang Xinrang, Li Mingyue // *Territory & natural resources study*. – 2024. – № 3. – P. 5–10.
3. National Bureau of Statistics of the People's Republic of China. *China Statistical Yearbook 2023*. – Beijing: China Statistics Press, 2023. – 988 с.
4. Yanyan, Wei, Xue, Ma. Measurement and analysis of the level of digital economic development in the six central provinces // *Industrial Innovation*. – 2022. – № 23. – P. 18–20.
5. Рассеко Ю.Ю., Карпенко Е.М. Типологизация регионов по темпу жизни на основе кластерного анализа // *Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление*. – 2022. – № 2 – С. 49–57.
6. Рассеко Ю.Ю., Карпенко Е.М. Качество жизни, уровень жизни и темп жизни: теоретические и методические аспекты // *Труд. Профсоюзы. Общество*. – 2022. – № 4. – С. 6–12.
7. Карпенко Е.М., Шестакова К.В. Промышленная политика и промышленное развитие: взаимосвязь и взаимообусловленность. – Минск: БГУ, 2022. – 183 с.
8. Карпенко В.М., Чжицзянь Ван. Анализ перспектив развития «зеленого» городского транспорта в городе Чжоушань Китайской Народной Республики с использованием метода TOPSIS // *Вопросы региональной экономики*. – 2023. – № 4(57). – С. 222–232.
9. Карпенко В.М., Кунь Линь. Влияние инициативы «Один пояс – один путь» на экономический рост регионов Китая // *Вестник Белорусского государственного экономического университета*. – 2022. – № 5 – С. 91–96.
10. Карпенко Е.М., Хэи Чжан Анализ процесса урбанизации в провинциях Китайской Народной Республики с использованием модели панельной векторной авторегрессии // *Вопросы региональной экономики*. – 2023. – № 4(57). – С. 233–243.
11. Рассеко Ю.Ю., Карпенко Е.М. Региональный темп жизни: методика оценки и инструменты управления. – Минск: БГУ, 2023. – 215 с.

Поступила 18.10.2024

A TOPSIS METHOD AND CLUSTER ANALYSIS-BASED ASSESSMENT OF QUALITY OF LIFE IN THE REGIONS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

V. KARPENKA, PANG ZIHAN
(*Belarusian State University, Minsk*)

This study, based on the TOPSIS method and second-order cluster analysis, comprehensively assesses the quality of life of residents of various regions of China. First, the TOPSIS method determines the distance between each region and the ideal standard of living, after which a quantitative ranking is carried out; then a second-order clustering method is used to divide each region into different categories, which reveals internal differences in quality of life. The results show that developed regions such as Beijing and Shanghai have higher quality of life indicators, while central and western regions such as Hebei and Shanxi provinces have relatively low indicators. Thanks to the combination of these two methods, the study not only makes it possible to accurately assess the quality of life in each region, but also provides a basis for the development of a targeted regional development policy. The study recommends that developed regions continue to promote sustainable development, and medium- and underdeveloped regions need to strengthen infrastructure construction and economic development in order to reduce the gap in the quality of life in the regions and achieve coordinated regional development.

Keywords: *quality of life, TOPSIS, second-order cluster analysis.*

УДК 339.543+339.56+656.073+656.61

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-35-40

**ОРГАНИЗАЦИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ПЕРЕВОЗОК
ПРИ ЗАКУПКЕ ТОВАРОВ НА ВНЕШНЕМ РЫНКЕ НА ПРИМЕРЕ ООО «ФРУТРЕАЛ»****О.М. МЕЩЕРЯКОВА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)***Е.П. РУБОВИЧ**

В статье дано авторское определение понятию «мультимодальная перевозка». Проведен анализ существующих схем организации мультимодальных перевозок при закупке товаров на внешнем рынке на примере ООО «Фрутреал». Предложены и экономически обоснованы варианты эффективного взаимодействия разных видов транспорта: морского и железнодорожного транспорта, морского и автомобильного транспорта, при мультимодальной доставке апельсинов из Египта в Беларусь с точки зрения минимальных затрат.

Ключевые слова: мультимодальная перевозка грузов, транспортные затраты, цепь поставок, таможенные платежи, автомобильный транспорт, морская линия, железнодорожный транспорт.

Введение. В современных условиях глобальная экономика сможет эффективно функционировать только при наличии развитых транспортно-логистических связей, способствующих повысить ритмичность, бесперебойность и надежность доставки грузов, оптимизировать скорость перевозки с минимальными транспортными затратами. Учитывая большое значение международных внешнеторговых отношений, необходимость увеличения грузооборота в рамках международной торговли, вопросы эффективной организации мультимодальных перевозок в международном сообщении становятся особенно актуальными, как в масштабе государства, так и в рамках конкретного предприятия.

Целью исследования является разработка оптимальных вариантов организации мультимодальных перевозок при закупке товаров на внешнем рынке, освоение которых с участием морского и железнодорожного транспорта даст максимальный экономический эффект коммерческим предприятиям Республики Беларусь. Исходя из цели исследования, определены следующие задачи: дать авторское определение понятию «мультимодальная перевозка»; провести анализ существующих схем организации мультимодальных перевозок на примере ООО «Фрутреал» при закупке товаров на внешнем рынке; предложить оптимальные варианты организации мультимодальных перевозок при закупке товаров на внешнем рынке; экономически обосновать предлагаемые варианты взаимодействия разных видов транспорта.

Объектом исследования является коммерческое предприятие ООО «Фрутреал», осуществляющее мультимодальные перевозки при закупке товаров на внешнем рынке. Предметом исследования является организация мультимодальных перевозок.

В статье изучены и систематизированы результаты исследований ученых, публикации в периодической печати, доклады на конференциях, связанных с темой исследования, статистические данные коммерческих (торговых, транспортных) предприятий, что позволило сделать теоретическую выборку, определить основную тематику исследования. При обработке результатов исследования использовались взаимодополняющие общенаучные (классификация, сравнение, объяснение, индукция и дедукция, научное доказательство, логический, сравнительный методы анализа) и частные методы познания (обобщение, графический), а также системный и комплексный подходы.

Основная часть. Исследованию проблем управления процессами перевозок с участием различных видов транспорта посвящены труды В.Н. Оразцова, В.В. Звонкова, И.Г. Александрова, М.М. Болотина, А.А. Воробьева, А.В. Горского, Б.А. Левина, С.М. Резера, А.А. Смехова, В.А. Шарова, В.Г. Шубко, В.Н. Морозова, В.М. Акулиничева, Н.Н. Шабалина, А.Г. Кириллова, П.В. Куренкова, В.И. Колесникова, В.А. Макеева, М.Б. Петрова и других ученых. Как показал анализ, проблематику мультимодальных перевозок в своих трудах освещали такие авторы, как Ю.О. Баранова [1], Е.А. Гарбузов [2], Е.В. Шалганова [3], С.В. Милославская, К.И. Плужников [4], Н.А. Бутакова [5], Л.Э. Еремеева [6], В.А. Мягков [7] и др. Однако, при всем многообразии научных разработок в области организации мультимодальных перевозок грузов, их отдельные аспекты должны быть адаптированы к условиям конкретных предприятий, что актуализирует вопросы организации процесса мультимодальной перевозки.

Проведенный анализ научной и специальной литературы по предмету исследования показал, что в настоящее время не существует единого определения понятия «мультимодальные перевозки». В этой связи, для уточнения организационно-экономической сущности исследуемого термина, авторами дополнены существующие дефиниции и предложено рассматривать мультимодальную перевозку как перевозку грузов с использованием двух или более видов транспорта, в международном сообщении, при котором ответственное лицо организует транспортировку, несет за неё ответственность на всем пути следования груза, независимо от количества видов транспорта, используемых при перевозке, в рамках одного договора, заключенного между сторонами.

Мультимодальная перевозка на ООО «Фрутреал» представляет собой комбинацию морского и автомобильного видов транспорта. Нами предлагается рассмотреть другие варианты доставки товаров с использованием морского и железнодорожного транспорта, с учетом наличия железнодорожных подъездных путей к складам

ООО «Фрутреал». Рассмотрим международную цепь поставок на примере доставки апельсинов сорта «Valencia» (масса нетто 24 т) из Египта до ООО «Фрутреал» (г. Полоцк, Беларусь).

В результате анализа способов доставки апельсинов морским видом транспорта нами были выбраны следующие порты отправления из Египта: «Александрийский порт» (г. Александрия); «Дамиетта» (г. Дамиетта); «Said West»; «Said East». Портами назначения авторами предложено рассматривать: «Клайпедский порт» (г. Клайпеда); «Новороссийский морской порт» (г. Новороссийск); «Гамбург» (г. Гамбург); «Морской порт Санкт-Петербург» (г. Санкт-Петербург); «Рижский свободный порт» (г. Рига); «Копер» (г. Копер). В таблице 1 на основе данных официальных сайтов морских линий представлены транзитное время и фрахты из портов отправления в порты назначения.

Таблица 1. – Сводная таблица транзитного времени и фрахтов морских линий из портов отправления в порты назначения

Порты отправления/ порты назначения	Александрия		Дамиетта		Said West		Said East	
	Тран- зит, дн	Фрахт, дол. США						
Морская линия CMA								
Гамбург (Германия)	11	2150	26	2200	18	2300	24	2300
Новороссийск (Россия)	–	–	–	–	–	–	–	–
Санкт-Петербург (Россия)	–	–	–	–	–	–	–	–
Рига (Латвия)	18	2750	22	2800	25	2800	29	2800
Клайпеда (Литва)	19	2600	20	2600	27	2700	29	2700
Копер (Словения)	6	1900	13	1910	13	2000	21	2010
Морская линия Maersk								
Гамбург (Германия)	25	–	–	–	–	–	–	–
Новороссийск (Россия)	–	–	–	–	–	–	–	–
Санкт-Петербург (Россия)	–	–	–	–	–	–	–	–
Рига (Латвия)	27	2700	26	2700	–	–	–	–
Клайпеда (Литва)	29	2650	24	2600	–	–	–	–
Копер (Словения)	14	1910	4	1910	–	–	–	–
Морская линия OOSL								
Гамбург (Германия)	27	2100	25	2150	–	–	–	–
Новороссийск (Россия)	–	–	25	2550	–	–	–	–
Санкт-Петербург (Россия)	–	–	–	–	–	–	–	–
Рига (Латвия)	–	–	–	–	–	–	–	–
Клайпеда (Литва)	–	–	–	–	–	–	–	–
Копер (Словения)	6	1800	12	1850	–	–	–	–
Морская линия MSC								
Гамбург (Германия)	19	2050	14	2100	–	–	–	–
Новороссийск (Россия)	14	2500	21	2500	–	–	–	–
Санкт-Петербург (Россия)	25	2950	27	3000	–	–	–	–
Рига (Латвия)	24	2650	19	2700	–	–	–	–
Клайпеда (Литва)	24	2500	24	2550	–	–	–	–
Копер (Словения)	15	1870	13	1900	–	–	–	–
Морская линия ZIM								
Гамбург (Германия)	24	2150	14	2200	–	–	–	–
Новороссийск (Россия)	–	–	–	–	–	–	–	–
Санкт-Петербург (Россия)	–	–	–	–	–	–	–	–
Рига (Латвия)	–	–	–	–	–	–	–	–
Клайпеда (Литва)	–	–	–	–	–	–	–	–
Копер (Словения)	9	1900	5	1910	–	–	–	–

Источник: составлено по данным официальных сайтов морских линий.

Анализ показал, что только морская линия CMA работает с такими портами отправления, как «Said West» и «Said East». Также видно, что морская линия MSC предлагает наиболее выгодные фрахты из порта отправления в г. Александрия по всем выбранным направлениям. Таким образом, ООО «Фрутреал» предложено доставлять апельсины морской линией MSC из порта отправления в г. Александрия (Египет).

Дальнейшие расчеты будем производить исходя из условия минимальной стоимости доставки, так как это один из ключевых факторов для ООО «Фрутреал». Возможные варианты доставки апельсинов из портов назначения до ООО «Фрутреал» показаны в таблице 2. В таблице 3 представлены фрахты на доставку апельсинов из возможных портов назначения до ООО «Фрутреал» различными видами транспорта.

Таблица 2. – Возможные варианты доставки апельсинов из портов назначения до ООО «Фрутреал»

Порт назначения	Варианты доставки		
	автотранспорт	ж/д транспорт	контейнеровоз
Гамбург (Германия)	+	–	–
Новороссийск (Россия)	+	–	+
Санкт-Петербург (Россия)	+	–	–
Рига (Латвия)	+	+	+
Клайпеда (Литва)	+	+	+
Копер (Словения)	+	–	+

Таблица 3. – Фрахты на доставку апельсинов из возможных портов назначения до ООО «Фрутреал» различными видами транспорта

Порт назначения	Фрахты на доставку различными видами транспорта, дол. США		
	автотранспорт	ж/д транспорт	контейнеровоз
Гамбург (Германия)	4000	–	–
Новороссийск (Россия)	1400	–	3100
Санкт-Петербург (Россия)	960	–	–
Рига (Латвия)	2900	1575	3000
Клайпеда (Литва)	2900	2220	4000
Копер (Словения)	4300	–	8600

Источник: составлено по данным транспортных организаций.

Таким образом, оптимальным вариантом доставки апельсинов из Гамбурга, Новороссийска, Санкт-Петербурга и Копера до ООО «Фрутреал» является доставка автотранспортом. Из Риги и Клайпеды наиболее выгодным вариантом доставки апельсинов является доставка железнодорожным транспортом.

Опишем особенности доставки апельсинов сорта «Valencia» различными видами транспорта:

– Автомобильный транспорт. Необходимо учесть, что транспортное средство следует до пункта таможенного оформления Полоцк-Стекловолокно, далее ООО «Фрутреал» заключает договор-заявку на довоз груза до склада ООО «Фрутреал» с транспортными организациями. Также дополнительными расходами будет перегрузка товара из контейнера в автомобиль, при этом необходимо оформление нового фитосанитарного сертификата. Стоимость сертификата разнится в зависимости от порта назначения. Так, например, стоимость сертификата в г. Копер (Словения) составляет 1074 дол. США, в г. Санкт-Петербург (Россия), г. Клайпеда (Литва), г. Новороссийск (Россия) – 214 дол. США.

– Железнодорожный транспорт. При использовании данного вида транспорта груз из порта Клайпеда движется по маршруту контейнерного поезда «Viking» до станции Гудогай (Беларусь). Далее контейнеры перецепляют и продолжают движение по железной дороге до станции Полоцк. По прибытии железнодорожного состава на станцию Полоцк, ООО «Фрутреал» заключает договор-заявку с Белорусской железной дорогой на доставку контейнера до склада ООО «Фрутреал». Из порта Риги груз доставляется на ускоренном контейнерном поезде «Зубр» до станции Полоцк (Беларусь), далее, также, ООО «Фрутреал» заключает договор-заявку с Белорусской железной дорогой на доставку контейнера до склада ООО «Фрутреал». При этом, стоит отметить, что выгрузка груза из контейнера должна быть осуществлена в течение 24 часов с момента подачи контейнера на склад. Кроме того, контейнер с грузом подлежит раскредитации (прием контейнера, оплата станционных сборов, прием и оформление документов и пр.), что следует отнести к дополнительным расходам.

– Контейнеровоз. В данном случае необходимо учитывать, что контейнеровоз следует до пункта таможенного оформления Полоцк-Стекловолокно, далее ООО «Фрутреал» заключает договор-заявку на довоз груза до склада ООО «Фрутреал» с транспортными организациями. Следует отметить, что особенностью работы с портом назначения г. Копер (Словения) является необходимость вернуть контейнер обратно в порт, в остальных случаях это условие не применяется.

Следовательно, считаем необходимым рассмотреть дополнительные расходы на доставку груза из портов назначения до ООО «Фрутреал» различными видами транспорта (таблица 4).

Таблица 4. – Дополнительные расходы на доставку груза различными видами транспорта, дол. США

Статья расходов	Сумма
1	2
1. Автомобильный транспорт	
1.1 Перетарка товара + оформление нового фитосанитарного сертификата (г. Санкт-Петербург (Россия), г. Клайпеда (Литва), г. Новороссийск (Россия), г. Гамбург (Германия))	1635
1.1.1 Перетарка товара + оформление нового фитосанитарного сертификата (г. Копер (Словения))	2495
1.2 Доставка груза от ПТО Полоцк-Стекловолокно (г. Полоцк, Беларусь) до склада ООО «Фрутреал»	150
ИТОГО (г. Санкт-Петербург, г. Клайпеда, г. Новороссийск, г. Гамбург)	1785
ИТОГО (г. Копер)	2645
2. Железнодорожный транспорт	
2.1 Портовые сборы за оказание услуг по использованию отдельных объектов инфраструктуры морского порта	446

Окончание таблицы 4.

1	2
2.2 Доставка контейнера от станции Полоцк до склада ООО «Фрутреал»	32
2.3 Раскредитация	126
ИТОГО	604
3. Контейнеровоз	
3.1 Доставка груза от ПТО Полоцк-Стекловолокно до склада ООО «Фрутреал»	141
ИТОГО	141

Рассчитаем стоимость оптимальных вариантов мультимодальной доставки апельсинов сорта «Valencia» до склада ООО «Фрутреал». С учетом того, что портом отправления является г. Александрия (Египет), доставка до портов назначения осуществляется морской линией MSC, таблица 5.

Таблица 5. – Расчет стоимости оптимальных вариантов мультимодальной доставки апельсинов из г. Александрия (Египет) до ООО «Фрутреал» (Беларусь), дол. США

Порт назначения	Вид транспорта	Расчет	Примечание
Гамбург (Германия)	Автомобильный	$2050 + 4000 + 1785 = 7835$	табл. 1, табл. 3, табл. 4
Новороссийск (Россия)	Автомобильный	$2500 + 1400 + 1785 = 5685$	табл. 1, табл. 3, табл. 4
Санкт-Петербург (Россия)	Автомобильный	$2950 + 960 + 1785 = 5695$	табл. 1, табл. 3, табл. 4
Рига (Латвия)	Железнодорожный	$2650 + 1575 + 604 = 4829$	табл. 1, табл. 3, табл. 4
Клайпеда (Литва)	Железнодорожный	$2500 + 2220 + 604 = 5324$	табл. 1, табл. 3, табл. 4
Копер (Словения)	Автомобильный	$1870 + 4300 + 2645 = 8815$	табл. 1, табл. 3, табл. 4

Исходя из расчетов, приведенных в таблице 5, выберем наиболее выгодные варианты (море – ж/д транспорт, море – автотранспорт), с точки зрения минимальных затрат, для дальнейшего их изучения:

1 вариант: Александрия (Египет) – Рига (Латвия) – Полоцк (Беларусь). По данному направлению доставку груза предложено осуществлять из порта отправления морской линией MSC до порта назначения г. Рига, далее груз доставляется железнодорожным транспортом до станции Полоцк, отсюда – железнодорожным транспортом на склад ООО «Фрутреал»;

2 вариант: Александрия (Египет) – Клайпеда (Литва) – Полоцк (Беларусь). По данному направлению доставку груза предложено осуществлять из порта отправления морской линией MSC до порта назначения г. Клайпеда, далее груз доставляется железнодорожным транспортом до станции Полоцк, отсюда – железнодорожным транспортом на склад ООО «Фрутреал»;

3 вариант: Александрия (Египет) – Новороссийск (Россия) – Полоцк (Беларусь). По данному направлению доставку груза предложено осуществлять из порта отправления морской линией MSC до порта назначения г. Новороссийск, далее груз доставляется автомобильным транспортом до пункта таможенного оформления Полоцк-Стекловолокно, отсюда – автомобильным транспортом до склада ООО «Фрутреал».

Рассчитаем затраты на закупку апельсинов сорта «Valencia» по выбранным вариантам (таблица 6).

Таблица 6. – Расчет затрат на закупку апельсинов с учетом таможенных платежей, бел. руб.

Статья затрат	Расчеты / значение			Примечание
	1 вариант	2 вариант	3 вариант	
Стоимость апельсинов сорта «Valencia»	$0,60 * 24000 * 3,18 = 45792$	$0,60 * 24\ 000 * 3,18 = 45792$	$0,60 * 24\ 000 * 3,18 = 45792$	0,60 дол. США/кг – цена апельсинов сорта «Valencia»; 24 т – вес груза; 3,18 руб./ 1 дол. США – курс НБ РБ по состоянию на 06.06.2024 г.
Транспортные затраты до территории РБ (до границы ЕАЭС)	$257 * 4,07 * 3,18 = 3326,25$	$314 * 4,26 * 3,18 = 4253,70$	$3100 * 0,80 * 3,18 = 7886,4$	257 км – расстояние до территории РБ; 4,07 дол. США/км – по 1 варианту; 314 км – расстояние до территории РБ; 4,26 дол. США/км – по 2 варианту; 3100 км – расстояние до границы ЕАЭС; 0,81 дол. США/км – по 3 варианту
Таможенная стоимость	49118,25	50045,70	53678,40	п. 1 + п. 2
Таможенное оформление	150	150	150	Данные организации
Таможенная пошлина	$49118,25 * 0,05 = 2455,91$	$50045,70 * 0,05 = 2502,28$	$53678,40 * 0,05 = 2683,92$	5% – ставка таможенной пошлины
Таможенные платежи	2605,91	2652,28	2833,92	п. 4 + п. 5

Далее, в таблице 7 представим суммарные издержки на формирование международной цепи поставок по закупке апельсинов сорта «Valencia» по выбранным вариантам.

Таблица 7. – Суммарные издержки на формирование международной цепи поставок по закупке апельсинов сорта «Valencia» по выбранным вариантам, бел. руб.

Наименование затрат	Расчеты/ значение			Примечание
	1 вариант	2 вариант	3 вариант	
1. Таможенная стоимость	49118,25	50045,70	53678,40	Табл. 6
2. Таможенные платежи	2605,91	2652,28	2833,92	Табл. 6
3. Транспортные затраты по территории РБ (по территории ЕАЭС: Россия, Беларусь)	130 * 4,07 * 3,18 = 1682,54	207 * 4,26 * 3,18 = 2804,19	1958 * 0,71 * 3,18 = 4420,77	130 км – расстояние по территории РБ; 4,07 дол. США/км – по 1 варианту; 207 км – расстояние по территории РБ; 4,26 дол. США/км – по 2 варианту; 1958 км – расстояние по территории ЕАЭС (РФ, РБ); 0,71 дол. США/км – по 3 варианту
ВСЕГО	53406,70	55502,17	60933,09	

Рассчитаем общие затраты на закупку и доставку апельсинов сорта «Valencia» по выбранным вариантам (таблица 8).

Таблица 8. – Общие затраты на закупку и доставку апельсинов по выбранным вариантам, бел. руб.

Наименование затрат	Расчеты/ значение			Примечание
	1 вариант	2 вариант	3 вариант	
1. Стоимость доставки	4829 * 3,18 = 15356,22	5324 * 3,18 = 16930,32	5685 * 3,18 = 18078,3	Табл. 5
2. Суммарные издержки на закупку апельсинов	53406,70	55502,17	60933,09	Табл. 7
ВСЕГО	68762,92	72432,49	79011,39	

Таким образом, общие затраты на закупку и доставку апельсинов сорта «Valencia» по маршруту № 1 Александрия – Рига – Полоцк составляют 68762,92 бел. руб. По данному направлению доставку груза предложено осуществлять из порта отправления морской линией MSC до порта назначения г. Рига, далее груз доставляется ускоренным контейнерным поездом «Зубр» до станции Полоцк, отсюда – железнодорожным транспортом на склад ООО «Фрутреал». Ориентировочные сроки доставки составляют 28–30 дней (24 дня – морской линией MSC, 3–5 дней – ускоренным контейнерным поездом «Зубр» до станции Полоцк, 1 день железнодорожным транспортом от станции Полоцк до склада ООО «Фрутреал»).

Общие затраты на закупку и доставку апельсинов сорта «Valencia» по маршруту № 2 г. Александрия – Клайпеда – Полоцк составляют 72432,49 бел. руб. По данному направлению доставку груза предложено осуществлять из порта отправления морской линией MSC до порта назначения г. Клайпеда, далее груз доставляется ускоренным контейнерным поездом «Viking» до станции Гудогай, отсюда – железнодорожным транспортом на станцию Полоцк и на склад ООО «Фрутреал». Ориентировочные сроки доставки составляют 30–32 дня (24 дня – морской линией MSC, 5–7 дней – ускоренным контейнерным поездом «Viking», 1 день железнодорожным транспортом от станции Полоцк до склада ООО «Фрутреал»).

Общие затраты на закупку и доставку апельсинов сорта «Valencia» по маршруту № 3 Александрия – Новороссийск – Полоцк составляют 79011,39 бел. руб. По данному направлению доставку груза предложено осуществлять из порта отправления морской линией MSC до порта назначения г. Новороссийск, далее груз доставляется автомобильным транспортом до пункта таможенного оформления Полоцк-Стекловолокно, отсюда – автомобильным транспортом до склада ООО «Фрутреал». Ориентировочные сроки доставки составят 17 дней (14 дней – морской линией MSC, 3 дня – автомобильным транспортом).

Рассчитаем чистую прибыль от реализации апельсинов сорта «Valencia» по предлагаемым вариантам мультимодальной перевозки (таблица 9).

Таблица 9. – Расчет чистой прибыли от реализации апельсинов сорта «Valencia» по предлагаемым вариантам мультимодальной перевозки, бел. руб.

Показатель	Способ мультимодальной перевозки груза			
	вариант № 1	вариант № 2	вариант № 3	Примечание
Выручка от реализации продукции без НДС	86400	86400	86400	Цена реализации за минусом НДС (3,6 руб.) *24 000 кг
Суммарные затраты на закупку и транспортировку	68762,92	72432,49	79011,39	Табл. 8
Прибыль от реализации продукции	17637,08	13967,51	7388,61	п.1-п.2
Налог на прибыль	3527,42	2793,50	1477,72	п.3*20 %
Чистая прибыль	14109,66	11174,01	5910,89	п.3-п.4

В заключение, представим сводную таблицу по предлагаемым вариантам мультимодальной перевозки апельсинов сорта «Valencia» (таблица 10).

Таблица 10. – Сводная таблица по предлагаемым вариантам мультимодальной перевозки

Показатели	Способ мультимодальной перевозки груза		
	Вариант № 1	Вариант № 2	Вариант № 3
Суммарные затраты на закупку и транспортировку, руб.	68762,92	72432,49	79011,39
Затраты на транспортировку, руб., в том числе:	15356,2	16930,32	18078,3
морским транспортом	8427	7950	7950
автотранспортом	–	–	4452
ж/д транспортом	5008,5	7059,6	–
Дополнительные расходы, руб.	1920,72	1920,72	5676,3
Ориентировочные сроки доставки, дн.	28-30	30-32	17
Чистая прибыль, руб.	14109,66	11174,01	5910,89

Можно сделать вывод, что наиболее выгодным вариантом мультимодальной перевозки груза, с точки зрения наибольшей чистой прибыли, является доставка морским транспортом и ускоренным контейнерным железнодорожным поездом «Зубр», по маршруту Александрия – Рига – Полоцк. Однако более скорый срок доставки груза осуществим при взаимодействии морского и автомобильного видов транспорта по маршруту Александрия – Новороссийск – Полоцк.

Заключение. Таким образом, в процессе исследования поставлена и решена задача, имеющая важное научно-практическое значение, предложены оптимальные варианты организации мультимодальных перевозок при закупке товаров на внешнем рынке; экономически обоснованы предлагаемые варианты взаимодействия разных видов транспорта (морского и железнодорожного, морского и автомобильного). Основные научные выводы направлены на совершенствование организации мультимодальных перевозок при закупке товаров на внешнем рынке на примере ООО «Фрутреал». Дано авторское определение понятию «мультимодальная перевозка». Выполнен анализ мультимодальных перевозок и выявлено, что железнодорожный транспорт может быть эффективно использован в системе мультимодальных перевозок грузов (с учетом наличия подъездных железнодорожных путей на предприятии). Предложены варианты эффективного взаимодействия разных видов транспорта при закупке товаров на внешнем рынке на примере ООО «Фрутреал». Проведено экономическое обоснование различных вариантов мультимодальной перевозки апельсинов из Египта в Беларусь на примере ООО «Фрутреал», с точки зрения минимальных затрат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова Ю.О. Интермодальные и мультимодальные перевозки грузов: проблемы терминологии // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2012. – № 6. – С. 85–88.
2. Гарбузов Е.А., Бугаева Е.В. Мультимодальные перевозки // Современные тенденции развития науки и производства: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (23-24 окт. 2014 г.): в 4 т. – Т. 4. – Кемерово: ООО «ЗапСибНЦ», 2014. – С. 41–43.
3. Шалганова Е.В., Целищев Д.В. Интермодальные и мультимодальные перевозки [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47497365_47954690.pdf. (дата обращения: 01.09.2024).
4. Милослаская С.В., Плужников К.И. Мультимодальные перевозки и интермодальные перевозки: учеб. пособие для студентов трансп. вузов. – М.: РосКонсультант, 2001. – 364 с.
5. Бутакова Н.А. Современные особенности развития мультимодальной перевозки грузов в международной торговле // Управленческое консультирование. – 2015. – № 10. – С. 32–39.
6. Еремеева Л.Э. Интермодальные и мультимодальные перевозки: учеб. пособие. – Сыктывкар: НИЦ ИНФРА-М, 2024. – 223 с.
7. Мягков В.А. Особенности мультимодальных транспортировок в условиях интенсификации мировой торговли // Транспортный вестник. – 2016. – № 1. – С. 27–30.

Поступила 21.10.2024

ORGANIZING MULTIMODAL TRANSPORTATION WHEN PURCHASING GOODS IN THE FOREIGN MARKET USING THE EXAMPLE OF FRUTREAL LLC

O. MESHCHERYAKOVA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)
E. RUBOVICH

The article provides the author's definition of the concept of "multimodal transportation". An analysis of existing schemes for organizing multimodal transportation when purchasing goods on the external market is conducted using the example of Fruitreal LLC. Options for effective interaction between different types of transport are proposed and economically substantiated: sea and rail transport, sea and road transport, during multimodal delivery of oranges from Egypt to Belarus from the point of view of minimal costs.

Keywords: *multimodal cargo transportation, transport costs, supply chain, customs duties, road transport, sea line, rail transport.*

УДК 657.6

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-41-47

ОПРЕДЕЛЕНИЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ХЛЕБОПЕКАРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ¹**А.Н. ПРУДНИКОВА***(Барановичский государственный университет)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3350-3519>

В статье обоснована необходимость определения бизнес-процессов и их влияния на организацию учетно-аналитической системы в хлебопекарных организациях. Предметом исследования являются подходы к раскрытию понятия «бизнес-процесс», в том числе с учетом отраслевых особенностей хлебопекарного производства. Автором раскрывается понятие «бизнес-процесс», проводится анализ влияния особенностей бизнес-процессов хлебопекарного производства на организацию учетно-аналитической системы хлебопекарных организаций.

Ключевые слова: *процессный подход, процессно-ориентированный подход, управление, бизнес-процесс, учетно-аналитическая система, учетно-аналитическое обеспечение, хлебопекарное производство.*

Введение. Одним из важнейших условий устойчивого развития организаций хлебопекарной промышленности в современных условиях становится переход на новый уровень организации бизнес-процессов и проведение последовательных мер по повышению эффективности хлебопекарного производства. В связи с этим необходимо формировать учетно-аналитическую систему управления бизнес-процессами в хлебопекарных организациях, позволяющую организовать качественное информационное обеспечение и гарантировать их устойчивое развитие. На наш взгляд, данная система позволит обеспечить непрерывный контроль результатов работы структурных подразделений, бизнес-процессов, центров ответственности, тем самым повысить эффективность управленческих процедур, поскольку способна оперативно обеспечивать пользователей необходимой информацией для принятия эффективных управленческих решений.

Многими авторами отмечается, что формируемая в настоящее время в системе бухгалтерского учета информация не в полной мере отвечает потребностям управленческого звена и не всегда актуальна для мониторинга и регулирования бизнес-процессов в хлебопекарных организациях. В связи с этим, на наш взгляд, необходимым является формирование такой учетно-аналитической системы в хлебопекарных организациях, которая позволит обеспечить информационное сопровождение управления бизнес-процессами, будет обладать эффективным инструментарием для их анализа, контроля, мониторинга и регулирования.

Целью исследования является изучение понятия «бизнес-процесс» и установление влияния бизнес-процессов хлебопекарных организаций на формирование их учетно-аналитической системы. Для достижения поставленной цели необходимо определить бизнес-процессы хлебопекарных организаций с учетом особенностей хлебопекарного производства, а также установить влияние особенностей бизнес-процессов хлебопекарных организаций на формирование учетно-аналитической системы. Научная и практическая потребность развития учетно-аналитической системы управления в хлебопекарных организациях по бизнес-процессам, отсутствие её достаточного теоретического и организационно-методического обоснования определяют проблемную область и актуальность исследования.

Теоретическую основу исследования составили фундаментальные и прикладные труды отечественных и зарубежных ученых, специалистов в области методологии и организации бухгалтерского, управленческого учета, внутреннего контроля, аудита, экономического анализа, нормативные правовые акты, материалы периодических изданий, научных конференций, в том числе опубликованные в сети Интернет. Методологию исследования обеспечили общенаучные методы познания – систематизация, конкретизация, анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация, сравнение, измерение, обобщение теоретического и практического материала; специальные методы бухгалтерского учета, контроля, экономического анализа.

Основная часть. Сейчас, при исследовании направлений развития учетно-аналитического обеспечения управления, все больше внимания в научных трудах уделяется процессному (процессно-ориентированному) подходу к управлению [1–15]. Признавая важность его роли в управлении затратами хлебопекарных организаций, нами рассматриваются возможности его внедрения с целью повышения качества информационного обеспечения управления бизнес-процессами. При процессно-ориентированном подходе к организации бизнеса вся деятельность и организационная структура управления экономического субъекта строится на основе деления на определенное количество бизнес-процессов, участниками которых являются структурные подразделения и должностные лица [3, с. 24]. Полагаем, что внедрение данного подхода в управление деятельностью хлебопекарных организаций обеспечит для них возможность выстраивать, систематизировать и структурировать бизнес-процессы, оценивать их эффективность и оптимизировать затраты на производство хлебобулочных изделий.

Учетные и информационно-аналитические аспекты бизнес-процессов раскрываются в научных трудах К.А. Александровой [1], В.О. Бердичевской [2], А. Н. Бобрышева, Е.А. Медведевой [3–5], А.В. Бодяко, С.В. Пономаревой, Т.М. Рогоуленко [6; 7], М.А. Илатовской [8], И.А. Наугольной [9], Т.А. Нещадимовой, М.В. Феськовой [10], З.С. Туяковой, Т.В. Черемушниковой [11; 12], З.В. Удаловой, Л.Н. Усенко [13; 14], Федченко А.А.,

¹ Статья выполнена в рамках проекта БРФФИ Г24М-051 «Развитие учетно-аналитической системы субъектов хозяйствования в условиях концепции устойчивого развития».

Гальчиной О.Н. [15] и др. Исследованием процессного (процессно-ориентированного) подхода занимались такие зарубежные ученые, как: К. Друри, М. Хаммер, Т. Давенпорт, М. Хучек, И. Фехнер, К. Фиггинс, М. Фергюсон, Дж. Чампи, Р. Каплан и ряд других. Комплекс теоретических, методических и практических вопросов учетно-аналитического обеспечения управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций исследован в диссертационной работе С.В. Холоденко «Формирование системы учетно-аналитического обеспечения управления бизнес-процессами хлебопекарных предприятий». Вместе с тем, изучение имеющейся научной базы позволяет сделать вывод, что полного методологического обеспечения разработки учетно-аналитической системы управления бизнес-процессами в хлебопекарных организациях, охватывающей все элементы и процессы развития организаций с учетом отраслевых особенностей хлебопекарного производства, до сих пор нет. Во многих научных трудах при исследовании особенностей формирования и развития учетно-аналитической системы не всегда учитываются специфические отраслевые особенности хлебопекарного производства, организационно-производственная структура хлебопекарных организаций, а также отсутствует единый подход к определению, классификации бизнес-процессов хлебопекарных организаций и их влияния на организацию учетно-аналитической системы.

Отдавая должное значительному вкладу ученых в решение данной задачи, следует отметить, что многие вопросы теории и практики учетно-аналитического обеспечения управления бизнес-процессами представлены без учета специфики хлебопекарного производства; отсутствуют современные методики бюджетирования и более совершенные механизмы формирования информации в рамках бизнес-процессов в хлебопекарном производстве. Это свидетельствует о необходимости новых подходов к формированию учетно-аналитической системы управления бизнес-процессами применительно к процессно-ориентированным производствам, каковыми являются организации хлебопекарной промышленности.

Восстановление и обеспечение устойчивого развития хлебопекарного производства в современных условиях является приоритетной общенациональной задачей, так, в Государственной программе «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы установлено, что индикатором развития подкомплекса по производству хлебопродуктов на 2021–2025 годы является стабилизация объемов производства хлебобулочных изделий на уровне 2020 года под полную потребность рынка [16]. За каждым хлебобулочным изделием стоит сложная совокупность регламентированных процессов, которыми можно эффективно управлять с помощью инструментов учетно-аналитической системы. Учетно-аналитическая система является фундаментом информационного обеспечения управления, начиная от каждой хозяйственной операции в хлебопекарном производстве до реализации хлебобулочных изделий покупателям, предоставляя данные в реальном времени всем пользователям и осуществляя их контроль, анализ с целью принятия быстрых и обоснованных управленческих решений, повышения результативности управления бизнес-процессами хлебопекарной организации. Эффективное управление хлебопекарной организацией подразумевает систематическое планирование, организацию и контроль всех видов деятельности и процессов, начиная от поиска ингредиентов и производства до реализации продукции, обслуживания покупателей, соответствия стандартам качества и достижения стратегических бизнес-целей.

Развитие цифровых технологий должно сопровождаться соответствующим учетно-аналитическим обеспечением для эффективного управления бизнес-процессами. Бодяко А.В., Пономарева С.В., Рогуленко Т.М. отмечают, что «в условиях крайне подвижных факторов экономической среды (внешней и внутрикорпоративной) для достижения целей Стратегии динамичного развития бизнеса, требуется пересмотр правил формирования учетно-контрольной информации. Это предполагает формирование нескольких вариантов релевантной информации, что возможно при современном уровне автоматизации бизнес-процессов и перевода их на цифровые платформы сбора и передачи информации», при том, что «... в настоящее время остаются недостаточно разработанными на методическом и "технологическом" уровнях схемы сбора необходимой информации; способы верификации и обработки данных, полученных из разных источников; процедуры интерпретации результатов» [6]. Гуякова З.С., Черемушников Т.В. также делают обобщающий вывод, что «...основной задачей учетно-аналитической системы в компаниях различной отраслевой направленности в условиях цифровой трансформации является обеспечение доступности пользователей к необходимой информации в режиме реального времени за счет использования таких современных технологий, как облачных вычислений, технологии «блокчейн», анализа больших баз данных Big Data и других» [12, с. 480]. Таким образом, эффективность принимаемых в современной экономике управленческих решений все в большей степени определяется способностью учетно-аналитической системы экономического субъекта вырабатывать качественную информацию о состоянии и необходимости совершенствования внутренних бизнес-процессов [17, с. 6].

При разработке (адаптации) инструментария учетно-аналитической системы управления бизнес-процессами требуется:

- определить понятие «бизнес-процесс» и его значимые характеристики с точки зрения бухгалтерского и (или) управленческого учета;
- установить особенности бизнес-процессов хлебопекарного производства и их влияние на формирование информации в учетно-аналитической системе;
- сформировать информационное обеспечение системы управления бизнес-процессами, способной генерировать максимальный эффект от взаимодействия и функционирования её управленческих элементов, адаптированных под нужды управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций, делая их устойчивыми к внешним и внутренним факторам воздействия.

Единый подход к понятию «бизнес-процесс» на сегодняшний день отсутствует (таблица 1.), однако существующие определения зачастую существенно не противоречат друг другу и являются взаимодополняющими.

Таблица 1. — Определения термина «бизнес-процесс»

Автор	Определение
Вахрушина М.А. [18]	«Совокупность различных видов деятельности, в рамках которой «на входе» используются один или более видов ресурсов и в результате этой деятельности на «выходе» создается продукт, представляющий ценность для потребителя»
Бердичевская В.О. [2]	«...бизнес-процесс является совокупностью логически связанных действий, преобразующих ресурсы, необходимые для реализации данных действий, в результат, имеющий ценность для конечного потребителя данного бизнес-процесса»
Бобрышев А.Н. [3]	«...под бизнес-процессами в контексте постановки системы управленческого учета чаще всего понимается совокупность взаимосвязанных видов деятельности от начала до окончания, в результате которых ресурсы экономического субъекта, проходя через различные подразделения, преобразуются в полезный для пользователя продукции продукт»
Удалова З.В. [13]	«Бизнес-процесс представляет собой особый процесс, который служит осуществлению основных целей предприятия (бизнес-целей) и описывает центральную сферу его деятельности»
Федченко А.А., Гальчина О.Н. [15]	«... под бизнес-процессом принято понимать устойчивую, целенаправленную совокупность взаимосвязанных видов деятельности, которая по определенной технологии преобразует входы в выходы, представляющие ценность для потребителя»
Кондрашова О.Р. [19]	«Устойчивая целенаправленная совокупность взаимосвязанных видов деятельности, которая по определенной технологии преобразует входы в выходы, представляющие ценность для потребителя». «Под бизнес-процессом в управленческом учете понимается совокупность действий (работ) подразделений организации, формирующих последовательный поток операций от поставщиков через основную деятельность к покупателю»
Энциклопедический словарь «Капитал» (Гавриленко В.Г. «Право и экономика», 2009)	«Под бизнес-процессом понимается совокупность взаимосвязанных мероприятий или задач, направленных на создание определенного продукта или услуги для потребителей»
ISO (International Organization for Standardization) Международная организация по стандартизации	«Бизнес-процесс – устойчивая целенаправленная совокупность взаимосвязанных видов деятельности, которая по определенной технологии преобразует входы в выходы, представляющие ценность для потребителя»

Обобщая представленные определения, можно сделать вывод, что под бизнес-процессами в контексте постановки учетно-аналитической системы и её составляющих чаще всего понимается совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих видов деятельности, действий, в результате которых ресурсы преобразуются в полезный для пользователя продукт или услугу [2, с. 98; 3; 15, с. 36; 18, с. 65; 19]. Применительно к особенностям хлебопекарного производства, учитывая контроль системы менеджмента пищевой безопасности производства хлебобулочных изделий во всех хлебопекарных организациях, мы определяем бизнес-процесс как устойчивую, целенаправленную совокупность взаимосвязанных видов деятельности (действий, операций), которая по определенной технологии преобразует входы (ресурсы) в выходы (продукты и услуги), представляющие ценность для потребителя. Данное определение базируется на международных стандартах ISO 9000. По мнению автора, оно достаточно полно отражает все существенные характеристики бизнес-процесса: понимание процесса как последовательности действий, операций, причем не произвольной, а регламентированной и логически обоснованной; нацеленность на определенный результат (выход), имеющий потребителя (клиента); наличие ресурсов, с помощью которых входы процесса по определенной технологии преобразуются в выходы. Назначение каждого бизнес-процесса хлебопекарной организации состоит в том, чтобы предложить клиенту, потребителю результатов бизнес-процесса, продукт или услугу, удовлетворяющую его по стоимости, качеству и безопасности для здоровья.

Поскольку, все бизнес-процессы имеют проблемы недостаточного информационного обеспечения при принятии управленческих решений, предполагается, что большинство из них решается путем повышения эффективности учетной и аналитической деятельности хлебопекарной организации. Для эффективного управления таким бизнес-процессом, например, как «Производство» необходимо рационально управлять структурой затрат, а также внедрять методологию инвариантного калькулирования себестоимости продукции (в разрезе бизнес-процессов, стадий жизненного цикла, центров ответственности, мест возникновения затрат и др.) [3].

При идентификации бизнес-процессов в учетно-аналитической системе хлебопекарных организаций их необходимо классифицировать. Существует множество классификаций и видов бизнес-процессов [2, с. 101; 3; 4, с. 127; 13, с. 42-43 и др.]. Стандартами ISO предусмотрено, что «виды деятельности в рамках каждого процесса должны быть определены и приспособлены к размеру и особенностям организации», то есть при выделении бизнес-процессов следует опираться на существующую организационную структуру и рассматривать реальную деятельность, осуществляемую конкретными структурными подразделениями. Следовательно, одной из наиболее распространенных и часто используемых на практике классификаций бизнес-процессов является их разделение на: основные (операционные) бизнес-процессы, вспомогательные (обеспечивающие, поддерживающие) бизнес-процессы, бизнес-процессы управления (организационные бизнес-процессы).

Сегодня развитие организаций хлебопекарной промышленности уже невозможно без комплексной автоматизации производства, обработки и анализа всей информации, развития новых направлений деятельности, соответственно, необходимо выделять бизнес-процессы развития, необходимые хлебопекарным организациям для усовершенствования уже готовых продуктов или услуг (улучшение рецептуры, снижение затрат, повышение эффективности при взаимодействии с потребителями (клиентами), повышение прибыли). Бизнес-процессы развития призваны обеспечивать инвестиционную деятельность и решение стратегических задач хлебопекарной организации.

Хлебопекарное производство, как и основная масса пищевых производств, по характеру технологического процесса представляет собой обрабатывающее производство. Процесс приготовления хлебобулочных изделий представляет собой обязательное выполнение взаимосвязанных операций: подготовка сырья и материалов к производству, приготовление теста – замес и брожение опары, замес и брожение теста, его обминка, разделка теста на куски определенной массы, формирование и расстойка тестовых заготовок, выпечка, охлаждение и хранение хлебобулочных изделий (рисунок).

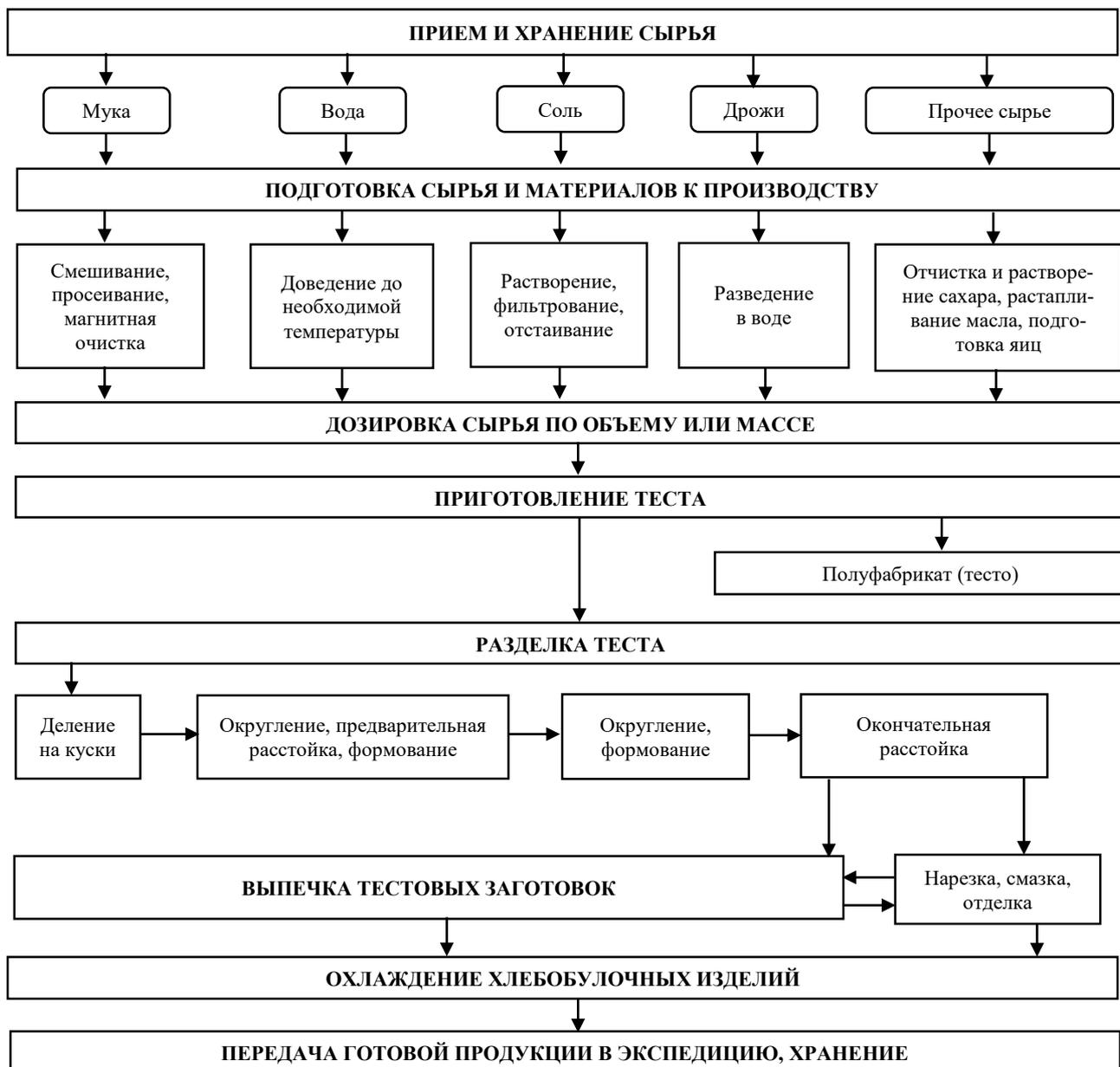

Рисунок. – Процесс приготовления хлебобулочных изделий

Особенности хлебопекарного производства с точки зрения их влияния на организацию бухгалтерского и управленческого учета, осуществление контроля и анализа исследуются в отдельных работах, однако вопросы, связанные с влиянием особенностей бизнес-процессов на учетно-аналитическую систему управления хлебопекарных организаций, являются недостаточно исследованными. В связи с этим рассмотрим ключевые особенности бизнес-процессов в хлебопекарных организациях и оценим их влияние на формирование учетно-аналитической системы (таблица 2.).

Таблица 2. – Особенности бизнес-процессов хлебопекарных организаций и их влияние на учетно-аналитическую систему

Особенности бизнес-процессов	Влияние особенностей на учетно-аналитическую систему
Основные бизнес-процессы	
Разнообразный ассортимент, множество видов производимой продукции	Большое число объектов калькулирования, сложность расчета себестоимости отдельных видов продукции, распределения косвенных затрат, разграничения затрат по местам их возникновения, влияние на формирование бюджетов
Непрерывный и непродолжительный технологический процесс производства, состоящий из определенных этапов, их повторяемость	Влияние на учет затрат, ведется в целом на производство хлебобулочных изделий, поскольку отдельные этапы не являются объектами бухгалтерского учета. В основном применяется попроцессный метод учета затрат и калькулирования себестоимости продукции, применение других методов затруднено
Строгое соблюдение технологии производства (рецептур) и норм расхода основного и дополнительного сырья, материалов	Возможность применения нормативного метода учета затрат, выстраивая действенной системы внутреннего оперативного контроля за отклонениями от действующих норм
Высокая материалоемкость производственного процесса	Необходим аналитический учет и усиленный контроль за поступлением и расходом материальных ресурсов, выходом готовой продукции. Требуется снижение себестоимости готовой продукции с сохранением её качества, разработка механизмов по управлению и оптимизации затрат
Нетипичное разделение затрат на условно-постоянные и условно-переменные	Отдельные виды затрат, в отличие от традиционных подходов к разделению затрат на постоянные и переменные, могут относиться к постоянным (например, затраты на энергию и топливо, которые зачастую не зависят от объема выпекаемых хлебобулочных изделий, поскольку время и температурный режим остаются неизменными при любой загруженности печи)
Вспомогательные бизнес-процессы	
Наличие специфических вспомогательных производств	Влияние на построение аналитического учета затрат, порядок организации внутреннего контроля, процесс выявления и распределения затрат, относящихся именно к производству продукции, необходимо использовать специальные отраслевые формы документов, отчетов
Бизнес-процессы управления	
Короткий технологический цикл изготовления, практически полное отсутствие незавершенного производства	Влияет на структуру краткосрочных активов, результаты деятельности, методику оценки финансового состояния, необходимо учитывать при оценке оборачиваемости краткосрочных активов
Ограниченный срок хранения и реализации готовой продукции	Необходимо оперативно получать сведения об остатках готовой продукции с целью недопущения образования отходов. Влияет на методику учета и анализа производства и реализации продукции, ценообразование, управление ассортиментом, сбытовую политику хлебопекарных организаций
Жесткий контроль качества выпускаемых хлебобулочных изделий, социально-ответственное ведение бизнеса	Необходимо внедрение систем международных стандартов менеджмента качества, экологического менеджмента и менеджмента профессиональной безопасности и здоровья. Требуется организация учета затрат на качество, внедрение КРП (ключевых показателей эффективности) и нефинансовых показателей оценки осуществляемых бизнес-процессов
Государственное регулирование цен на хлеб и хлебобулочные изделия, нестабильный спрос, сезонность	Влияние на ценообразование, планирование объема производства продукции и управление ассортиментом, сбытовую политику хлебопекарных организаций. Улучшение финансовых результатов за счет развития деятельности в смежных отраслях, таких как кондитерская, создания собственной сбытовой сети (фирменные магазины). Неравномерное использование трудовых ресурсов, техники, сырья и материалов
Бизнес-процессы развития	
Необходимость постоянного развития и совершенствования хлебопекарного производства	Требуется освоение новых направлений и технологий, внедрение инноваций, обновление и расширение ассортимента продукции для диетического, лечебного питания. Влияние на организацию учета, анализа и контроля, требуется учет и контроль затрат на стадии разработки новых видов продукции, открытие аналитических счетов для учета затрат, анализ реакции покупателей
Достаточно высокий уровень конкуренции на рынке хлебобулочных изделий	Необходимо создание эффективной системы информационного обеспечения управления с целью быстрого реагирования на потребности рынка, поиск наиболее рациональных и эффективных форм и методов организации учета, анализа и контроля, использование маркетинговых и рекламных стратегий

Формирование учетно-аналитической системы в хлебопекарных организациях с учетом существующих производственно-технологических процессов хлебопекарного производства позволит выстроить эффективное учетно-аналитическое обеспечение управления бизнес-процессами организаций данной отрасли. Сбор, обобщение, обработка, контроль и анализ информации о бизнес-процессах в хлебопекарной организации должны осуществляться в рамках её учетно-аналитической системы, основные составляющие которой при процессно-ориентированном управлении могут быть представлены следующим образом:

Объект – бизнес-процессы.

Предмет – совокупность бизнес-процессов: основные (операционные), вспомогательные (обслуживающие, поддерживающие), организационные (бизнес-процессы управления), бизнес-процессы развития хлебопекарной организации.

Субъекты – собственники, учредители, менеджеры, руководители бизнес-процессов, работники организации, в отдельных случаях – внешние пользователи.

Подсистемы – учетная, аналитическая, контрольная.

Учетно-аналитическое обеспечение – учет затрат и исчисление себестоимости бизнес-процессов, стадий (субпроцессов), операций, видов работ.

Инструменты – автономная и интегрированная система аналитических счетов, сбалансированная система показателей (КПИ), бюджетирование, реинжиниринг бизнес-процессов, бенчмаркинг и др.

Цель – повышение эффективности оперативных и стратегических решений в области управления бизнес-процессами хлебопекарных организаций.

Задачи – Информационное обеспечение принятия решений по бизнес-процессам (учет затрат и калькулирование себестоимости); анализ затрат и оценка эффективности бизнес-процессов; планирование и контроль показателей по бизнес-процессам и др.

Функции – учетная, контрольная, аналитическая, информационная, диагностическая.

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить особенности бизнес-процессов в хлебопекарных организациях, которые должны учитываться при формировании учетно-аналитической системы, позволяющей создать информационную базу для принятия рациональных управленческих решений в рамках отдельных бизнес-процессов. Таким образом, для реализации процессно-ориентированного подхода в управлении хлебопекарной организации следует формировать учетно-аналитическую систему, которая, с одной стороны, учитывает информационные потребности системы управления, а с другой – особенности бизнес-процессов, протекающих в хлебопекарной организации. Определение бизнес-процессов и их особенностей в хлебопекарных организациях является основанием для внедрения новых стратегий в развитии их учетно-аналитической системы, которые будут способствовать стратегическому развитию хлебопекарных организаций и устойчивому развитию отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова К.А., Музалев С.В. Аналитическое обеспечение моделирования бизнес-процессов в организации // Russian Journal of Management. – 2022. – № 1. – С. 36–40. – DOI: <https://doi.org/10.29039/2409-6024-2022-10-1-36-40>.
2. Бердичевская В.О. Бухгалтерский учет как объект процессно-ориентированного управления // Вестник НГУЭУ. – 2023. – № 3. – С. 97–104. – DOI: <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2023-3-097-104>.
3. Бобрышев А.Н., Медведева Е.А. Управленческий учет по бизнес-процессам и стадиям жизненного цикла продукта. – Ставрополь: «АГРУС», 2023. – 196 с.
4. Бобрышев А.Н., Медведева Е.А. Разработка методики оценки ключевых показателей эффективности (КПИ) бизнес-процессов // Экономический анализ: теория и практика. – 2022. – Т. 21, № 1(520). – С. 113–130. – DOI: <https://doi.org/10.24891/ea.21.1.113>.
5. Медведева Е.А. Управленческий учет затрат и калькулирование себестоимости продукции обрабатывающих производств в условиях процессно-ориентированного управления // Современная экономика: проблемы и решения. – 2020. – Т. 9. – С. 122–133.
6. Содержание системы учетно-аналитического сопровождения целей управления бизнес-процессами / А. В. Бодяко, С. В. Пономарева, Т. М. Рогуленко // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13 – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-sistemy-uchetno-analiticheskogo-soprovozhdeniya-tseley-upravleniya-biznes-protessami>. – DOI: [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13\(1\).7](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2022.13(1).7).
7. Пономарева С.В. Формирование системно интегрированного учета и механизм его реализации в системе управления качеством бизнес-процессов // Вестник ГУУ. – 2018. – № 7. – С. 104–108. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sistemno-integririvannogo-ucheta-i-mehanizm-ego-realizatsii-v-sisteme-upravleniya-kachestvom-biznes-protessov>. – DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-7-104-108>.
8. Илатовская М.А. Учетно-аналитическое обеспечение управления проектами и бизнес-процессами // Бухгалтерский учет, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития: материалы XV Междун. науч. конф., Санкт-Петербург, 21 окт. 2020 г. – СПб.: Санкт-Петерб. гос. экон. ун-т, 2020. – С. 209–214.
9. Наугольнова И.А. Процессный подход к управлению затратами и его роль в эволюционном реинжиниринге бизнес-процессов // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 8(184). – С. 154–158. – DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.8.18>.
10. Нещадимова Т.А., Феськова М.В. Методические аспекты учета затрат по бизнес-процессам организации // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 4, № 9. – С. 105–109.
11. Туякова З.С., Черемушникова Т.В. Анализ бизнес-процессов в системе инструментариев оценки деятельности компаний // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Экономика и менеджмент. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 144–157. – DOI: <https://doi.org/10.14529/em210115>.
12. Туякова З.С., Черемушникова Т.В. Роль и значение учетно-аналитического обеспечения управления бизнес-процессами в условиях развития цифровой экономики // Национальные экосистемы: сб. науч. тр. по итогам проведения I-III Междунар. науч.-практ. конф., Курган, 25 нояб. 2019 г. – 16 нояб. 2022 г. – Курган: Курган. гос. ун-т, 2023. – С. 475–480.
13. Удалова З.В. Особенности бизнес-процессов в сельскохозяйственных организациях и их влияние на формирование учетно-аналитического обеспечения // Учет и статистика. – 2010. – № 4 (20). – С. 40–48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-biznes-protessov-v-selskhozaystvennyh-organizatsiyah-i-ih-vliyaniye-na-formirovanie-uchetno-analiticheskogo>.

14. Усенко Л.Н., Удалова З.В. Анализ бизнес-процессов в коммерческих организациях // Фундаментальные и прикладные научные исследования: учет, анализ, аудит, налогообложение, статистика / под ред. Е.Н. Макаренко. – Ростов-н/Д.: РГЭУ (РИНХ), 2018. – 472 с. – URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=567197.
15. Федченко А.А., Гальчина О.Н. Содержание учетно-аналитической деятельности в системе процессно-ориентированного управления // Экономический анализ: теория и практика. – 2015. – № 13(412). – С. 35–41. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-uchetno-analiticheskoy-deyatelnosti-v-sisteme-protsessno-orientirovannogo-upravleniya> (дата обращения: 08.10.2024).
16. О Государственной программе «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 1 февр. 2021 г. № 59; в ред. от 20 сент. 2024 г. № 693 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100059> (дата обращения: 08.10.2024).
17. Бобрышев А.Н. Инструменты и методы управленческого учета в условиях кризисных процессов экономики. – М.: РУСАЙНС, 2024. – 316 с.
18. Вахрушина М.А., Пашкова Л.В. Бюджетирование в системе управленческого учета малого бизнеса: методика и организация постановки. – М.: Вуз. учеб.: ИНФРА-М, 2024. – 114 с.
19. Кондрашова О.Р. Управленческий учет и отчетность по сегментам. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 236 с. – DOI: <https://doi.org/10.12737/24682>.

Поступила 20.10.2024

DEFINITION OF BUSINESS PROCESSES OF BAKERY ORGANIZATIONS AND THEIR INFLUENCE ON THE FORMATION OF THE ACCOUNTING AND ANALYTICAL SYSTEM

A. PRUDNIKOVA
(*Baranavichy State University*)

The article substantiates the need to define business processes and their impact on the organization of the accounting and analytical system in bakery organizations. The subject of the study is approaches to disclosing the concept of "business process", including taking into account the industry specifics of bakery production. The author discloses the concept of "business process", analyzes the impact of the specifics of business processes in bakery production on the organization of the accounting and analytical system of bakery organizations.

Keywords: *process approach, process-oriented approach, management, business process, accounting and analytical system, accounting and analytical support, bakery production.*

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ДИФФУЗИИ ЗНАНИЙ В СЕТЕВЫХ СТРУКТУРАХ¹

канд. экон. наук, доц. П.Е. РЕЗКИН

(Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2877-1272>

А.А. ЕМЕЛЬЯНОВ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3886-1861>

В статье представлен анализ некоторых существующих моделей диффузии знаний в сетевых структурах. Среди моделей описываются и анализируются модель сетевого взаимодействия, основанная на матрице смежности, метод стохастических акторно-ориентированных моделей (SAOM), имитационная агентская модель (SKIN). Дается оценка адекватности их применения на основе интерпретации получаемых результатов. Кроме того, представлен анализ инструментов цифровой экономики, способствующих диффузии знаний в сетевых структурах. Выделены специфические драйверы скорости диффузии знаний в условиях цифровизации. В статье отмечены особенности диффузии знаний в зависимости от размеров сетевых структур. Разграничены понятия формирующихся и действующих сетевых структур. Сделан вывод о том, что правильный выбор и внедрение таких инструментов позволяют не только ускорить диффузию знаний, но и повысить инновационный потенциал организации.

Ключевые слова: диффузия знаний, сетевые структуры, цифровая экономика, инструменты цифровой экономики, модель сетевого взаимодействия, SAOM, SKIN.

Введение. Актуальность феномена сетей не утратила своего значения для научного изучения и практики социально-экономического развития. По мнению экспертов, теоретические, методологические и практические разработки в данной области остаются фрагментарными, что связано с междисциплинарным характером изучаемого явления. Исследование сетевых структур ведется в различных направлениях, связанных как с математическим, так и с гуманитарным подходами, изучающими сетевые взаимодействия индивидов и различных типов социальных и экономических структур.

Основная часть. Сетевое сотрудничество между организациями представляет собой особую форму интеграции, которая базируется на определенных видах интеграционных связей. Это процесс установления длительных устойчивых формальных и неформальных отношений между субъектами делового сообщества, объединенными вертикальными и горизонтальными связями, основанных на добровольности, доверии и общих для делового сообщества целях, нормах, традициях, правилах, обычаях [1]. Сетевая структура – это форма мягкой интеграции бизнес-субъектов, которая основана на формировании долговременных и устойчивых организационных, хозяйственных, производственно-кооперационных, информационных и других формах сотрудничества, партнерства и взаимоотношений предприятий, преимущественно неформальных, которые имеют значимую роль при организации бизнес-структуры [2]. В рамках сетевых структур осуществляется разного рода сетевые взаимодействия, в том числе связанные с диффузией знаний. Для описания подобных процессов в рамках сетевых структур используются различные модели [3, с. 783]. Рассмотрим некоторые из них.

Цель модели сетевого взаимодействия – оптимизация обмена знаниями и укрепление сетевых связей в сетевой структуре для повышения производительности и инновационности. Ключевые компоненты модели:

1. Идентификация участников: анализ активных участников сетевой структуры; создание узлов сети для каждого участника на основе их активности и вклада.
2. Определение взаимосвязей: анализ «точек контактов» для выявления взаимосвязей между участниками; установление весов связей на основе частоты совместной работы.
3. Определение ключевых узлов: расчет центральности узлов (например, по метрикам центральности посредничества или степени) для выявления ключевых фигур в сети; определение групповой структуры сети с использованием методов обнаружения узлов.
4. Оптимизация коммуникации: идентификация наиболее эффективных путей коммуникации на основе анализа структуры сети; развитие механизмов для стимулирования и поддержки взаимодействия между ключевыми участниками.
5. Мониторинг динамики сети: анализ изменений в сетевой структуре с течением времени для выявления тенденций и эволюции сети; определение критических точек и событий, влияющих на динамику обмена знаниями в сети.
6. Внедрение и оценка: разработка программного обеспечения для визуализации сети и анализа её характеристик; проведение пилотных проектов для оценки эффективности модели и её внедрения в реальные сетевые структуры.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант БРФФИ Наука М Г23М-065).

Данная модель представляет собой комплексный подход к анализу и оптимизации взаимодействия в сетевых структурах с использованием методов анализа социальных сетей и программного обеспечения для его поддержки.

Далее представим модель диффузии знаний в сетевой структуре:

1. Описание переменных:

N – общее количество узлов в сети;

K – количество узлов, имеющих знания (источники знаний); t – количество временных шагов;

A – матрица смежности, где $A_{ij} = 1$, если между узлами i и j есть связь, и $A_{ij} = 0$ в противном случае.

X – вектор диффузии знаний, где X_i представляет количество знаний в узле i на текущем временном шаге.

2. Инициализация:

Задать начальное распределение знаний в источниках знаний X_i для i от 1 до K . Установить $X_i = 0$ для всех остальных узлов.

3. Диффузия знаний:

На каждом временном шаге t , обновить вектор диффузии знаний X согласно следующему правилу:

$$X_i \times (t + 1) = X(t)_i + a \times \sum N \times A_{ij} \times X(t)_j, \quad (1)$$

где a – коэффициент диффузии, определяющий скорость распространения знаний.

4. Оценка диффузии:

После t временных шагов, оценить общее количество знаний в сети, например, суммировав все элементы вектора X .

5. Анализ результатов:

– проанализировать распределение знаний в сети после проведения диффузии;

– исследовать эффективность процесса диффузии и его влияние на сетевую структуру и кластеры.

Эта математическая модель позволяет оценить процесс диффузии знаний в сетевой структуре на основе матрицы смежности и начального распределения знаний. Путем изменения параметров модели, таких как коэффициент диффузии и количество временных шагов, можно изучать различные сценарии распространения знаний в сети и оптимизировать процесс диффузии для достижения желаемых результатов.

Далее рассмотрим пример расчета диффузии знаний в простой сетевой структуре Инновационно-промышленного Новополюцкого нефтехимического кластера с несколькими узлами. Имеется сеть из 5 узлов (субъектов), где узлы 1 и 2 являются источниками знаний, а остальные узлы – получателями. Пусть коэффициент диффузии $a = 0,5$ и количество временных шагов $t = 3$. Субъекты используются на условиях анонимности, т.к. объект является режимным и информация представляет собой коммерческую тайну. Цель расчетов – демонстрация методики и проверка её жизнеспособности.

Таким образом, матрица смежности будет иметь следующий вид для данной сетевой структуры:

$$A = \begin{pmatrix} 0 & 1 & 1 & 0 & 0 \\ 1 & 0 & 0 & 1 & 1 \\ 1 & 0 & 0 & 0 & 1 \\ 0 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 1 & 0 & 0 \end{pmatrix} \quad (2)$$

Тогда начальное распределение знаний в сетевой структуре будет иметь следующий вид:

$$X = \begin{pmatrix} 10 \\ 20 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{pmatrix} \quad (3)$$

Проведем расчеты с применением формулы (1). Шаг 1:

$$X(1) = X(0) + a \cdot A \cdot X(0) \quad (4)$$

$$X(1) = \begin{pmatrix} 10 \\ 20 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{pmatrix} + 0.5 \cdot \begin{pmatrix} 0 & 1 & 1 & 0 & 0 \\ 1 & 0 & 0 & 1 & 1 \\ 1 & 0 & 0 & 0 & 1 \\ 0 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 1 & 0 & 0 \end{pmatrix} \cdot \begin{pmatrix} 10 \\ 20 \\ 0 \\ 0 \\ 0 \end{pmatrix} \quad (5)$$

Далее производим два аналогичных расчета с использованием полученных значений X на предыдущем расчетном этапе. После проведения трех временных расчетов получаем значение конечного распределения знаний в сетевой структуре. В данной работе приводятся лишь первые этапы расчетов, последующие расчеты производятся аналогичным способом.

По итогам расчетов по приведенной выше модели диффузии знаний в сетевой предпринимательской структуре открываются следующие возможности интерпретации результатов:

1) по завершении процесса диффузии знаний открывается возможность для всестороннего анализа распределения знаний внутри сети, что позволит выявить узлы-центры концентрации знаний, а также недоинформированные элементы сети (распределение знаний);

2) расчеты позволяют оценить успешность процесса диффузии знаний в сетевой предпринимательской структуре – скорость распространения знаний, их доступность для элементов сети (эффективность диффузии);

3) модель позволяет определить узлы-источники знаний (в нашем примере узлы № 1 и № 2), а затем оценить их влияние на другие элементы сети, а также степень этого влияния (влияние источников знаний);

4) итоги расчетов могут служить базисом для структурных преобразований – формирование новых связей между элементами сети либо изменению действующих, смещению узлов-центров (изменение сетевой структуры).

Таким образом, результаты расчетов по модели диффузии знаний в сетевых структурах может интерпретироваться с позиции определения участников структуры и их взаимодействия, оценки распространения знаний, эффективности диффузии знаний и изменения сетевой структуры. Данная модель позволяет оценить общие изменения сетевой предпринимательской структуры с учетом основной глобальной цели общей сети. Модель в полной мере применима для описания процессов обмена информацией между структурными подразделениями конкретного хозяйствующего субъекта.

Одним из инструментов для процесса моделирования сетевого взаимодействия и диффузии знаний в сетевых предпринимательских структурах является метод анализа стохастических акторно-ориентированных моделей (SAOM – Stochastic Actor-Oriented Model). Данный метод позволяет учесть динамические характеристики сети, изменения отношений между акторами сети, а также прогнозировать временные изменения в сетевой структуре. Модель сетевого взаимодействия с применением методов анализа SAOM будет иметь следующий вид, включающий несколько последовательных этапов:

1) определение акторов и связей между ними: определяем акторов (структурных подразделений, сотрудников) и описываем связи между ними;

2) сбор данных о взаимодействиях между акторами: собираем информацию о взаимодействии, фиксируем важные параметры (социальные характеристики, важность и скорость обмена и т.п.);

3) спецификация модели: определяем элементы модели (факторы влияния, сходство и кардинальное отличие отдельных акторов, изменчивость отдельных элементов и всей системы в целом и т.д.);

4) оценка параметров сетевой модели: на основе имеющихся данных производим статистическую оценку параметров (например, используя метод максимального правдоподобия, байесовской статистики и др.);

5) проверка адекватности модели: проведем проверку адекватности модели, чтобы убедиться, что она хорошо описывает данные и пригодна для прогнозирования сетевой динамики.

6) интерпретация результатов: проанализируем оцененные параметры модели и сделаем выводы о факторах, влияющих на сетевое взаимодействие и диффузию знаний в организации. Это может включать в себя выявление ключевых игроков в сети, определение факторов, способствующих распространению знаний, и предсказание будущих изменений в сетевой структуре.

7) разработка стратегий: на основе результатов моделирования предложим стратегии для улучшения обмена знаниями в организации. Это может включать в себя рекомендации по улучшению коммуникаций между акторами, стимулированию сотрудничества и созданию условий для эффективной диффузии знаний.

В целом, модель SAOM позволяет не только описывать сетевое взаимодействие и диффузию знаний в организации, но и делать прогнозы о её развитии в будущем и разрабатывать стратегии для улучшения этого процесса.

Далее представим более детальный пример с 10 участниками, представленными в виде отделов в организации, и оценками важности обмена знаниями между ними. У нас есть следующие участники (отделы) и их оценки важности обмена знаниями (выявлено на основе опроса):

1. Отдел разработки (Р).
2. Отдел маркетинга (М).
3. Отдел продаж (П).
4. Отдел качества (К).
5. Отдел информационных технологий (И).
6. Отдел логистики (Л).
7. Отдел управления персоналом (У).
8. Отдел финансов (Ф).
9. Отдел исследований и развития (ИР).
10. Отдел производства (Пр).

Представим матрицу оценок важности обмена знаниями между этими отделами в таблице.

Результаты интерпретируются следующим образом.

1. Средняя оценка важности обмена знаниями: между отделом разработки (Р) и остальными отделами: $(4 + 3 + 2 + 4 + 1 + 3 + 2 + 3 + 4) / 9 = 2,89$ (округляем до 2,9). Аналогично, вычисляем средние оценки важности обмена между другими отделами.

Таблица 1. – Матрица оценок важности обмена знаниями между отделами

	Р	М	П	К	И	Л	У	Ф	ИР	Пр
Р	-	4	3	2	4	1	3	2	3	4
М	4	-	5	3	2	3	4	3	4	3
П	3	5	-	3	1	2	4	3	3	2
К	2	3	3	-	2	2	3	2	4	3
И	4	2	1	2	-	3	2	3	3	2
Л	1	3	2	2	3	-	2	1	2	1
У	3	4	4	3	2	2	-	3	3	4
Ф	2	3	3	2	3	1	3	-	2	3
ИР	3	4	3	4	3	2	3	2	-	3
Пр	4	3	2	3	2	1	4	3	3	-

2. Наиболее важные отделы для обмена знаниями: определяем отделы с самыми высокими средними оценками важности обмена знаниями. Это могут быть ключевые игроки в процессе обмена знаниями и сотрудничества в организации. Например, если отдел маркетинга (М) имеет самую высокую среднюю оценку, это может указывать на его ключевую роль в обмене знаниями в организации.

3. Силы связей между отделами: оценим степень взаимосвязи между отделами, исходя из их оценок важности обмена знаниями. Можно выявить наиболее тесно связанные отделы и определить, какие связи могут потребовать укрепления или улучшения.

4. Динамика сети во времени: проведем анализ изменений в оценках важности обмена знаниями с течением времени. Можно использовать методы SAOM для моделирования этой динамики и прогнозирования будущих изменений. Например, если видно, что важность обмена знаниями между двумя определенными отделами увеличивается, это может указывать на успешные стратегии сотрудничества, которые стоит продолжать.

5. Разработка стратегий и интервенций: на основе анализа данных и выявленных трендов разрабатываем конкретные стратегии и интервенции для улучшения обмена знаниями между отделами. Например, это могут быть программы обучения и развития, совместные проекты или инициативы по укреплению коммуникации и сотрудничества между ключевыми отделами.

6. Мониторинг и оценка результатов: важно регулярно отслеживать результаты реализации стратегий и интервенций и адаптировать подходы в соответствии с изменениями в сети и потребностями организации.

Такой более детальный подход к анализу данных позволяет получить глубокое понимание сетевой динамики и выработать конкретные стратегии для улучшения обмена знаниями в организации.

Далее рассмотрим иностранный опыт по увеличению диффузии знаний с помощью инструментов цифровой экономики и особенности их применения.

В результате изучения иностранного опыта по увеличению диффузии знаний с помощью инструментов цифровой экономики в формирующихся и действующих сетевых структурах установлено, что диффузия знаний среди потенциальных потребителей-членов сетевых структур, связанная прежде всего с их переходом и адаптацией к использованию цифровых платформ, отличается от подобных феноменов прошлого своей комплексностью: от потребителей требуется переход на цифровые платформы во всех сегментах взаимодействия. Психологические проблемы, связанные с консерватизмом участников сетевых структур, могут быть вызваны стремительностью и революционностью перехода к взаимодействию через цифровые платформы. Цифровая грамотность является ключевым фактором для процесса диффузии информации в условиях цифровизации. Особенности такого процесса является акцентированная поколенческая сегментация потребителей и выбор частью из них по причине затруднительности прямого сопротивления и отказа от цифровизации косвенных тактик частичного «квазииспользования» цифровых платформ. Выявлено наличие специфических драйверов скорости диффузии знаний в условиях цифровизации:

1) цифровые преимущества (сокращение транзакционных издержек, экономия времени, дистанционность услуги);

2) цифровая испытываемость (бесплатное использование для потребителя, пробный период, модель фриумума);

3) цифровая транспарентность (мониторинг транзакций в режиме реального времени).

В то же время диффузии цифровых платформенных решений свойственны специфические ингибиторы скорости процесса: цифровая совместимость и цифровая сложность, проявляющиеся в отсутствии цифровой грамотности, ценностных коллизиях различного рода, нерелевантности прошлого жизненного опыта среди поколенческих сегментов потребителей (людей старшего и среднего возраста), прошедших начальный этап процесса социализации в доцифровую эру и не включенных в цифровую культуру. Цифровые риски специфичны в том отношении, что они связаны не только и не столько с физическими или финансовыми угрозами, сколько с угрозами психологической идентичности пользователя в случае нарушения приватности и конфиденциальности информации [4, с. 55].

В качестве модели описания процессов сопротивления цифровизации и распространения цифровых платформенных решений, направленных на содействие диффузии знаний, может выступать циклическая модель, которая сохраняет перспективу маркетингового видения ситуации, дифференцирует барьеры диффузии знаний от факторов катализации/ингибции скорости процесса диффузии и акцентирует проактивную роль цифровых компаний (цифровых платформ) в процессе диффузного проникновения знаний, а также итеративный характер самого процесса.

Также в качестве модели диффузии знаний может использоваться имитационная агентская модель (SKIN). Эта базовая модель рынка расширяется за счет представления динамики знания внутри и между фирмами. Каждая фирма пытается улучшить инновационные показатели и продажи, углубляя свои знания путем изучения потребностей пользователей, получения дополнительных или абсолютно новых знаний, сотрудничества и сетевого взаимодействия с другими агентами. Модель дает возможность преодолеть ограничения существующих теоретических подходов к анализу промышленной организации инновационных процессов. Вместо того чтобы интегрировать стратегические альянсы и кооперативные НИОКР в стандартную равновесную модель олигополистической конкуренции, для моделирования процедур принятия решений используются результаты многочисленных исследований отдельных случаев и отраслей. Применение агентской имитации с помощью инструментов цифровой экономики позволяет моделировать знания и инновации, абстрагируясь от реальности и при этом не теряя существенных характеристик инновационного процесса (напр., неопределенность, историческое время, разнородных агентов, которые учатся на собственном опыте и друг у друга в партнерствах и сетях), которые особенно акцентируются в современной цифровой экономике.

Из анализа иностранного опыта по увеличению диффузии знаний с помощью инструментов цифровой экономики следует, что внедрение цифровых технологий может оказывать положительное влияние на процесс диффузии знаний. За счет правильно выстроенной цифровой стратегии повышается координация между участниками экономических отношений, что в дальнейшем ведет к повышению эффективности принятия решений и общей производительности.

В результате проведенного анализа авторами было выявлено, что на диффузию знаний в сетевых структурах положительное влияние оказывало развитие корпоративных сервисов. Внедрение таких сервисов позволяет не только повысить эффективность работы за счет снижения бюрократизации работы, но также дает возможность добавлять в цифровую рабочую среду своих партнеров, давая им доступ к базе знаний организации, что также может повысить эффективность совместных научно-исследовательских и конструкторских работ.

Таким образом, цифровизация дает возможность для ускорения обмена информацией и позволяет преодолеть географический барьер. Но в то же время, интеграция цифровых решений может нести риски, связанные со снижением устойчивости экономических агентов. Ключевая роль в формировании и модерировании сетевой структуры остается у человека, что также вносит дополнительную волатильность в процесс диффузии знаний.

Далее разграничим понятия формирующихся и действующих сетевых структур.

Формирующиеся структуры представляют собой гибкие и развивающиеся системы, которые только начинают налаживать механизмы взаимодействия между участниками. Такие структуры нуждаются в инструментах цифровой экономики, позволяющих ускорить процессы обмена информацией и знаний.

Действующие сетевые структуры могут иметь более сложные и установленные процессы взаимодействия. Для них важна оптимизация существующих каналов обмена знаниями и интеграция новых технологий, чтобы поддерживать конкурентоспособность и инновационное развитие.

Выделим следующие инструменты цифровой экономики для диффузии знаний в формирующихся и уже действующих сетевых структурах.

1. Платформы для совместной работы (например, Slack, Microsoft Teams). Современные платформы позволяют сетевым структурам осуществлять совместную работу, делиться знаниями и опытом в режиме реального времени. Это особенно актуально для крупных организаций и формирующихся сетей, где требуется быстрая адаптация.

2. Системы управления знаниями (Knowledge Management Systems). Такие системы, как Confluence, позволяют структурировать знания, создавать базы данных, содержащие важную информацию, и обеспечивать быстрый доступ к ней. Эти инструменты полезны как для малых, так и для крупных сетевых структур.

3. Облачные технологии. Облачные технологии предоставляют доступ к данным и знаниям в любом месте и в любое время. Это важно для сетевых структур с глобальной или распределенной географией.

4. Блокчейн для управления знаниями и интеллектуальной собственностью. Технологии блокчейна могут использоваться для отслеживания создания и передачи интеллектуальной собственности внутри сетевых структур, обеспечивая безопасность данных и прозрачность процессов.

5. Искусственный интеллект и машинное обучение. AI может анализировать большие массивы данных и извлекать важную информацию, которая поможет оптимизировать процессы диффузии знаний и разработки новых решений.

Малые сетевые структуры (до 50 участников) часто характеризуются неформальными каналами обмена знаниями. Для них ключевыми инструментами являются платформы для мгновенного обмена информацией и облачные технологии. Важно обеспечить простоту и доступность инструментов, так как финансовые и технические ресурсы могут быть ограничены. Для структур среднего размера (от 50 до 200 участников) важно внедрение систем управления знаниями и платформ для совместной работы. Такие инструменты позволяют структурировать информацию и облегчить доступ к ней, что снижает зависимость от индивидуальных знаний отдельных сотрудников. Крупные структуры требуют комплексных решений, включая интеграцию систем искусственного интеллекта для анализа данных и блокчейна для управления интеллектуальной собственностью. В подобных организационных структурах требуется автоматизация всех процессов и обеспечение высокого уровня безопасности данных.

Можно выделить следующие особенности выбора инструментов в зависимости от направленности деятельности сетевой структуры:

– научные и исследовательские сети – облачные технологии и платформы для совместной работы, позволяющие ученым из разных стран обмениваться данными и проводить совместные исследования;

– хозяйствующие субъекты, занимающиеся производством или созданием технологий, – системы управления знаниями и блокчейн для защиты интеллектуальной собственности. Эти инструменты помогают сохранять и распространять инновации.

– социальные и образовательные сетевые структуры – платформы для дистанционного обучения, облачные сервисы и совместные проекты. Эти инструменты помогают улучшить доступ к образовательным ресурсам и знаниям.

Использование инструментов цифровой экономики является важным фактором успеха для сетевых структур независимо от их размера и сферы деятельности. Корректный выбор и внедрение таких инструментов позволяют не только ускорить диффузию знаний, но и повысить инновационный потенциал организации в целом.

Заключение. В рамках проведенного исследования оценена эффективность применения моделей диффузии знаний в сетевых структурах: модель сетевого взаимодействия, SOAM, SKIN. В результате изучения опыта по увеличению диффузии знаний с помощью инструментов цифровой экономики в формирующихся и действующих сетевых структурах установлено, что диффузия знаний среди потенциальных потребителей-членов сетевых структур, связанная прежде всего с их переходом и адаптацией к использованию цифровых платформ, отличается своей комплексностью, наличием психологических проблем, связанных с консерватизмом участников сетевых структур, важность цифровой грамотности.

Проанализированы инструменты цифровой экономики для диффузии знаний в формирующихся и уже действующих сетевых структурах: платформы для совместной работы, системы управления знаниями (Knowledge Management Systems), облачные технологии. Выделены особенности диффузии знаний в зависимости от размеров сетевых структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайлунова Ю.Г., Яшева Г.А. Формирование сетевых структур как Источник конкурентоспособности организаций в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Управленец – 2017. – № 4(68). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-setevykh-struktur-kak-istochnik-konkurentosposobnosti-organizatsiy-v-respublike-belarus>. (дата обращения: 02.05.2023).
2. Вайлунова Ю.Г. Сетевые структуры и их роль в повышении конкурентоспособности предприятий [Электронный ресурс] // Репозиторий Полесского государственного университета. – URL: <https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/8466/1/7.pdf> (дата обращения: 20.05.2023).
3. Knowledge Sharing in Organizations: Multiple Networks, Multiple Phases / M. T. Hansen, M. L. Mors, B. Lovas // Academy of Management Review. – 2005. – Vol. 48 (5) – P. 776–793.
4. Резкин П.Е. Диффузия знаний в сетевых предпринимательских структурах: теоретические аспекты // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2023. – № 3(65). – С. 53–58. – DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2023-65-3-53-58>.

Поступила 21.11.2024

ANALYSIS AND EVALUATION OF KNOWLEDGE DIFFUSION IN NETWORK STRUCTURES

P. REZKIN

(Brest State A.S. Pushkin University)

A. YEMIALYANAU

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article is devoted to the analysis and assessment of knowledge diffusion in network structures. Various models of network interaction are considered, including the knowledge diffusion model based on the adjacency matrix and the method of stochastic actor-oriented models (SAOM). An example of calculating knowledge diffusion in a network structure based on a petrochemical cluster is given, and factors influencing the dissemination of knowledge in the digital economy are analyzed. Particular attention is paid to digital economy tools, such as cloud technologies, knowledge management systems and blockchain, which help to accelerate knowledge sharing and improve the efficiency of interaction between network structure participants. The article presents recommendations for the implementation of digital technologies to optimize the process of knowledge diffusion in emerging and existing network structures.

Keywords: *knowledge diffusion, network structures, digital economy, digital economy tools, network interaction model, SAOM.*

УДК 378;339.56

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-54-61

РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПАРКА «ВЕЛИКИЙ КАМЕНЬ» КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

*д-р экон. наук, проф. Э.М. САДЫГОВ, канд. экон. наук, доц. Е.П. ЛИСИЧЁНОК¹⁾,
канд. экон. наук, доц. С.В. ИЗМАЙЛОВИЧ²⁾, Миао ЦИЗЯН*

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

¹⁾ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9266-4872>

²⁾ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4337-5772>

Обоснована важность и значимость развития белорусско-китайских отношений в современных условиях, в том числе посредством функционирования индустриального парка «Великий камень». Рассмотрены дискуссионные вопросы сущности, значения и характерных признаков индустриального парка. Изучены ключевые направления белорусско-китайских экономических отношений. Проанализированы тенденции развития внешнеторговой деятельности Республики Беларусь и Китайской Народной Республики, в том числе в рамках ключевых товарных групп. Представлены результаты анализа динамики и тенденций развития инвестиционного и внешнеторгового сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой. Проведён анализ показателей деятельности резидентов индустриального парка «Великий камень», выявлены её сильные и слабые стороны. Обоснованы направления влияния индустриального парка на социально-экономическое развитие Республики Беларусь.

Ключевые слова: индустриальный парк, внешнеторговая деятельность, иностранные инвестиции, международное сотрудничество, инновационное сотрудничество.

Введение. Для эффективного развития экономики любой территории активно используются индустриальные парки наряду со свободными экономическими зонами. Так, например, согласно данным обзора «Индустриальные парки России – 2024» количество индустриальных парков в России увеличилось в 5 раз, или на 325 единиц в абсолютном выражении за период с 2013 по 2023 год. Среднегодовой темп прироста числа индустриальных парков за период наблюдений составил 18%¹. Национальное агентство инвестиций и приватизации Республики Беларусь реализует проект по созданию сети индустриальных парков. Проект будет реализован в промышленных городах нашей республики. Сеть индустриальных парков затронет 11 городов во всех областях². На территории Брестской области в соответствии с поручением Премьер-министра Республики Беларусь ведется работа по выполнению пилотного проекта – созданию индустриальных парков в г. Барановичи и г. Пинске. Также разработан проект индустриального парка «Гродно». Таким образом, наблюдается значительный интерес к созданию индустриальных парков, как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь, что предполагает необходимость более детального изучения вопросов оценки их влияния на развитие региональных и национальных экономик наших стран, в том числе в части повышения их инвестиционной привлекательности.

Вопросам изучения сущности, создания и функционирования индустриальных парков, оценки их эффективности и другим аспектам в данной сфере уделяет внимание значительное число отечественных и зарубежных ученых и специалистов, таких как: О.Н. Беленов, В.П. Грибанов, Т.Ю. Смольянинова, Е.В. Шурчкова, Ю.И. Енин, Т.С. Вертинская, Е.Л. Давыденко, Чжан Пэнфэй, Б.П. Хижняков, Гао Юань, Л.Г. Иогман, М.А. Гусаков, Ли Гэ, М. Соломко, П.Р. Беккер, М.С. Гусева, Е.А. Шаркевич, Л.А. Сахарова, Д.С. Миронов, Г.М. Самостроенко, О.В. Шатохина, Т.М. Крюкова, М.Г. Аверкин, О.А. Медников, А.А. Праченко и др.

Рейтинговым агентством VIK Ratings был составлен ТОП индустриальных парков стран ЕАЭС и ближнего зарубежья³. В основу ранжирования агентством было положено 5 групп показателей, в том числе налоговое окружение; инфраструктура; условия вступления; индекс человеческого развития в стране; макроэкономическая и политическая среда:

- 1) Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» (Беларусь);
- 2) ОЭЗ «Алабуга» (Россия);
- 3) Мингячевирский Промышленный Парк (Азербайджан);
- 4) Индустриально-логистический парк «Авангард» (Россия);
- 5) Инновационный индустриальный парк «Технополис «Химград» (Россия);
- 6) СЭЗ «Национальный индустриальный нефтехимический технопарк» (Казахстан);
- 7) Пираллахинский Промышленный Парк (Азербайджан);
- 8) Индустриальный парк № 1 (Казахстан);
- 9) Индустриальный парк «Храброво» (Россия);
- 10) Гарадагский Промышленный Парк (Азербайджан).

¹ URL: <https://indparks.ru/materials/edition/obzor-industrialnykh-parkov-rossii-2024/>.

² URL: <https://investinbelarus.by/>.

³ URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/top-industrialnykh-parkov-stran-eaes-i-blizhnego-zarubezhya/>.

Таким образом, первую позицию данного рейтинга занимает индустриальный парк «Великий камень», расположенный на территории Республики Беларусь недалеко от столицы – г. Минска. Следует отметить, что данный объект занимает выгодное географическое положение и представляет собой один из наиболее весомых результатов международного сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики.

В целом можно выделить достаточно широкий спектр направлений международного сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики на современном этапе (политическое, торгово-экономическое, образовательное, научное). При этом индустриальный парк «Великий камень» сочетает в себе большинство этих направлений, например, экономическое, научное, финансовое и др., что и делает его уникальным объектом исследования. Этим и обусловлена актуальность выбранного направления исследования и результатов, которые предполагается получить.

Цель представленного исследования состоит в выявлении направлений влияния индустриального парка «Великий камень» на эффективность белорусско-китайских отношений и эффективность функционирования экономики Республики Беларусь и её регионов.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- выявление места и значения функционирования индустриального парка «Великий камень» в контексте реализации ключевых направлений сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики;
- изучение теоретических аспектов функционирования индустриального парка, включая вопросы выявления его сущности, отличительных признаков, задач и принципов функционирования;
- анализ основных показателей деятельности индустриального парка «Великий камень» и определение направлений его влияния на уровень социально-экономического развития Республики Беларусь и её регионов.

Основная часть. Для того, чтобы изучить роль, которую играет индустриальный парк «Великий Камень» в обеспечении разностороннего взаимодействия Республики Беларусь и Китайской Народной Республикой рассмотрим основные направления сотрудничества между нашими странами (рисунок 1).

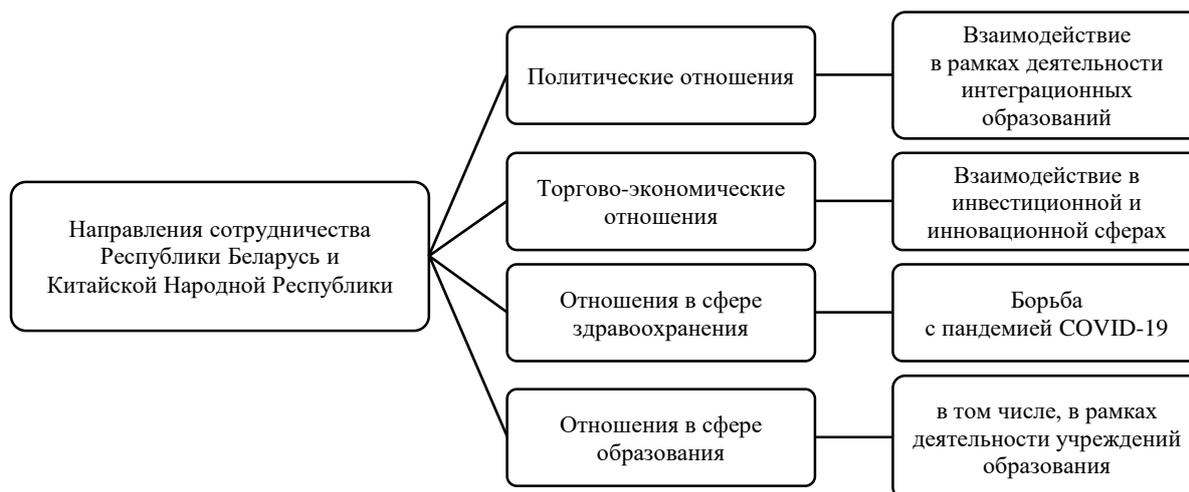

Рисунок 1. – Направления сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики

В целом следует отметить разносторонний характер отношений Республики Беларусь и Китайской народной Республики. Безусловно, наиболее важную роль в обеспечении взаимодействия между странами играет торгово-экономическое сотрудничество, однако отношения по другим направлениям также вышли на более высокий уровень. Так, 4 июля 2024 г. Республика Беларусь стала полноправным членом Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), куда также входит и Китай. Очень активно развивается сотрудничество государств в образовательной сфере. За последние пять лет в Республике Беларусь число учащихся из Китайской Народной Республики выросло в три раза. Сейчас их количество уже превышает 10 тысяч. Китайская Народная Республика и Республика Беларусь 15 сентября 2022 г. приняли Совместную декларацию об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства. Таким образом, Китайская Народная Республика и Республика Беларусь являются важнейшими стратегическими партнёрами.

Тем не менее, безусловно, экономическое сотрудничество между нашими странами остаётся приоритетным направлением развития. В связи с этим проанализируем динамику показателей внешнеторговой деятельности Республики Беларусь и Китайской Народной Республики (рисунок 2).

Анализируя данные, представленные на рисунке 2, можно отметить, что импорт из Китайской Народной Республики на протяжении всего анализируемого периода значительно превышает экспорт из Республики Беларусь в Китайскую Народную Республику. Это объясняется тем, что экономика Китая является одной из крупнейших в мире и осуществляет импорт в большое количество стран мира. При этом наблюдалось некоторое снижение импорта в 2021 г. по сравнению с предыдущим периодом, однако в 2022 г. импорт снова вырос. Возможно, такая динамика связана с экономическими проблемами, вызванными последствиями пандемии COVID-19.

Динамика развития внешнеторговой деятельности Республики Беларусь и Китайской Народной Республики за 2018–2022 годы, млн долларов США

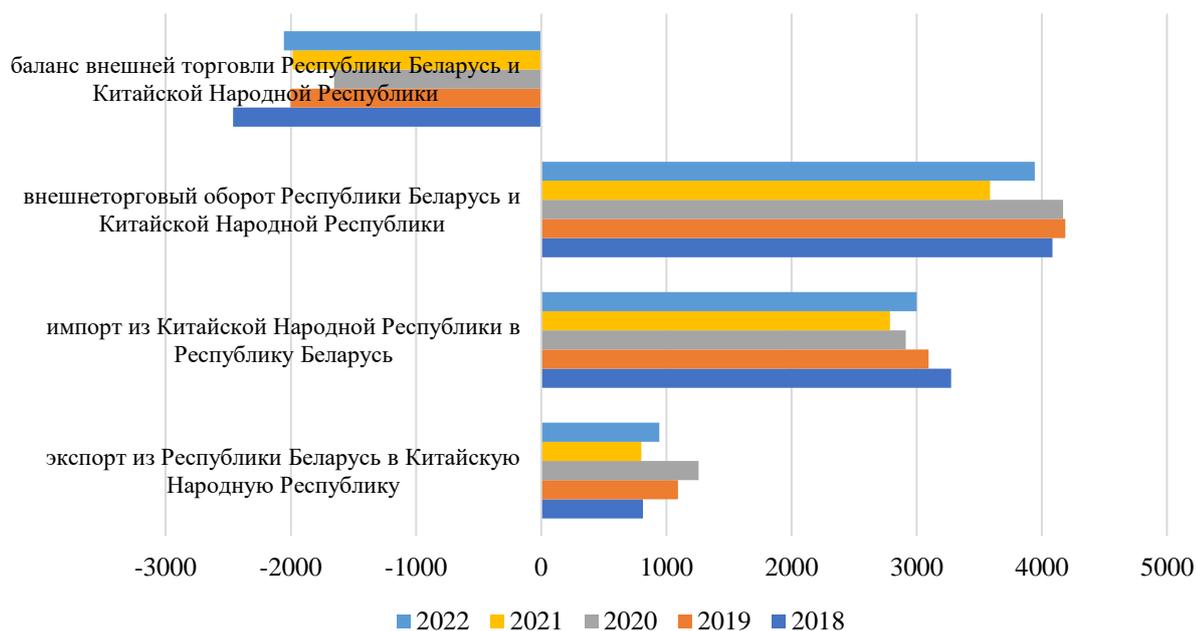

Рисунок 2. – Анализ динамики и тенденций развития внешнеторговой деятельности Республики Беларусь и Китайской Народной Республики за 2018–2022 годы, млн долларов США⁴

Источник: составлено на основе данных Национального статистического комитета РБ.

Экспорт же из Республики Беларусь в Китайскую Народную Республику демонстрировал устойчивый рост в 2018–2020 гг. с некоторым падением в 2021 г. и последующим восстановлением роста в 2022 г. Эта динамика повлияла и на изменения внешнеторгового оборота стран в анализируемом периоде.

Значительное превышение импорта из Китайской Народной Республики над экспортом из Республики Беларусь привело к формированию отрицательного баланса внешней торговли между странами. При этом наибольшая его величина сложилась в 2018 г., тогда как в дальнейшем можно отметить некоторое сокращение отрицательного сальдо, что следует считать положительной тенденцией в развитии торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики. По данным официального сайта Министерства иностранных дел Республики Беларусь⁵ основными статьями белорусского экспорта товаров в Китайскую Народную Республику стали: калийные удобрения, говядина замороженная, лесоматериалы продольно-распиленные, мясо и пищевые субпродукты домашней птицы, молоко и сливки сгущенные и сухие, целлюлоза древесная, натронная или сульфатная, молочная сыворотка, сахар, масло рапсовое, электронные интегральные схемы. В структуре белорусского экспорта в КНР преобладает пищевая и сельскохозяйственная продукция. Беларусь находится в топ-10 поставщиков в Китай калийных удобрений (3 место), молочной сыворотки (5 место), мясной продукции (мясо курицы и говядина (9 и 10 места), рапсового масла (10 место). По состоянию на 01.01.2022 г. в КНР было аккредитовано 123 белорусских производителя, из них: 63 – молочной продукции (что составляет 51,2%), 18 – замороженной говядины (14,6%), 11 – замороженного мяса курицы (8,9%), 9 – замороженных ягод (7,3%), 7 – обработанной рыбной продукции (5,7%), 6 – молочных кормовых продуктов (4,9%), 4 – жома сахарной свеклы (3,3%), 4 – шкурок норки (3,3%), 1 – торфа (0,8%)³.

Таким образом, структура экспорта из Республики Беларусь в Китайскую Народную Республику достаточно слабо диверсифицирована, включает ограниченное число позиций, которые не претерпевают изменений. Соответственно, необходимо осваивать новые экспортные позиции особенно по тем направлениям, где конкуренция не очень высокая. Для диверсификации экспорта необходимо осваивать новые виды продукции, реализовывать инвестиционные проекты, требующие значительных объемов финансирования. Соответственно, возникает необходимость изучить такой источник инвестирования, связанный с Китайской Народной Республикой, как объемы поступления иностранных инвестиций.

Представим результаты анализа динамики и тенденций развития инвестиционного сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой на основе показателя поступления иностранных инвестиций в реальный сектор экономики (таблица 1).

⁴ URL: <https://industrialpark.by/>.

⁵ URL: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/trade/>.

Таблица 1. – Анализ динамики поступления иностранных инвестиций в реальный сектор экономики Республики Беларусь в 2018–2022 гг.⁶

Наименование показателя	Значение показателя				
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Объем иностранных инвестиций, направленных в реальный сектор экономики Республики Беларусь, млн долларов США:	10842,0	10006,8	8680,2	8698,7	6978,6
в том числе из Китайской Народной Республики	339,9	162,2	101,7	104,6	108,5
Удельный вес Китайской Народной Республики в общем объеме иностранных инвестиций	3,1	1,6	1,2	1,2	1,6

Следует отметить, что, согласно статистическим данным, наблюдается снижение объема иностранных инвестиций, поступающих в реальный сектор экономики Республики Беларусь. Однако объем иностранных инвестиций из Китайской Народной Республики в конце анализируемого периода демонстрирует некоторый рост, что привело к увеличению доли КНР в общем объеме иностранных инвестиций в реальный сектор экономики Республики Беларусь до 1,6% в 2022 г.

Белорусско-китайское международное сотрудничество базируется на совместном развитии инвестиционной и инновационной сфер посредством стимулирования притока прямых иностранных инвестиций в Республику Беларусь по целевым направлениям и точкам структурной перестройки экономики и инновационного развития страны. Одним из наиболее динамично развивающихся направлений внешнеэкономической деятельности между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой является инновационное сотрудничество, которое включает в себя совместную разработку научно-технических задач, обмен научными результатами и производственным опытом, совместную подготовку квалифицированных кадров. По результатам проводимых исследований были выделены несколько уровней инвестиционно-инновационного сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой:

– Основные направления: модернизация важнейших отраслей экономики посредством технологического обновления производства; формирование эффективной национальной инновационной системы; развитие материально-технической базы науки; формирование рынка научно-технической продукции и прав интеллектуальной собственности, развитие инновационной инфраструктуры; расширение международного научно-технического и инновационного сотрудничества; создание эффективной системы защиты прав интеллектуальной собственности; расширение подготовки высококвалифицированных специалистов и высококвалифицированных научных кадров, способных успешно работать в наукоемкой экономике.

– Приоритетные направления инновационного сотрудничества: энергетика и энергосбережение; технологии агропромышленного производства; технологии промышленного и строительного производства; медицина, медицинская техника и технологии, фармацевтика; химические технологии, нанотехнологии и биотехнологии; информационно-коммуникационные и аэрокосмические технологии; новые материалы; рациональное использование природных ресурсов, ресурсосбережение и защита от чрезвычайных ситуаций; обороноспособность и национальная безопасность.

– Направления, заслуживающие особого внимания в инновационной сфере, т.е. отрасли с использованием прорывных и высоких технологий, – телекоммуникации, информационные технологии, приборостроение, микроэлектроника, высокоточное машиностроение, измерительные приборы, светодиодные и лазерные технологии, технологий, нанотехнологии и наноматериалы, системы искусственного интеллекта.

Результаты двустороннего инновационного сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой по всем перечисленным направлениям, постоянно рассматриваются на заседаниях Межправительственной белорусско-китайской комиссии по сотрудничеству в области науки и технологий⁷.

Наиболее значимый вклад в развитие внешнеторговой деятельности Республики Беларусь и Китайской Народной Республики за 2018–2022 гг. внесен резидентами индустриального парка «Великий камень». Как отмечено на официальном сайте Китайско-Белорусского индустриального парка, внешнеторговое сотрудничество обеспечивает решение следующих задач, важных как для Республики Беларусь, так и для Китайской Народной Республики⁸:

- повышение экономической эффективности товарного производства;
- обеспечение повышения конкурентоспособности продукции на экспорт;
- содействие решению социальных проблем;
- оказание положительного влияния на международную ситуацию;
- увеличение объемов взаимной внешней торговли.

Актуальность данного исследования предопределила необходимость изучения сущности категории «индустриальный парк». В таблице 2 представлены подходы к характеристике сущности категории «индустриальный парк». Следует отметить, что существует достаточно много определений данной категории, однако существенных отличий между ними не наблюдается.

⁶ URL: <https://www.belstat.gov.by/>.

⁷ URL: <http://www.comnews.cn/article/gjhz/202107/20210700080572.shtml>.

⁸ URL: <https://industrialpark.by/>.

Таблица 2. – Подходы к определению термина «индустриальный парк»

Автор, источник	Характеристика сущности
Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»	«Индустриальный (промышленный) парк – совокупность объектов промышленной инфраструктуры, предназначенных для создания промышленного производства или модернизации промышленного производства и управляемых управляющей компанией – коммерческой или некоммерческой организацией, созданной в соответствии с законодательством Российской Федерации» ⁹
ГОСТ Р 56301-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Индустриальные парки. Требования	«Индустриальный (промышленный) парк: Управляемый управляющей компанией комплекс объектов недвижимого имущества, состоящий из земельного участка (участков) с производственными, административными, складскими и иными зданиями, строениями и сооружениями, обеспеченный инженерной и транспортной инфраструктурой, необходимой для создания нового промышленного производства, а также обладающий необходимым правовым режимом для осуществления производственной деятельности» ¹⁰
Обзор «Индустриальные парки России – 2023»	«Индустриальные парки в России сегодня – это организованные площадки для промышленного производства, которые управляются специализированной компанией, обеспечивающей комплексную документальную, техническую, строительную подготовку земельного участка, а также доступ резидентов к транспортной, коммунальной, промышленной инфраструктуре, широкому спектру дополнительных услуг» ¹¹
Смолянинова Т.Ю.	«Индустриальный парк – территориально обособленный производственный комплекс, объединённый единой концепцией развития, инфраструктурой, обеспечивающей эффективное развитие производств, управляющей компанией, оказывающей сопутствующие услуги, на территории которого имеется возможность получения государственных льгот и гарантий» ¹²
Чжан Пэнфэй	«Индустриальные парки – это экстерриториальные образования, которым местные органы власти выделяют большую площадь земли, используя административные или ориентированные на рынок средства, формируют соответствующие планы и политику и позволяют большому количеству предприятий обосноваться, стимулируя высокую степень промышленной интенсификации, создавая характерные производственные черты, очевидные агломерационные преимущества, полную функциональную планировку, оптимальный механизм разделения труда на основании специальной нормативно-правовой базы» ¹³

Как следует из представленной в таблице 2 информации, индустриальный парк рассматривают упрощенно, как территорию для развития промышленного производства, и углубленно, как промышленный объект, точнее комплекс объектов, обладающих рядом экономических преимуществ благодаря специальному нормативно-правовому режиму, экспортоориентированности и значительным экономическим выгодам от территориальной концентрации производств и других социально-экономических объектов (эффект промышленной агломерации).

Характеризуя сущность исследуемой категории, авторы придерживаются точки зрения Чжан Пэнфэй, где дана более детальная характеристика условий и факторов создания, а также особенностей и преимуществ функционирования индустриального парка. В исследованиях данного автора дополнены типовые признаки индустриальных парков, что позволило ему более понятно раскрыть их значимость в современных условиях.

Авторы О.Н. Беленов, Т.Ю. Смолянинова, Ю. В. Шурчкова выделили типовые признаки, которыми должен обладать индустриальный парк [1]:

- наличие единого комплекса объектов недвижимости, на котором размещаются производства малого и среднего бизнеса;
- наличие управляющей компании;
- наличие общей концепции создания и развития индустриального парка;
- наличие инженерной инфраструктуры, необходимой для организации производственного процесса.

Основной деятельностью индустриального парка «Великий камень» является создание и развитие производств по следующим приоритетным направлениям: машиностроение, тонкая химия, новые материалы, фармацевтика, хранение и обработка больших объёмов данных, НИОКР, электроника и телекоммуникации, биотехнологии, логистика, электронная коммерция, социально-культурная деятельность, производство медицинских изделий и оказание медицинских услуг.

Задачи индустриального парка «Великий камень»:

- привлечение инвестиций и создание конкурентоспособных организаций, ориентированных на развитие производства в современных отраслях экономики с учетом развития инновационной, научной, торговой, логистической, жилищной и других отраслей;
- производственно-технологическая поддержка создания конкурентоспособной наукоемкой продукции; продвижение на рынок высокотехнологичной продукции;

⁹ URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/industrialnyj_park_jeto/.

¹⁰ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200115731>.

¹¹ URL: https://indparks.ru/upload/iblock/1b4/7aczah5vmf4126drswus8qi24h2i3bn2/%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80%20%D0%90%D0%98%D0%9F_23_%20m.pdf.

¹² URL: <http://www.science.vsu.ru/dissertations/1913.pdf>.

¹³ URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/285773>.

- производственно-технологическая поддержка создания конкурентоспособной наукоемкой продукции; продвижение на рынок высокотехнологичной продукции;
- выявление и отбор потенциально эффективных инноваций с целью доведения их до прототипов и внедрения в производство (коммерциализация инновационных научно-технических идей);
- расширение деловых связей, интеграция в мировой процесс, содействие технологическому и инновационному развитию государства и укреплению его конкурентоспособности;
- информационная поддержка инновационной деятельности резидентов технопарка; оказание услуг жильцам;
- привлечение и удержание высококвалифицированных специалистов путем создания для таких специалистов условий, наиболее благоприятных для возникновения, реализации, разработки, реализации научно-технических идей и т.п.

Основные принципы создания индустриального парка «Великий камень»:

- приоритет формирования научных и индустриальных парков на земельных участках, образующих единую территорию и связанных единой инфраструктурой;
- эффективность для бюджетов разных уровней;
- государственно-частное партнерство;
- обеспечение стабильности условий инвестиционной деятельности в течение всего периода создания инфраструктуры и обустройства научных и индустриальных парков;
- рациональность использования научного и промышленного потенциала, земельных, природных и трудовых ресурсов;
- разделение полномочий и ответственности всех участников процесса создания и функционирования научных и индустриальных парков;
- необходимость обеспечения сбалансированности, пропорциональности и комплексности социально-экономического развития.

На территории индустриального парка реализуют свои проекты организации из 17 стран, в том числе из Германии, Швейцарии, Бельгии, Чехии, Австрии, США, Канады, Китая, России. Резидентами индустриального парка «Великий камень» могут стать любые субъекты хозяйствования, независимо от страны происхождения капитала. Отмечается постоянный рост числа резидентов и повышение эффективности их деятельности. На данный момент времени в индустриальном парке заявлено 129 резидентов. В таблице 4 представлена динамика показателей деятельности резидентов индустриального парка «Великий камень» в 2022–2023 гг.

Таблица 4. – Показатели эффективности деятельности резидентов
Индустриального парка «Великий камень» и их динамика за 2022–2023 гг. ¹⁴

Наименование показателя	Значение показателя		Абс. прирост за период	Темп роста, 2023/2022, %
	2022 г.	2023 г.		
Количество зарегистрированных резидентов				
на конец отчетного периода	100	120	20	120,0
из них действующих резидентов на конец отчетного периода	63	88	25	139,7
Удельный вес действующих резидентов, в общем их числе	63,0	73,3	10,3 п.п.	116,3
Среднесписочная численность работников, человек всего	2219	2719	500	122,5
в расчёте на одного резидента, человек				
зарегистрированного	22,2	22,7	0,5	102,3
действующего	35,2	30,9	-4,3	87,8
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг, млн руб., всего	737,6	1135,1	397,5	153,9
в расчёте на одного действующего резидента				
в расчёте на одного среднесписочного работника	0,012	0,013	0,001	108,3
Чистая прибыль, убыток (-), млн руб., всего	34,6	69,2	34,6	199,9
в расчёте на 1 действующего резидента				
в расчёте на 1 среднесписочного работника	0,549	0,786	0,237	143,2
в расчёте на 1 среднесписочного работника				
Объем производства промышленной продукции, работ, услуг промышленного характера, в фактических ценах, млн руб. всего	477,0	744,5	267,5	156,1
в расчёте на одного действующего резидента				
в расчёте на одного среднесписочного работника	7,57	8,46	0,89	111,8
в расчёте на одного среднесписочного работника				
Экспорт товаров, млн долл. США всего	128,6	135,8	7,2	105,6
в расчёте на 1 действующего резидента				
в расчёте на 1 среднесписочного работника	2,04	1,54	-0,5	75,5
в расчёте на 1 среднесписочного работника				
Импорт товаров, млн долл. США	173,7	248,5	74,8	143,0
Сальдо внешней торговли товарами, млн долл. США	-45,1	-112,7	-67,6	x

¹⁴ URL: <https://www.belstat.gov.by/>.

Данные, представленные в таблице 4, свидетельствуют, что наблюдается положительная динамика по большинству показателей деятельности резидентов. Следует отметить, что увеличивается удельный вес действующих резидентов в общем количестве зарегистрированных, что можно считать положительным моментом. Среднесписочная численность на одного резидента снижается, что при тех же объемах деятельности будет свидетельствовать о росте эффективности функционирования действующих резидентов. Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг растёт в абсолютном выражении, а также в расчёте на одного действующего резидента и на одного среднесписочного работника. Это свидетельствует о росте результативности труда работников. Этот факт подтверждает и рост объема производства промышленной продукции, работ, услуг промышленного характера, в фактических ценах, в том числе в расчёте на одного действующего резидента и одного среднесписочного работника. Таким образом, производительность труда растёт. Положительную динамику демонстрирует также и чистая прибыль.

В качестве отрицательного момента следует отметить снижение объёмов экспорта товаров в расчёте на одного действующего резидента и одного среднесписочного работника при том, что импорт товаров растёт быстрыми темпами. Следовательно, необходимо наращивать объёмы экспортируемых товаров для увеличения поступления выручки от экспорта, что скажется положительно и на показателях оборота внешней торговли. В итоге наблюдается рост отрицательного сальдо внешней торговли товарами в 2023 г. по сравнению с 2022 г.

Однако в целом большинство показателей подтверждает рост эффективности функционирования резидентов индустриального парка «Великий камень».

Таким образом, деятельность индустриального парка «Великий камень» оказывает положительное влияние на развитие экономики Республики Беларусь по следующим направлениям:

- увеличение числа рабочих мест, а соответственно рост количества занятого в экономике населения;
- привлечение прямых иностранных инвестиций;
- увеличение налогов, сборов и платежей, поступающих в бюджет, что способствует формированию доходной части бюджета;
- наращивание объёмов производства продукции, что удовлетворяет внутренние потребности и обеспечивает экспорт;
- активизация внешнеторговой деятельности.

Резервы повышения эффективности деятельности резидентов Индустриального парка «Великий камень» за период 2022–2023 гг. следует искать в активизации внешнеэкономической деятельности в части наращивания объёмов экспорта товаров, а также в импортозамещении, что позволит сократить объёмы импорта товаров. Наблюдается отрицательное сальдо торговли товарами при значительном его увеличении в 2023 г. по сравнению с 2022 г.

Проведённый анализ свидетельствует о решении задач, направленных на привлечение иностранных инвестиций, создание новых рабочих мест, а также удержание высококвалифицированных специалистов. Как было отмечено выше, ряд задач в деятельности индустриального парка связано с содействием технологическому и инновационному развитию государства и укреплением его конкурентоспособности. Решение этих задач осуществляется через реализацию деятельности резидентов Индустриального парка «Великий камень» в рамках формирования технологических укладов высокого уровня.

Заключение. Итак, по итогам исследования и систематизации материалов, представленных в данной статье, можно сделать следующие выводы.

Развитие отношений всестороннего стратегического партнерства между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой реализуется по широкому спектру направлений, включая торгово-экономическое, политическое, научное, образовательное и др. По каждому из этих направлений достигнуты значительные результаты. Основным содержанием белорусско-китайского сотрудничества является внешнеторговое сотрудничество, инвестиционное сотрудничество и инновации.

Наблюдается существенное превышение импорта из Китайской Народной Республики в Республику Беларусь над экспортом, что привело к формированию отрицательного торгового баланса. Тем не менее по сравнению с 2018 г. отрицательное сальдо сократилось. Объём иностранных инвестиций из Китайской Народной Республики к 2022 г. демонстрирует некоторый рост, что привело к увеличению доли КНР в общем объёме иностранных инвестиций в реальный сектор экономики Республики Беларусь. Иными словами, существует резерв для развития и укрепления внешнеторгового и инвестиционного сотрудничества между странами.

Обосновано, что индустриальный парк «Великий камень» вносит существенный вклад в развитие экономики Республики Беларусь. При этом в 2022–2023 гг. наблюдается рост эффективности его деятельности, о чём свидетельствует расчёт соответствующих показателей эффективности. Основной проблемой является внешнеэкономическая деятельность резидентов индустриального парка, поскольку импорт товаров растёт значительно более быстрыми темпами, чем экспорт, что привело к увеличению отрицательного сальдо. Таким образом, для усиления положительного влияния на белорусскую экономику необходимо развивать внешнеторговую деятельность, прежде всего, в части наращивания экспорта.

Анализ и оценка динамики и тенденций развития экономического сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой позволили сделать вывод о достаточно высокой эффективности по каждому из рассмотренных в статье направлений. Однако, необходимо активизации и совершенствования рассмотренных сфер не вызывает сомнений и четко продиктована современными мировыми и геополитическими процессами. Особое внимание следует уделить активизации внешнеторговой деятельности, что позволит в перспективе сократить отрицательное сальдо и повысить эффективность функционирования индустриального парка

«Великий камень». При этом не следует оставлять без внимания и другие направления сотрудничества государств: инновационное и образовательное, инвестиционное сотрудничество и др. Всё это будет способствовать укреплению экономических и иных связей между нашими странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Индустриальные парки: сущность и основные характеристики / О.Н. Беленов, Т.Ю. Смольянинова, Ю. В. Шурчкова // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2013. – № 1(33). – С. 66–76.
2. Хижняков Б.П. Индустриальный парк: понятие, история, законодательные аспекты // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – № 10(8). – С. 139–143.
3. Бабилов А.В. Индустриальные парки: классификация и тенденции развития // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 4А. – С. 107–113. – DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2022.83.28.005>.

Поступила 21.10.2024

**DEVELOPMENT OF THE GREAT STONE INDUSTRIAL PARK
AS A PRIORITY AREA OF BELARUSIAN-CHINESE ECONOMIC COOPERATION**

E. SADIGOV, A. LISICHONAK, S. IZMAILOVICH, MIAO QIZIAN
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article substantiates the importance and significance of the development of Belarusian-Chinese relations in modern conditions, including through the functioning of the Great Stone Industrial Park. The article considers the debatable issues of the essence, significance and characteristic features of the industrial park. The key directions of Belarusian-Chinese economic relations are studied. The trends in the development of foreign trade between Belarus and China, including within the framework of key commodity groups, are analyzed. The results of the analysis of the dynamics and trends of investment and foreign trade cooperation between Belarus and China are presented. The article analyzes the performance indicators of the residents of the Veliky Kamen Industrial Park and identifies its strengths and weaknesses. The article substantiates the directions of the industrial park's influence on the socio-economic development of Belarus.

Keywords: industrial park, foreign trade activities, foreign investments, international cooperation, innovation cooperation.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИЙ
РАЗЛИЧНЫХ УКЛАДОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК БАЗИС
ЭФФЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА**

*д-р экон. наук, д-р техн. наук, проф. А.В. ТЕБЕКИН
(Московский государственный университет)*

*канд. экон. наук, доц. Г.Н. СЕРЯКОВ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

Актуальность представленного исследования определяется тем, что в условиях цикличности макроэкономического развития, обусловленного сменой технологических укладов, вслед за периодом экономического спада и кризиса 2020-х годов, сопровождающихся процессами деглобализации и дезинтеграции, в 2030-е годы наступит фаза повышательной волны Н. Кондратьева, которая повлечет за собой смену вектора международного взаимодействия на интеграцию и глобализацию. Этот период весьма благоприятен для наращивания экономических потенциалов России и Беларуси в рамках Союзного государства. Научная новизна представленного исследования заключается в опровержении распространенной гипотезы о том, что эффективное развитие национальных экономик Российской Федерации и Республики Беларусь будет успешным только на фокусировке технологий шестого уклада (в первую очередь, цифровых технологий) без адекватной поддержки промышленным базисом четвертого технологического уклада (с производственным ядром, определяемым технологиями машиностроения и др.) и пятого технологического уклада (с производственным ядром, определяемым технологиями микроэлектроники и др.), и доказательстве необходимости обеспечения должной преемственности технологий третьего, четвертого, пятого и шестого технологического укладов как промышленного базиса для эффективного экономического развития Союзного государства.

***Ключевые слова:** промышленность, Союзное государство, технологические уклады, преемственность, производственные отношения, базис, эффективность, экономическое развитие.*

Введение. В условиях цикличности макроэкономического развития, обусловленного сменой технологических укладов, вслед за периодом экономического спада и кризиса 2020-х годов [20], сопровождающимся процессами деглобализации¹ и дезинтеграции², в 2030-е годы наступит фаза повышательной волны Н. Кондратьева [22], которая повлечет за собой смену вектора международного взаимодействия на интеграцию и глобализацию [28]. Этот период весьма благоприятен для наращивания экономических потенциалов России и Беларуси в рамках Союзного государства. Указанные обстоятельства предопределили выбор темы исследования.

Целью представленного исследования является поиск перспективных подходов к наращиванию экономического потенциала Союзного государства России и Беларуси в период действия повышательной волны Н. Кондратьева в рамках шестого технологического уклада. Методическую базу исследований составили научные работы, посвященные проблематике экономического развития Союзного государства России и Беларуси таких авторов, как Астратова Г.В. [1], Безлепкина А.А. [2], Вилисов М.В. [3], Еремина Н.В. [4], Косьмин А.Д. [7], Лиляев А.А., Малик Е.Н. [8], Мануйлова П.В. [10], Перегудова Е.Ю. [12], Румянцев В.А., Гончарик Н.В. [13], Филиппова А.В. [35], а также информационно-аналитические материалы по данной теме³. Методическую основу также составили авторские работы, посвященные исследованию динамики развития экономики в рамках технологических укладов [14; 15; 16; 17; 19; 21; 28; 30; 31; 33] и др.

Научная гипотеза исследования. В настоящее время распространена гипотеза о том, что эффективное развитие национальных экономик Российской Федерации и Республики Беларусь будет успешным только при фокусировке на технологиях шестого технологического уклада (в первую очередь на цифровых технологиях: большие данные, нейротехнологии и ИИ, системы распределенного реестра, квантовые технологии, сенсорика и компоненты робототехники, промышленный интернет и др.) [32] без адекватной поддержки промышленным базисом четвертого технологического уклада (с технологическим ядром технологий машиностроения и др.)

¹ URL: <https://ria.ru/20240529/deglobalizatsiya-1949029072.html>.

² URL: <https://iz.ru/1601227/2023-11-07/v-mvf-smodelirovali-raspad-mirovoi-ekonomiki-na-dva-torgovykh-bloka>.

³ URL: <https://e-cis.info/news/568/121194/>; URL: <https://rg.ru/2024/06/12/v-edinom-proryve.html>; URL: https://eaeu.economy.gov.ru/union_state_macro-economic_indicators; URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/08/2023/64d4da1b9a7947c2fcc755c3>; URL: <https://belta.by/society/view/na-puti-k-tovaru-sojuznogo-gosudarstva-kak-belarus-i-rossija-vystrajvajut-unikalnuju-ekonomicheskiju-679295-2024/>; URL: <https://eurasia.expert/pmf-2023-itogi-dlya-sojuznogo-gosudarstva-belarusi-i-rossii/>; URL: <https://mlyn.by/19122023/proryvnoj-23-j-chem-znamenatelen-uhodyashhij-god-dlya-sojuznogo-gosudarstva/>; URL: <https://www.rbc.ru/base/17/09/2024/66e9a9269a794757a75f9ccd>; URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona-soyuznoe-gosudarstvo-itogi-i-perspektivy-44190.shtml>.

и пятого технологического уклада (с производственным ядром определяемым технологиями микроэлектроники и др.). Данная гипотеза рассматривается в работе в качестве нулевой и подлежит опровержению. В качестве альтернативной гипотезы, подлежащей доказательству, рассматривается гипотеза, утверждающая необходимость обеспечения должной преемственности технологий третьего, четвертого, пятого и шестого технологического укладов как промышленного базиса для эффективного экономического развития союзного государства.

Основные результаты исследований. Периоды жизненных циклов технологических укладов мировой экономики, определяемые волнами Н. Кондратьева [6], соответствующие базовые технологии, определяющие производственные основы их реализации, представлены на рисунок 1.

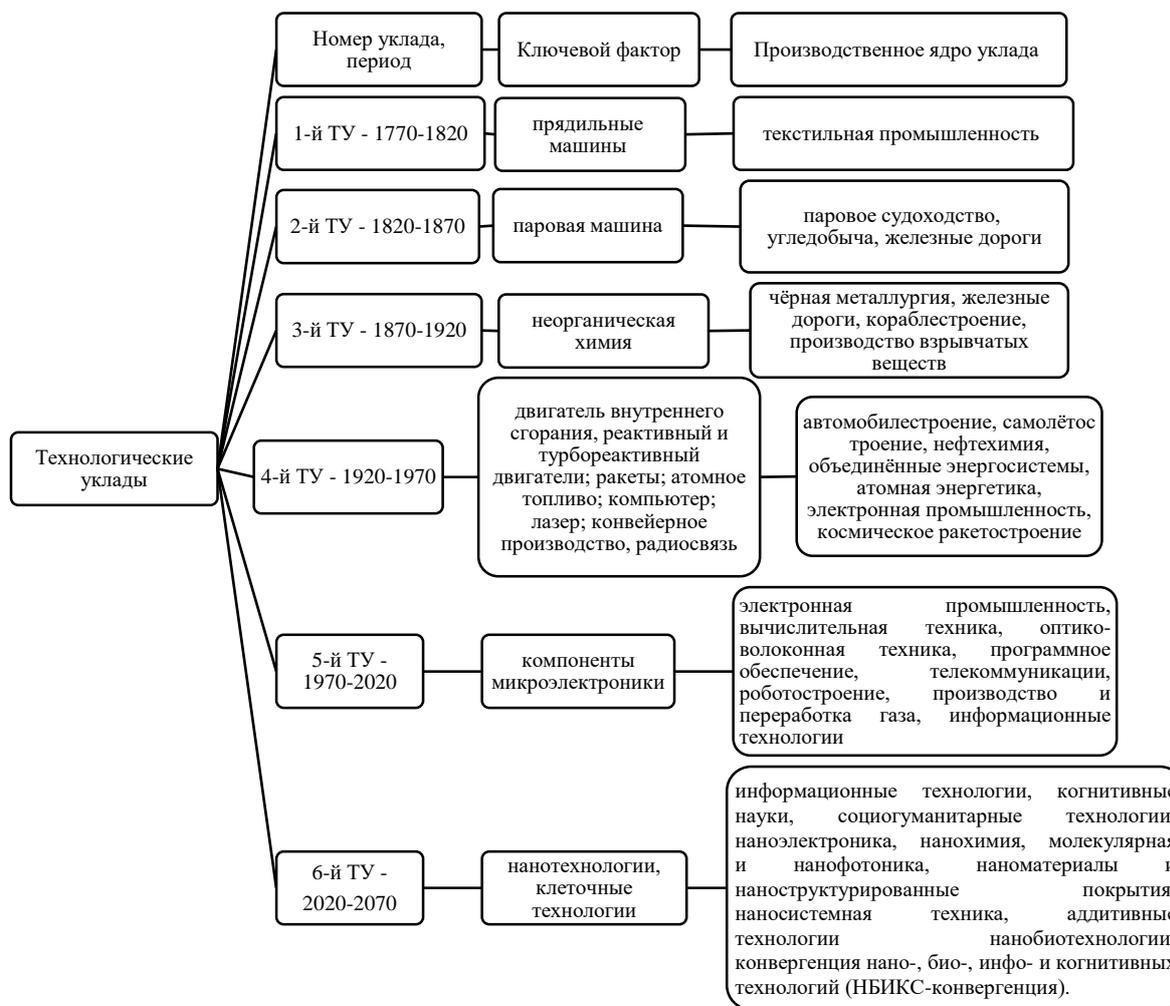

Рисунок 1. – Технологические уклады мировой экономики, определяемые волнами Н. Кондратьева

Анализируя жизненные циклы, ключевые факторы и производственные основы формирования технологических укладов (см. рисунок 1) следует отметить закономерную преемственность технологий развития предыдущего технологического уклада при переходе к следующему технологическому укладу мировой экономики (рисунок 2).

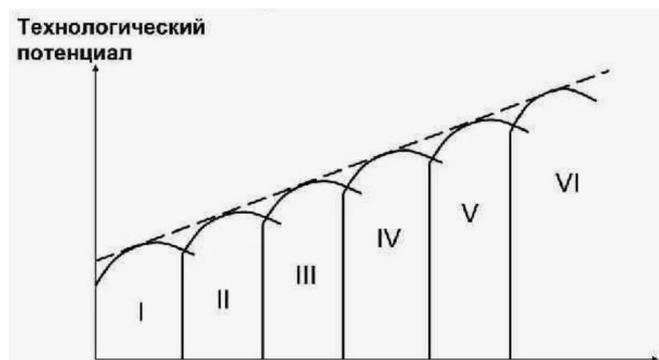

Рисунок 2. – Соотношение технологических потенциалов различных укладов в экономике

То есть использование потенциала предыдущего технологического уклада по мере смены его последующим сокращается постепенно, а не дискретно-сигнально. Исходя из указанных закономерностей совокупный используемый технологический потенциал в национальной экономике в любой момент времени можно описать моделью вида:

$$TP(t) = \sum_{i=m}^n \alpha_i(t) \cdot P_i, \quad (1)$$

где $TP(t)$ – совокупный используемый технологический потенциал в национальной экономике;

i – текущий номер технологического уклада;

m, n – начальный и конечный номер технологических укладов, рассматриваемых в национальной экономике в текущий момент времени t ;

P_i – технологический потенциал i -го уклада;

$\alpha_i(t)$ – весомость i -го технологического уклада в национальной экономике в момент времени t , определяемая соотношением

$$\alpha_i = \sin(T_i / 1800), \quad (2)$$

где T_i – период полезного использования в экономике технологического потенциала i -го уклада.

При этом период полезного использования в экономике технологического потенциала i -го уклада (T_i) существенно превышает период доминирования самого технологического уклада в экономике.

Существует мнение, что, начиная с четвертого технологического уклада, большой технологический цикл Н.Д. Кондратьева сокращается во времени и составил в пятом технологическом укладе уже не 50 лет, а примерно 40 лет. Сторонники данной теории связывают эту тенденцию с ускорением инновационного развития мировой экономики. При этом в рамках шестого и седьмого технологических укладов мировой экономики прогнозируется, что продолжительность циклов Н. Кондратьева может составить и менее 40 лет.

Однако ход истории мировой экономики не подтверждает эту гипотезу. Так, выполненный в середине нулевых прогноз экономического кризиса в 2020-е годы [25] (т.е. спустя 50 лет после начала предыдущего глобального экономического кризиса технологической природы (см. рисунок 1)) наглядно подтвердился [20]. Поэтому сегодня вполне можно прогнозировать, что и наступающий шестой технологический уклад также продлится полвека (рисунок 3).

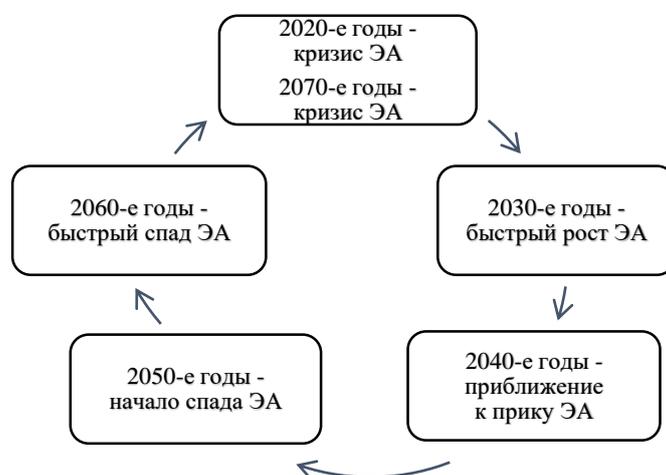

Рисунок 3. – Ожидаемая динамика экономической активности (ЭА) в рамках цикла шестого технологического уклада

Если исходить из равенства продолжительности различных технологических укладов в экономике (порядка 50 лет), то можно с достаточно высокой степенью точности определить соотношение весомостей $\alpha_i(t)$ использования потенциалов различных технологических укладов в национальной экономике:

$$X_N(t) = \frac{\alpha_i(t)}{\alpha_{i-1}(t)}, \quad (3)$$

где $X_N(t)$ – нормальное (стандартное) соотношение использования в национальной экономике технологических потенциалов последующего (i -го уклада) и предыдущего ($i-1$ -го уклада) укладов.

Однако распад Советского Союза в начале 1990-х годов привел к существенной утрате технологических потенциалов входивших в СССР республик четвертого и пятого технологических укладов. Что касается технологического потенциала четвертого уклада, то по меткому высказыванию профессора Калифорнийского университета Майкла Интрилигейтора, спровоцированное шоковой терапией истощение инвестиций привело к «эрозии основного капитал», что и привело к провалу макроэкономической стабильности и связанному с ним экономическому спаду [9]. Огромные инвестиционные проблемы бывших республик СССР в период его распада привели к проблемам не только развития, но и поддержания машиностроительных отраслей как производственного ядра четвертого технологического уклада в экономике. Распад СССР, совпавший с пиком экономической активности в рамках пятого технологического уклада, привел к тому, что имевшийся в советских республиках потенциал этого уклада с производственным ядром в виде электронной промышленности, вычислительной техники и т.д. в силу почти десятилетнего спада в экономике был также утрачен [34].

Как следствие, фактическое соотношение использования в национальной экономике технологических потенциалов последующего (*i*-го) и предыдущего (*i*-1-го) укладов X_F стало существенно отличаться от нормального (стандартного) X_N : $X_F \neq X_N$. В этой связи последующие попытки стран бывшего СССР сфокусироваться на инвестициях в технологии шестого уклада (в первую очередь цифровых технологий) без адекватной поддержки промышленным базисом четвертого технологического уклада (с производственным ядром – технологиями машиностроения и др.) и пятого технологического уклада (с производственным ядром – технологиями микроэлектроники и др.) оказались несостоятельными (рисунок 4) [29].

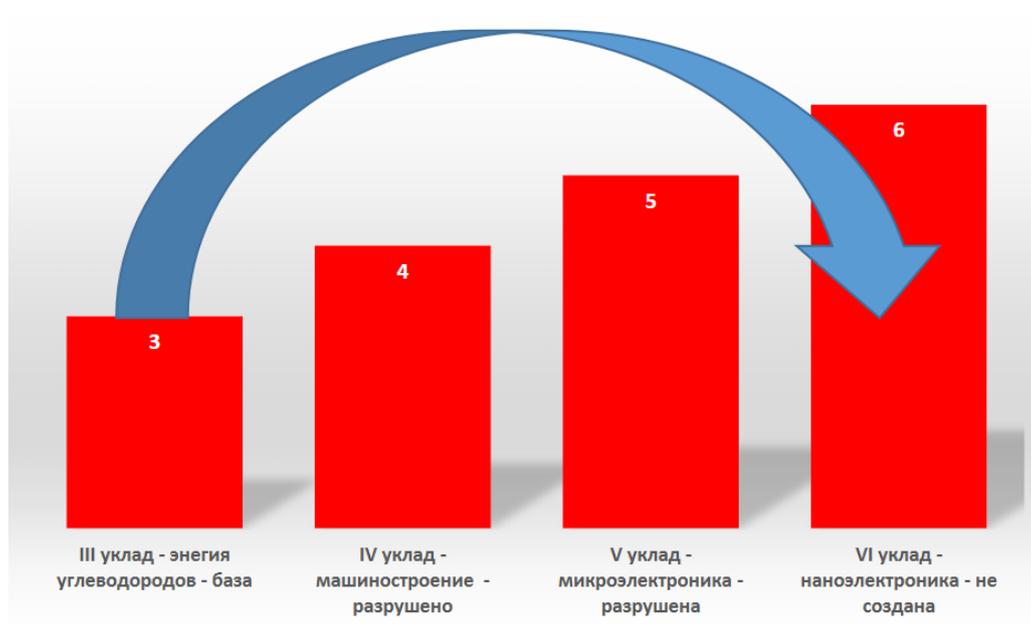

Рисунок 4. – Модель технологической «лестницы» национальной экономики, демонстрирующая попытки совершения «скачка» от технологий III-го уклада к технологиям не построенной «ступени» производства на базе технологий VI-го уклада через разрушенные «ступени» производства на базе технологий IV-го и V-го укладов

При этом следует признать, что преждевременная ставка на деиндустриализацию экономики оказалась характерна для многих ведущих стран мира [например, 26], что выразилось в существенном отставании темпов их развития от лидирующих США и Китая (рисунок 5) [27].

Подробно проанализировав преемственность технологий различных укладов в развитии промышленности предлагается для решения стратегических задач развития национальных экономик Союзного государства использовать положительный опыт обеспечения преемственности технологий третьего и четвертого технологического уклада в экономике промышленности бывшего Союза Советских Социалистических Республик, а именно развитие нефтехимического и машиностроительного комплекса в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Особенно следует отметить, что промышленный потенциал Союза Советских Социалистических Республик, созданный на базе технологий третьего и четвертого технологических укладов (в том числе, в части нефтехимических и машиностроительных производств), был одним из самых мощных в мире [24]. Менее чем за 69 лет существования СССР в стране было построено более 30 тыс. промышленных предприятий. То есть ежедневно вводилось в строй в среднем более 1 предприятия (примерно 1,2 промышленного предприятия в день). В СССР было построено первое в мире производство синтетического каучука (завод в Ярославле в 1932 г.). Построенный в 1939 г. Норильский горно-металлургический комбинат стал крупнейшим мировым производителем никеля и палладия, а также одним из мировых лидеров по производству меди и платины. Братский алюминиевый завод (1966 г.) стал крупнейшим мировым производителем алюминия.

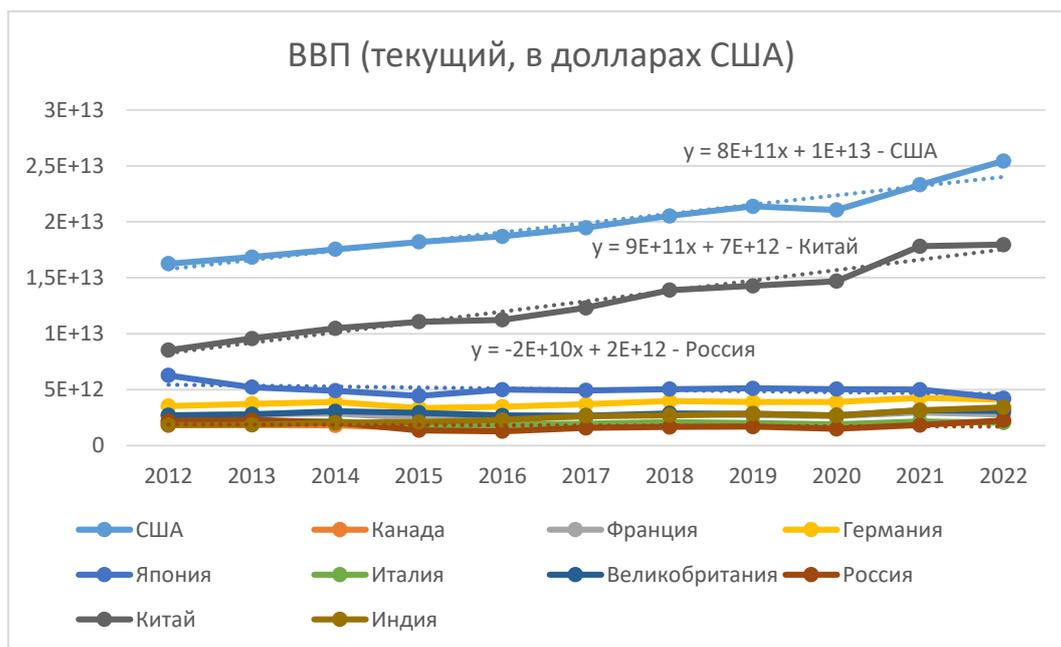

Рисунок 5. – Динамика номинального ВВП ведущих стран мира в период с 2012 по 2022 год
Источник: [27].

В 1970-е годы по объему ВВП СССР занимал второе место в мире после США⁴. В 1970 – 80-е годы Союза Советских Социалистических Республик был мировым лидером по количеству установленных в отраслях народного хозяйства металлообрабатывающих станков⁵. Если до Великой Отечественной войны доля импорта металлообрабатывающих станков в СССР составляла 10%, то в 1970-е годы она снизилась до 3%. По состоянию на 2024 г. доля импорта техники, оборудования и транспорта, например, в России составляет более 45% от общего объема импорта в страну⁶. Также страна была мировым лидером по производству цемента. По протяженности нефте- и газопроводов, а также железных дорог СССР занимал второе место в мире после США.

В СССР было налажено производство всех видов электронной и бытовой электрической техники. Можно дискутировать о функциональных возможностях и качестве этой техники, но это было собственное производство, а не сборка из импортных комплектующих, порождающая импортозависимость [5]. Мировые экономические позиции СССР по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции [24] на момент, предшествующий губительной для экономики страны горбачевской перестройке [11] (по состоянию на 1986 год), представлены в таблице 1.

Таблица 1. – Мировые экономические позиции СССР по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции по состоянию на 1986 г.

Позиция в мире	Отрасли экономики
1-е место	Производство тракторов, добыча нефти, газа, производство чугуна, стали, платины, никеля, сборных железобетонных конструкций, молока, яиц
2-е место	Производство промышленной продукции (предметов потребления), продукция машиностроения (средств производства), производство золота, алюминия, вольфрамового концентрата, рафинированной меди, электроэнергии, цемента
3-е место	Добыча угля, производство зерновых и зернобобовых культур
4-е место	Производство серебра

Также необходимо отметить, что Советский Союз являлся признанным мировым лидером по уровню инновационного развития. Так, доля расходов на НИОКР составляла порядка 5% от ВВП. В процентном выражении это было больше, чем в любой из стран мира [23]. Сегодня же, например, в России при доле расходов на НИОКР, составляющей порядка 1% от ВВП, только ставится задача нарастить соответствующие расходы до 2% ВВП к 2030 г.⁷ В то время, как у мировых лидеров эти расходы по-прежнему остаются на уровне 5% от ВВП (таблица 2).

⁴ URL: <https://investfuture.ru/news/id/za-dvadcat-let-do-raspada-sssr-paradoksy-ekonomik-sovetskogo-soyuza-i-ssha>.

⁵ URL: <https://dzen.ru/a/ZbIU2UGrOgbflxhd>.

⁶ URL: <https://gtc-logistics.com/blog/top-exports-imports-russia/>.

⁷ URL: https://sfr.gov.ru/press_center/z_news/~2024/06/07/264278.

Таблица 2. – Расходы стран мира на НИОКР (в % от ВВП) по состоянию на 2018 год (по результатам исследований UNESCO)

От 1% до 2% ВВП	От 2% до 3% ВВП	От 3% до 4% ВВП	Свыше 4% ВВП
Австралия - 1,87%,	Бельгия-2,82%,	Австрия - 3,17%,	Израиль-4,95%,
Бразилия-1,26%,	Исландия-2,03%,	Германия-3,09%,	Южная Корея-4,81%
Великобритания-1,72%,	Китай-2,19%,	Дания-3,06%,	
Венгрия-1,55%,	Нидерланды-2,16%,	Швейцария-3,37%,	
Греция-1,18%,	Норвегия-2,07%,	Швеция-3,34%,	
Ирландия-1,15%,	США-2,84%,	Япония-3,26%	
Испания-1,24%,	Финляндия-2,77%,		
Италия-1,40%,	Франция-2,20%,		
Канада-1,57%,			
Люксембург-1,24%,			
Малайзия-1,44%,			
Новая Зеландия-1,37%,			
ОАЭ-1,30%,			
Польша-1,21%,			
Португалия-1,37%,			
Сингапур-1,94%,			
Словения-1,94%,			
Чехия-1,93%,			
Эстония-1,43%,			

Источник: [23].

По валовым затратам на НИОКР в абсолютном выражении СССР, с одной стороны, уступали только США, но, с другой, – превосходил все страны Европы, вместе взятые (!) [23].

Приведенные примеры свидетельствуют о реальной возможности наращивания технологического потенциала в рамках Союзного государства России и Беларуси. Здесь стоит отметить сохранившийся со времен СССР и продолжающийся развиваться технологический потенциал нефтехимической промышленности и машиностроения Республики Беларусь (рисунок 6).

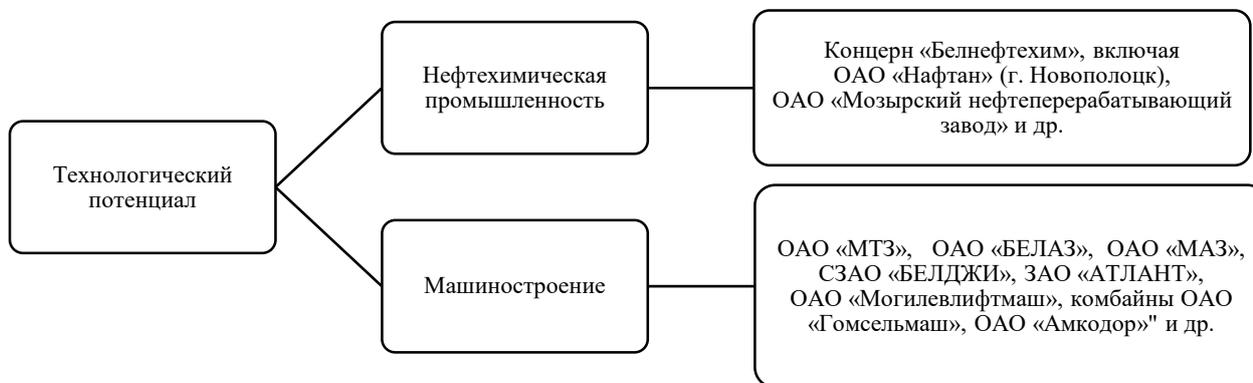

Рисунок 6. – Технологический потенциал нефтехимической промышленности и машиностроения Республики Беларусь

Для того, чтобы нарастить технологический потенциал Союзного государства России и Беларуси, необходимо по аналогии с реализацией экономико-математической модели межотраслевого баланса, определяющей рациональный уровень межотраслевых производственных взаимосвязей в экономике [18], реализовать модель баланса технологических потенциалов между различными укладами в экономике, в которой поступления средств от продукции преимущественно третьего технологического уклада необходимо направлять не только на поддержание и развитие промышленности на базе технологий третьего уклада в сочетании с перераспределением ресурсов на развитие производств шестого технологического уклада, но и на восстановление до необходимого уровня технологических потенциалов четвертого и пятого технологического укладов (рисунок 7) в интересах обеспечения равенств фактических и нормальных (стандартных) соотношений использования в экономике Союзного государства технологических потенциалов последующего и предыдущего укладов:

$$X_{Fi}(t) = X_{Ni}(t), \tag{4}$$

где $i = 3, \dots, 6$.

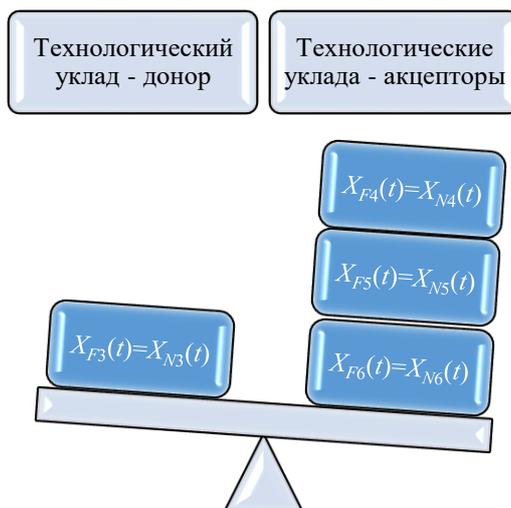

Рисунок 7. – Схема обеспечения равенств фактических и нормальных (стандартных) соотношений использования в экономике Союзного государства технологических потенциалов последующего и предыдущего укладов

Заключение. Таким образом, в результате проведенных исследований, направленных на поиск перспективных подходов к наращиванию экономического потенциала Союзного государства России и Беларуси в период действия повышательной волны Н. Кондратьева в рамках шестого технологического уклада были получены следующие результаты.

Опровергнута распространенная гипотеза о том, что эффективное развитие национальных экономик Российской Федерации и Республики Беларусь будет успешным только на фокусировке технологий шестого уклада (в первую очередь, цифровых технологий) без адекватной поддержки промышленным базисом четвертого (с производственным ядром, определяемым технологиями машиностроения и др.) и пятого (с производственным ядром, определяемым технологиями микроэлектроники и др.) технологических укладов.

Доказана необходимость обеспечения должной преемственности технологий третьего, четвертого, пятого и шестого технологического укладов как промышленного базиса для эффективного экономического развития Союзного государства посредством реализации модели баланса технологических потенциалов между различными укладами в экономике, в которой поступления средств от продукции преимущественно третьего технологического уклада необходимо направлять не только на поддержание и развитие промышленности на базе технологий третьего уклада в сочетании с перераспределением ресурсов на развитие производств шестого технологического уклада, но и на восстановление до необходимого уровня технологических потенциалов четвертого и пятого технологического укладов в интересах обеспечения равенств фактических и нормальных (стандартных) соотношений использования в экономике Союзного государства технологических потенциалов последующего и предыдущего укладов.

Представляется, что предложенный перспективный подход к наращиванию экономического потенциала Союзного государства России и Беларуси в период действия повышательной волны Н. Кондратьева в рамках шестого технологического уклада позволит на основе совместного использования инвестиционных, сырьевых, производственных, инфраструктурных, интеллектуальных и трудовых потенциалов Российской Федерации и Республики Беларусь создать современные промышленные производства как базис эффективного экономического развития, обеспечивающий не только потребность Союзного государства в высокотехнологичной продукции и создании основы новых общественных производственных отношений, но и позволяющий повысить международную конкурентоспособность национальной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астратова Г.В. Союзное государство России и Белоруссии: эффективность развития в новых экономических условиях // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 1–22. – URL: <https://esj.today/PDF/61ECVN123.pdf>.
2. Безлепкина А.А. Россия – Беларусь: совместное предпринимательство как условие стабильного экономического развития Союзного государства [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн. – №1 (49). Номер статьи: 4912. Дата публикации: 27.01.2017. – URL: <https://eee-region.ru/article/4912/>.
3. Вилисов М.В. Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 106–126.
4. Еремина Н.В. Экономическое взаимодействие России и Беларуси в рамках Союзного государства: задачи, проблемы, достижения // Общественные науки и современность. – 2020. – № 5. – С. 131–141. – URL: <https://ons-journal.ru/s086904990012328-2-1/>.
5. Карпов Д. Зависимость России от импорта промежуточной продукции и внешнеторговые шоки [Электронный ресурс]: аналит. зап. // Центр. Банк Росс. Федерации. – 2023. – 17 с. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/149496/analytic_note_20230628_dip.pdf.

6. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Кондратьев, Ю. Яковец, Л. Абалкин // Избр. Тр. – М.: Экономика, 2002. – 767 с.
7. Основные индикаторы экономической интеграции субъектов Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь / А.Д. Косьмин, Е.А. Косьмина, К.В. Молчанов // Экономические отношения. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 183–200.
8. Лиляев А.А., Малик Е.Н. Перспективы развития международного интеграционного проекта Союзное государство России и Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации: электрон. науч.-практ. журн. – 2021. – № 11. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/11/97015>.
9. Интрилигейтор, М. Шокирующий провал «шоковой терапии» // Реформы глазами российских и американских ученых. Под ред. акад. О.Т. Богомолова. – М.: Рос. экон. журн.: Фонд «За экон. грамотность», Б. г. (1996). – 265 с.
10. Мануилова П.В. Сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь в экономической сфере в рамках Союзного государства // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2, № 4. – С. 1202–1209.
11. Медушевский А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. – 2011. – Вып. 6. – С. 3–30.
12. Перегудова Е.Ю. Экономические и организационные аспекты межрегионального взаимодействия в Союзном государстве Беларуси и России в условиях цифровизации // Вестник Евразийской науки. – 2020. – № 4. – С. 1–12. – URL: <https://esj.today/PDF/46ECVN420.pdf>.
13. Румянцев В.А., Гончарик Н.В. Стратегическое планирование как основа социально-экономического развития Союзного государства Беларуси и России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – С. 407–501.
14. Серяков Г.Н. Проблемы исследования технологических укладов в интересах развития национальной экономики // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 40–43.
15. Серяков Г.Н. Исследование проблем формирования механизмов эффективного развития экономики промышленности в условиях смены технологических укладов. – Новополоцк: Полоцк. гос. ун-т, 2018. – 204 с.
16. Серяков Г.Н. Механизмы эффективного развития экономики промышленности Республики Беларусь в условиях смены технологических укладов // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Экон. и юрид. науки. – 2019. – № 6. – С. 2–13.
17. Серяков Г. Н. Обоснование состава рациональных механизмов устойчивого развития экономики промышленности в условиях смены технологических укладов // Транспортное дело России. – 2018. – № 4. – С. 46–49.
18. Стоун Р. Метод затрат – выпуск и национальные счета / Пер. с англ. Э.В. Детневой; под ред. Б.Л. Исаева. – М.: Статистика, 1964. – 206 с.
19. Тебекин А.В. Изменение содержания труда, характера трудовых отношений, системы ценностей организации и мотивов трудовой деятельности при переходе экономики к новому технологическому укладу // Транспортное дело России. – 2022. – № 1. – С. 70–77.
20. Тебекин А.В. О глубине кризиса 2020-го года для мировой и национальной экономик и путях выхода из него // Журнал экономических исследований. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 52–71.
21. Тебекин А.В. Перспективы развития национальной экономики в рамках шестого технологического уклада с учетом ужесточения западных санкций // Журнал исследований по управлению. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 17–37.
22. Тебекин А.В. Предпосылки формирования концепции менеджмента 2030-х годов // Тенденции и перспективы развития социотехнической среды: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Отв. ред. И.Л. Сурат. – 2018. – С. 648–654.
23. Тебекин А.В. Проблемы развития исследования и разработок в контексте проблем экономической безопасности страны и национальной безопасности в целом // Транспортное дело России. – 2024. – № 2. – С. 49–55.
24. Тебекин А.В. Теория менеджмента: учеб. – М.: КНОРУС, 2016. – 695 с.
25. Тебекин А.В. Управление инновационно-инвестиционной деятельностью в сфере информационных технологий. – М.: Палеотип, 2006. – 184 с.
26. Тебекин А.В., Аллаярова Н.И. Мировые тенденции деиндустриализации на примере французской экономики // Журнал исследований по управлению. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 32–51.
27. Тебекин А.В., Егорова А.А. Анализ динамики основных показателей развития экономики РФ на фоне ведущих стран мира. // Журнал исследований по управлению. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 22–44.
28. Тебекин А.В., Митропольская-Родионова Н.В., Хорева А.В. Проблемы и перспективы развития НИО.2 в рамках шестого технологического уклада // Ноономика и ноообщество. Альм. тр. ИНИР им. С.Ю. Витте. – 2022. – Т. 1, № 2. – С. 57–75.
29. Тебекин А.В., Митропольская-Родионова Н.В., Хорева А.В. Теоретическая модель нового индустриального общества второго поколения и проблемы практического воплощения ноономики // Теоретическая экономика. – 2021, № 3(75). – С. 59–70.
30. Тебекин А.В., Серяков Г.Н. Технологический уклад как основа социально-экономического развития общества: инновационные аспекты исследования // Транспортное дело России. – 2013. – № 6–2. – С. 22–24.
31. Тебекин А.В., Серяков Г.Н. Методологические основы исследования направлений и средств развития технологических укладов. // Транспортное дело России. – 2018. – № 4. – С. 15–17.
32. Тебекин А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А. Анализ перспектив развития национальной экономики при внедрении сквозных цифровых технологий // Журнал экономических исследований. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 3–18.
33. Тебекин А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А. Стратегическое влияние шестого технологического уклада на научно-производственные, экономические, социальные и политические аспекты развития мирового и национального хозяйства // Эпомен. – 2020. – № 49. – С. 85–100.
34. Тебекин А.В. Методологический анализ менеджмента разработки и реализации гайдаровских реформ (Часть 4: Итоги) // Журнал экономических исследований. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 3–16.
35. Филиппова А.В. Цифровая экономика Союзного государства // Интеграция и развитие научно-технического и образовательного сотрудничества – взгляд в будущее: сб. ст. II Междунар. научно-техн. конф. «Минские научные чтения – 2019», Минск, 11-12 дек. 2019 г.: в 3 т. – Минск: БГТУ, 2020. – Т. 3. – С. 190–193.

**ENSURING THE CONTINUITY OF TECHNOLOGIES OF VARIOUS INDUSTRIAL STRUCTURES
AS THE BASIS FOR EFFECTIVE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE UNION STATE****A. TEBEKIN***(Moscow State University)***G. SERYAKOV***(Euphrosyne Polotsk, Polotsk State University)*

The relevance of the presented study is determined by the fact that in the conditions of cyclical macroeconomic development caused by the change of technological structures, following the period of economic recession and crisis of the 2020s, accompanied by the processes of deglobalization and disintegration, in the 2030s the phase of the upward wave of N. Kondratiev will begin, which will entail a change in the vector of international interaction to integration and globalization. This period is very favorable for building up the economic potential of Russia and Belarus within the framework of the union state. The scientific novelty of the presented study lies in refuting the widespread hypothesis that the effective development of the national economies of the Russian Federation and the Republic of Belarus will be successful only by focusing on technologies of the sixth mode (primarily digital technologies) without adequate support from the industrial base of the fourth technological mode (with the production core determined by mechanical engineering technologies, etc.) and the fifth technological mode (with the production core determined by microelectronics technologies, etc.), and proving the need to ensure proper continuity of technologies of the third, fourth, fifth and sixth technological modes as an industrial basis for the effective economic development of the union state.

Keywords: *industry, Union State, technological orders, continuity, production relations, basis, efficiency, economic development.*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 346.5

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-71-74

ПРАВОВОЙ СТАТУС СЛУЖБЫ ЗАКАЗА ТАКСИ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОЗКИ ПассаЖИРОВ И БАГАЖА ЛЕГКОВЫМ ТАКСИ

д-р юрид. наук, доц. М.А. БАЖИНА^{1), 2)}, канд. юрид. наук Е.П. ЩЕКОЧИХИНА³⁾
(Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург)

¹⁾ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1237-0052>

e-mail: ²⁾mashsol@mail.ru; e-mail: ³⁾helena271@yandex.ru

Статья посвящена проблеме определения правового статуса службы заказа такси при организации перевозки пассажиров и багажа легковым такси. Авторы указывают на неверное толкование с правовой точки зрения роли участников отношений, что препятствует распределению прав и обязанностей между ними, а также разрешению вопросов ответственности. Приведенные в ФЗ о такси юридические конструкции, сходные по названию с теми, которые уже существуют в действующем транспортном законодательстве, не позволяют в полной мере определить статус службы заказа такси, т.к. не совпадают по содержанию, применяемому понятийному аппарату. В связи с этим требует детального изучения и определение роли службы заказа такси в рассматриваемых отношениях.

Ключевые слова: перевозка, перевозчик, фрахтовщик, фрахтователь, легковое такси, агрегатор, служба заказа легкового такси.

Введение. Принятый в конце 2022 г. Федеральный закон № 580–ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – ФЗ о такси) вступил в силу 1 сентября 2023 г. Несмотря на это, содержание закона является предметом активных обсуждений и дискуссий. Одной из причин такого пристального внимания к закону является несогласованность отдельных положений ФЗ о такси, что, в свою очередь, приводит к неопределенности в квалификации отношений, возникающих между участниками (служба заказа легкового такси, перевозчик, физическое лицо, фрахтователь, фрахтовщик, а также иные субъекты) перевозки пассажиров и багажа легковым такси.

В качестве одной из ключевых проблем в ФЗ о такси, порождающей многочисленные противоречия, можно назвать отсутствие квалификации отношений между службой заказа легкового такси и перевозчиком (в т.ч. самозанятым), а также службой заказа такси и пассажиром. Для определения правового статуса службы заказа такси представляется необходимым более детально проанализировать эти отношения.

Основная часть. В соответствии со ст. 20 ФЗ о такси отношения между перевозчиком и службой заказа легкового такси должны быть оформлены *договором службы заказа легкового такси*. Отсутствие данного договора исключает возможность у перевозчика заключать договоры фрахтования такси с фрахтователями, под которыми в законе подразумеваются пассажиры. Исходя из этого, можно полагать, что договор службы заказа легкового такси с перевозчиком такси (ст. 20 ФЗ о такси) признается в качестве основополагающего применительно к деятельности перевозчика. Однако, законодатель не раскрывает правовой природы самого договора службы заказа легкового такси с перевозчиком такси.

Исходя из содержания договора можно предположить, что данный договор является гражданско-правовым договором, не поименованным в ГК РФ. В качестве предмета данного договора в законе указывается передача информации о намерении заключить публичный договор фрахтования легкового такси – заказа легкового такси (п. 5 ст. 2 ФЗ о такси). Исходя из представленного в ФЗ о такси содержания рассматриваемого договора, служба заказа такси должна представить информацию не только от лица, намеренного стать фрахтователем (пассажир), лицу, имеющему намерение стать фрахтовщиком, но и наоборот. Более того, служба заказа такси несет полную ответственность за вред, причиненный жизни, здоровью, имуществу пассажира при перевозке легковым такси, если фрахтователь не получил информацию о наименовании перевозчика (ч. 1 п. 2 ст. 29 ФЗ о такси). Кроме того, служба заказа такси является ответственным лицом за проверку сведений о разрешениях, содержащихся в региональном реестре перевозчиков легковым такси и региональном реестре легковых такси. (пп. 7 п. 3 ст. 19 ФЗ о такси). В случае несоответствия перевозчика указанным в ФЗ о такси требованиям, служба заказа такси не должна передавать заказы легкового такси таким перевозчикам (пп. 13 п. 3 ст. 19 ФЗ о такси). Законодатель прямо указывает на обязанность службы заказа совершить определенные действия, результаты которых неотделимы от самой деятельности и потребляются в процессе этой деятельности [7, с. 9]. В рассматриваемом договоре можно говорить о результате, имеющем значение как следствие совершенных действий и который находится за пределами договора [4, с. 221]. Именно такое содержание охватывается конструкцией договора возмездного оказания услуг (п. 1 ст. 779 ГК РФ).

В связи с вышеизложенным данный договор нельзя квалифицировать как договор на оказание диспетчерских услуг, в котором диспетчер выполняет лишь роль посредника по передаче информации и не несет ответственность за выполнение каких-либо действий. Тем самым, полагаем, что договор службы заказа легкового такси в большей степени соответствует договору возмездного оказания услуг. Однако, такая классификация не позволяет определить правовое положение службы заказа легкового такси, статус которой в ФЗ о такси отличается противоречивостью. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть разные подходы к определению статуса службы заказа легкового такси.

1. Служба заказа такси является соисполнителем. С одной стороны, служба заказа легкового такси может рассматриваться в качестве исполнителя, в обязанности которого входит передать заказ (п. 1 ст. 20 ФЗ о такси), вести журнал регистрации заказов и совершать иные действия, перечисленные в п.п. 7, 8 ч. 1 ст. 11 ФЗ о такси, если это предусмотрено договором, разрабатывать тарифы на перевозку, если это также предусмотрено договором (п. 1 ст. 24 ФЗ о такси). Все перечисленные обязанности службы заказов такси относятся к совершению фактических действий, что означает исключение возможности рассматривать службу заказа легкового такси как агента. В этой связи её правовой статус должен быть определен как исполнителя по договору возмездного оказания услуг. Следовательно, можно говорить о том, что служба заказа такси и перевозчик являются соисполнителями, у которых разделены сферы деятельности в отношении пассажира. Такой подход соотносится с тем, как определяется в ст. 29 ФЗ о такси ответственность службы заказа такси и перевозчика за вред, причиненный при перевозке легковым такси жизни, здоровью, имуществу пассажиров. Так, например, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 29 ФЗ о такси, помимо перевозчика-самозанятого, законодатель возлагает субсидиарную ответственность на службу заказа легкового такси в части возмещения реального ущерба, не покрытого суммой страхового возмещения перевозчика. Такая конструкция ответственности вызывает вопрос о правовом положении службы заказа легкового такси в отношениях с самозанятыми и пассажирами такси. С одной стороны, самозанятые являются перевозчиками по отношению к пассажирам, а значит несут полную ответственность за причинение ущерба (причем по ст. 1079 ГК РФ отвечают без вины, поскольку являются законными владельцами легкового такси). С другой стороны, ответственность самозанятого фактически ограничена размером страховки. А в остальной части реальный ущерб должна покрывать служба заказа легкового такси. Однако данный субъект не участвует в перевозке: он не заключает договор ни с фрахтовщиком, ни с фрахтователем на организацию перевозки, т.е. не выступает юридическим перевозчиком (перевозчиком, указанным в договоре).

2. Служба заказа такси – агент перевозчика. В основе этой концепции лежит концепция действия, согласно которой права и обязанности у представляемого приобретаются посредством действий представителя [6, с. 9]. Иными словами, у перевозчика возникают права и обязанности, связанные с перемещением пассажира, в силу юридически значимых действий службы заказа такси в целях предоставления соответствующих полномочий перевозчику. Тем самым, в рассматриваемых отношениях происходит «разъединение» правосубъектности [1, с. 280] на определенном этапе развития общественных отношений, связанных с перевозкой пассажира легковым такси. Это связано с тем, что от имени перевозчика выступает служба заказа такси, с которой изначально возникают отношения у пассажира.

Возможность возложения субсидиарной ответственности на службу заказа такси была бы обоснованной, если бы в ФЗ о такси была использована конструкция, основанная на позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 9 января 2018 г. по делу № 5-КГ17-220, а также по аналогии определения ответственности экспедитора, при его участии в заключении договора перевозки грузов (п. 25, 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции»). Служба заказа легкового такси могла бы привлекаться на законных основаниях к ответственности, если бы участвовала в заключении договора фрахтования как агент, т.е. выступая от имени перевозчика. Однако анализ положений ФЗ о такси не дает оснований для квалификации в законе отношений между перевозчиком и службой заказа легкового такси как агентских в отношении самозанятых. Такой вывод возможен при рассмотрении отношений между службой заказа легкового такси и перевозчиком, у которого есть водители, состоящие с ним в трудовых отношениях. Интересно то, что при передаче заказа непосредственно водителю, состоящему в трудовых отношениях с перевозчиком, служба заказа легкового такси может производить расчет размера платы за перевозку легковым такси (п. 1 ч. 1 ст. 25 ФЗ о такси), и, соответственно, такие отношения можно трактовать как агентские. Возможность службы заказа легкового такси производить расчет размера платы за перевозку в том случае, если заказ передается перевозчику-самозанятому, вызывает сомнение, несмотря на то, что в ч. 2 ст. 25 ФЗ о такси случаи расчета размера платы за перевозку определены как «возможные». Если бы ФЗ о такси предполагал возможность производить расчет размера платы за перевозку службой заказа легкового такси при передаче заказа перевозчику-самозанятому, стала бы понятна логика законодателя в части возложения ответственности на службу заказа легкового такси при причинении ущерба перевозчиком-самозанятым. Однако тогда необходимо было бы четко определять отношения между службой заказа легкового такси и самозанятым как агентские. Именно на наличие таких отношений указал Верховный Суд в вышеприведенном определении.

Рассмотрение службы заказа такси как агента со стороны пассажира представляется менее соответствующей содержанию ФЗ о такси. С формальной точки зрения, служба заказа такси не вступает в какие-либо отношения с пассажиром, за исключением предоставления пассажиру доступа к своей платформе. Иные действия, связанные с пассажиром, осуществляемые службой заказа такси в рамках организации перевозок пассажиров, охватываются обязательственными отношениями, возникающими между службой заказа такси и перевозчиком. Тем

самым, между службой заказа такси и пассажиром не возникает той необходимой субъективной юридической ситуации, которая состоит в формальной возможности для кредитора требовать от должника определенного поведения (предоставления) в свою пользу [5, с. 471]. Отсутствие долга и ответственности, обязательных элементов структуры обязательства, как со стороны пассажира, так и со стороны службы заказа такси, свидетельствуют о том, что между ними не возникло обязательственных отношений.

3. Служба заказа такси выступает фрахтовщиком. В соответствии с п. 2 ст. 2 ФЗ о такси служба заказа легкового такси выступает неким координационным центром, который должен предоставить информацию не только от лица, намеренного стать фрахтователем (пассажиром), лицу, имеющему намерение стать фрахтовщиком, но и наоборот. Исходя из фактических обстоятельств, служба заказа такси, получив информацию о пассажире (его место нахождения, пункт назначения), передает за вознаграждение данные сведения перевозчику. Перевозчик, принимая заказ, как бы покупает у службы заказа такси возможность перевезти пассажира. Тем самым фактические отношения порождают несколько правовых связей. С одной стороны, служба заказа такси выступает фрахтовщиком в отношениях с пассажиром. С другой стороны, служба заказа такси оказывает перевозчику услугу, связанную с передачей определенной информации. Рассматривая службу заказа такси в таком статусе, законодатель возлагает на неё функционал гаранта безопасности перевозки легковым такси. С этой целью ФЗ о такси устанавливает ряд требований как к самой службе заказа такси, а именно: необходимость включения в реестр службы заказа легкового такси (стст. 14, 15 ФЗ о такси), размещение соответствующей информации в сети Интернет (ч. 1 ст. 19 ФЗ о такси), а также к порядку передачи заказа перевозчикам службой заказа такси, взаимодействия с перевозчиками, (например, проверка сведений о разрешениях, содержащихся в региональном реестре перевозчиков легковым такси и региональном реестре легковых такси (пп. 7 п. 3 ст. 19 ФЗ о такси)), и пассажирами (ч. 3 ст. 19 ФЗ о такси).

4. Служба заказа такси является фрахтователем. В соответствии с п. 2 ст. 2 ФЗ о такси фрахтователем выступает пассажир легкового такси. Однако, такой подход не в полной мере соответствует конструкции договора фрахтования, предусмотренной ст. 797 ГК РФ. На основании данной нормы фрахтовщик предоставляет другой стороне – фрахтователю – вместимость транспортного средства с целью перемещения грузов, пассажиров, багажа. Уже из самой конструкции договора следует, что такие участники, как «пассажир», «фрахтовщик», «фрахтователь», являются разными лицами. При этом, как верно отмечает А.А. Ананьева, пассажир выступает именно тем лицом, в отношении которого должно быть произведено исполнение по договору [2, с. 22]. Г.В. Филимонов также подчеркивает то, что фрахтование, как правило, осуществляется не самим пассажиром, а иным лицом [8] (например, работодателем для перемещения своих работников к месту проведения работ).

Кроме того, исходя из содержания понятия «пассажир», закрепленного в ст. 100 ВЗК РФ, п. 12 ч. 1 ст. 2 УАТ РФ, ст. 2 УЖТ РФ, очевидно, что пассажир не может быть лицом, которое осуществляет фрахтование транспортного средства, т.к. пассажир – это физическое лицо, заключившее договор перевозки пассажира, либо физическое лицо, в целях перевозки которого заключен договор фрахтования транспортного средства (например, воздушного судна, т.е. воздушный чартер). Тем самым, действующее законодательство четко указывает на то, что **пассажир не может выступать фрахтователем. Фрахтователем является иное лицо, которое получает вместимость транспортного средства для перевозки пассажира.** Сказанное позволяет утверждать то, что лицо, которое получает услугу по перевозке, не является фрахтователем, а должно иметь статус пассажира, что и подразумевает ФЗ о такси.

Кроме того, в п. 6 ч. 3 ст. 19 ФЗ о такси зафиксирована обязанность службы заказа такси передавать перевозчику заказ легкового такси, т.е. обращение, содержащее информацию о намерении заключить публичный договор фрахтования легкового такси. При этом служба заказа такси также акцептует запрос конкретного перевозчика на осуществление перемещения конкретного пассажира по индивидуальному запросу последнего, т.е. выполняет функции, предусмотренные в ч. 1 ст. 31 УАТ РФ. Исходя из анализа обязанностей службы заказа такси (ст. 19 ФЗ о такси), служба заказа такси выполняет роль фрахтователя, получая вместимость транспортного средства для перевозки пассажира. Тем самым договор фрахтования заключается между фрахтовщиком, т.е. так называемым в ФЗ о такси «перевозчиком», и службой заказа такси. Учитывая то, что служба заказа такси отвечает за вред, причиненный пассажиру (ст. 29 ФЗ о такси), фактически определяет стоимость поездки, выступает гарантом безопасности пассажира (в ст. 19 ФЗ о такси предусмотрено, что именно служба заказа такси обязана следить за допуском самозанятых, ИП или работников ИП и юридических лиц к управлению легковым такси), служба заказа такси в большей степени соответствует роли перевозчика во взаимоотношениях с пассажиром.

Заключение. Исходя из выше изложенного, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, используемый в ФЗ о такси понятийный аппарат не позволяет квалифицировать отношения между участниками перевозки пассажира и багажа легковым такси. Следовательно, отсутствие выверенного понятийного аппарата не позволяет в полной мере отразить структуру общественных отношений [3, с. 14], возникающих при перевозке пассажиров и багажа легковым такси через те юридические конструкции, которые представлены в ФЗ о такси. В качестве примера можно привести названный в ФЗ о такси, УАТ РФ «публичный договор фрахтования» (п. 2 ст. 2, ч. 1 ст. 20 ФЗ о такси, ч. 1 ст. 31 УАТ РФ).

Наложение на службу заказа легкового такси указанных выше функций, а также применение отдельных понятий в ФЗ о такси (в частности, «фрахтовщик», «фрахтователь», «договор фрахтования»), свидетельствует

о необходимости более тщательного выверения правового статуса службы заказа такси. Фактически выстраиваемые отношения не соответствуют существующим конструкциям гражданско-правовых договоров, а в определенных аспектах даже противоречат действующему законодательству. Исходя из этого, отношения, рассматриваемые в ФЗ о такси, не могут быть однозначно квалифицированы, а, следовательно, определены пределы ответственности участников данных правоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. – Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. – М.: Статут, 2010. – 781 с.
2. Ананьева А.А. Правовое регулирование воздушного фрахтования. – Саратов: Наука, 2013. – 138 с.
3. Ананьева А.А. Очерк о юридических конструкциях в транспортном праве. – Саратов: Ай Пи Эр Медта, 2014. – 113 с.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 1055 с.
5. Дождев Д.Н. Римское частное право: учеб. для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2003. – 784 с.
6. Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. – М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. – 383 с.
7. Нарозников Н.К. К вопросу о правовой квалификации перевозки // Законы России. – 2009. – № 8. – С. 3–9.
8. Филимонов Г.В. Предмет договора фрахтования: теория и практика // Транспортное право. – 2021. – № 4. – С. 29–32.

Поступила 12.12.2024

LEGAL STATUS OF A TAXI ORDERING SERVICE IN ORGANISING THE CARRIAGE OF PASSENGERS AND LUGGAGE BY PASSENGER TAXI

M. BAZHINA, E. SHCHEKOKHIKHINA
(Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg)

The article is devoted to the problem of determining the legal status of taxi ordering service in the organisation of passenger and luggage transportation by passenger taxi. The authors point out the incorrect interpretation of the role of the participants of relations from the legal point of view, which prevents the distribution of rights and obligations between them, as well as the resolution of liability issues. The legal constructions given in the Federal Law on Taxi, which are similar in name to those that already exist in the current transport legislation, do not allow to fully define the status of taxi ordering service, because they do not coincide in terms of content and applied conceptual apparatus. In this connection requires a detailed study and definition of the role of taxi ordering service in the relations under consideration.

Keywords: carriage, carrier, charterer, charterer, passenger taxi, aggregator, passenger taxi ordering service.

УДК 342.5(438)

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-75-78

**ІДЭАЛОГІЯ САРМАТЫЗМУ І ЯЕ АДЛЮСТРАВАННЕ
Ў ДЗЯРЖАЎНЫМ ЛАДЗЕ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ****А.В. ВАЛЕЎКА***(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4258-8095>

У артыкуле разгледжаны асаблівасці дзяржаўнага ладу Рэчы Паспалітай; даследавана сутнасць ідэалогіі сарматызму і прычыны яе распаўсюджвання сярод шляхецкага саслоў'я; высветлена ступень уплыву асноўных палажэнняў ідэалогіі сарматызму на дзяржаўны лад Рэчы Паспалітай; зроблены высновы аб значэнні ідэалогіі сарматызму для «шляхецкай дэмакратыі Рэчы Паспалітай».

Ключавыя словы: Рэч Паспалітая, Вялікае Княства Літоўскае, ідэалогія сарматызму, шляхецкія вольнасці.

Уводзіны На працягу XVI – XVIII стст. адбываецца ўзмацненне працэсаў саслоўнай дыферэнцыяцыі грамадства Рэчы Паспалітай, закранаючы, у тым ліку, і ВКЛ. У выніку, асаблівае ўзвышэнне ў грамадскім і палітычным жыцці атрымлівае шляхта. Менавіта дасягненне ёю ўсёй паўнаты дзяржаўнай улады з'явілася галоўным фактарам асаблівасцей дзяржаўна-палітычнага ладу Рэчы Паспалітай. Існаванне паняцця выключнасці адносна правоў і свабод шляхецкага саслоў'я прывялі да з'яўлення ў навуковым асяроддзі падыходу, згодна з якім прывіляванае саслоў'е Рэчы Паспалітай мае назву «шляхецкая нацыя» [1, с. 77].

З другой паловы XVI ст. у Рэчы Паспалітай паміж шляхтай і кожным новым каралём перад яго элекцыяй заключалася спецыяльная дамова – так званая *pacta conventa*, якая вызначала канкрэтныя абавязкі новаабранага манарха і была своеасаблівым індывідуальным кантрактам. Разам з першым дакументам такога роду былі складзены і так званыя «Генрыхавы артыкулы» (назва ад імя першага элекцыянага караля Генрыха Валуа), у якіх выкладаліся асноўныя прынцыпы шляхецкай дзяржаўнасці. Яны абавязалі караля і вялікага князя прызнаваць вольную элекцыю манарха, забяспечваць рэлігійны мір, не вырашаць пытанняў вайны і міру без згоды сената і сойма, не праводзіць выбараў спадкаемцы пры сваім жыцці, склікаць ардынарны (звычайны) сойм кожныя два гады, а таксама прадугледжвалася магчымасць правядзення надзвычайных з'ездаў шляхты. Калі шляхта лічыла, што яе правы парушаюцца, то магла адмовіцца ад падпарадкавання каралю.

Асноўная частка Адным з найважнейшых складнікаў шляхецкай рэспубліканскай традыцыі была распаўсюджаная сярод шляхты ідэалогія сарматызму. Менавіта гэты комплекс ідэй выкарыстоўваўся з мэтай акрэсліць асаблівае месца шляхты ў грамадскай і дзяржаўнай сістэмах, а таксама апраўдваў тыя сродкі, якімі пануючае саслоў'е бараніла свае ўласныя інтарэсы. Ідэалогія сарматызму ў Рэчы Паспалітай грунтавалася на некалькіх крыніцах. Па-першае, назва «Сарматыя» адносна Усходнееўрапейскіх зямель ужывалася з часоў Старажытнай Грэцыі і выкарыстоўвалася таксама ў Сярэднявеччы. У заходнееўрапейскім уяўленні доўгі час з сарматамі атаясамліваліся некаторыя славянскія народы. У сваім класічным сэнсе паняцце «сарматызм» сфарміравалася ў апошняй чвэрці XVI ст. [10, с. 552] Яно набыло саслоўную афарбоўку і стала ўжывацца для абазначэння стылю жыцця і спосабу мыслення шляхты Рэчы Паспалітай, укаранілася ў свядомасці шляхецкага грамадства як увасабленне пачуцця яго саслоўнай і грамадскай выключнасці [6, с. 6]. Гэта паняцце, звязанае з уяўленнем аб шляхецкай дэмакратыі як найбольш дасканалым палітычным ладзе, замацавалася ва ўрачыстай і паўсядзённай лексіцы. У палітычных творах тэрмін «сармат» выкарыстоўваўся нароўні з назвамі «паляк» альбо «літвін» [4, с. 8].

Згодна з пануючымі поглядамі, нашчадкамі сармацкіх народаў лічылася шляхта, як польская, так і «літоўская і руска» – гэта значыць, адзіны палітычны народ: шляхта Рэчы Паспалітай. Такім чынам з гэтага народу выключаліся мяшчане і, зразумела, сяляне. Характэрнае для сармацкай ментальнасці разуменне выключнасці шляхты выдатна адлюстроўвае выказванне аднаго з тагачасных аўтараў: «чалавек шляхецкага паходжання з прыроды і крыві сваёй узвышаецца над простымі людзьмі, таму што ён да дэмакратыі і розуму найбольш здольны» [3, с. 171]. Такая гіпербалізаваная павага да свайго стану (саслоўя) набывала часам амаль карыкатурныя формы.

Разам з тым трэба адзначыць, што ідэя сарматызму была прывабнай, у асноўным, для сярэдняй і часткі дробнай шляхты. Магнатэрыя, як найбольш адукаваная частка тагачаснага грамадства, не захаплялася сармацкім міфам, яе звычайкі насілі больш касмапалітычны характар, хоць прадстаўнікі гэтага стану і ўдастойваліся гromкіх прозвішчаў, напрыклад Юры Радзівіл зваўся «сармацкім Геркулесам» [4, с. 9]. Набліжэнне ВКЛ меў таксама сваю легенду аб паходжанні ад старажытных знатных рымлян, якія на чале з Палемоном прыбылі на тэрыторыю Літвы [3, с. 173]. У той час, беларуска-украінская арыстакратыя атаясамлівала сябе з нашчадкамі Рурыкавічаў.

Ва ўяўленні грамадскай свядомасці іншыя славяне таксама належалі да сарматаў, але галоўнай сармацкай дзяржавай лічылася Рэч Паспалітая. Маскоўскую дзяржаву залічалі да Сарматыі ў залежнасці ад знешнепалітычнай кан'юнктуры. У час першага бескаралеўя прыхільнікі маскоўскай кандыдатуры на польскі трон падкрэслівалі магчымасць аб'яднання ў адзіную дзяржаву абедзвюх Сарматыі (Еўрапейскай і Азіяцкай). Напрыклад, у пачатку XVII ст. міф пра сарматаў выкарыстоўваўся ў якасці ідэалагічнага падмурку для экспансіі на Усходнія землі, якія быццам бы належалі ў старажытнасці сарматам – продкам палякаў.

Увогуле знешнепалітычнае становішча Рэчы Паспалітай у пачатку XVII ст. (ваенныя канфлікты з неката-ліцкімі краінамі: мусульманскай Турцыяй, пратэстанцкай Швецыяй, праваслаўнай Маскоўскай дзяржавай) спры-яла наданню сармацкай ідэалогіі элементаў місіянерства, уяўленню аб Рэчы Паспалітай як апоры каталіцтва. У выніку гэтага шматлікая шляхта Рэчы Паспалітай лічыла сябе Богам абраным народам, які здолеў, між іншым, стварыць дасканалую дзяржаўную сістэму, якая магла гарантаваць шляхецкія правы і вольнасці.

Інтэграцыйныя працэсы ў асяроддзі шляхты (асабліва сярэдняй), развіццю якіх спрыялі агульныя прывілеі шляхецкаму стану, удзел у адзіных формах палітычнага жыцця (ад соймаў да вайсковых канфедэрацый), уніфі-кацыя школьнай сярэдняй адукацыі, здзейсненай з дапамогай каталіцкага Ордэну іезуітаў, прыводзілі да фармі-равання адзінай ідэалогіі і, нават, стылю жыцця [6, с. 78]. Большая частка шляхты прытрымлівалася адных і тых жа рэлігійных перакананняў, вызнавала тыя ж палітычныя і грамадскія погляды, цытавала тых жа аўтараў, карыс-талася тымі ж цытатамі [3, с. 153]. З цягам часу склаўся ўзорны вобраз сапраўднага шляхціча-сармата: патрыёта сваёй Айчыны і свайго стану, добрага рыцара, які ўвасабляў традыцыі старажытных сарматаў, красамоўнага ара-тара на соймах і соймаках, які выступаў у абарону шляхецкіх вольнасцей, асобы, здольнай узняцца над уласнымі інтарэсамі дзеля агульнай карысці [6, с. 77]. У духу свайго часу, нават у паўсядзённым жыцці, шляхта, згодна з прынцыпамі ідэалогіі сарматызму, выказвалася напышліва і патэтычна, вельмі часта ўжываючы польскія словы разам з лацінскімі. Пазней вельмі іранічна пісаў пра гэта М. Сарбеўскі: «У іншых красамоўства знаходзіць сабе месца ў кніжках, у нас пануе на сходах, на сеймах... Празмернае, аднак, замілаванне і схільнасць да красамоўства прыводзіць іх... часта да амаль дзіцячай гаварлівасці. Пры калысцы і пры катафалку, пры стале і пры шлюбе – заўсёды выглашаюць прамовы... Дваране сваіх паноў, якія вяртаюцца з горада, вітаюць прамовамі, быццам тыя з Індыі прыбылі» [3, с. 156]. Палітычны ідэал сарматызму – дзяржаўны традыцыяналізм, кансерватызм («нічога новага»), непрыманне абсалютызму. Добры сармацкі манарх – гэта ўраджэнец Рэчы Паспалітай, якога ў першую чаргу цікавяць справы вайсковыя, а ўжо потым мастацтва і рэлігія, які апранаецца ў польскі строй, а не ў інша-земнае адзенне, і павінен дбаць аб збераганні шляхецкіх прывілеяў і вольнасцей. Ідэальныя рысы караля-сармата ўвасобіў Ян III Сабескі (1674–1696). Усхваленне даўніх правоў і звычаяў, перакананне ў сваёй культурнай, палі-тычнай і нацыянальнай выключнасці спрыялі фарміраванню ўяўлення аб нацыянальных рысах «сармацкага» характару – гасціннасці, шчырасці, годнасці, а галоўнае – любові да свабоды.

Між тым у дзяржаве меліся і крытыкі ідэі сарматызму. Напрыклад, пісьменнік Сымон Старавольскі, аўтар кнігі «Сармацкія помнікі», выдадзенай у Кракаве ў 1655 г., пісаў аб шляхецкай фанатэрыі наступнае: «... згадва-юць старажытныя нашыя роды, быццам перад рымлянамі і нават самімі персамі над светам панавалі... тым больш зараз, калі нас бунт казацкі знішчыў і Масквіцін трымае за фалды» [3, с. 156].

Яшчэ адной адметнай рысай шляхецкага ладу Рэчы Паспалітай была роўнасць усіх прадстаўнікоў шляхты. Як адзначаў С. Кутшэба, гэта было абумоўлена адначасовым існаваннем напрацягу некаторага часу паніцця роду і новаўтворанага паніцця «шляхта» [5, с. 59]. Пасля прыняцця гербаў (што азначала прыняцце ў кола шляхты) радавыя сувязі толькі ўзмацніліся. Такім чынам, у склад шляхты ўваходзілі цэлыя роды, а не асабістыя людзі і іх блізкія родныя, шляхецкія правы і прывілеі атрымлівалі эканамічна і грамадска слабыя людзі, адзінай апорай якіх была прыналежнасць да таго ці іншага роду. Шляхцічам нават не абавязкова было мець зямлю, каб атрымаць тытул.

У палітычна-прававым кампаненце ідэалогія сарматызму знаходзіла сваё ўвасабленне ў канцэпцыі «зала-той шляхецкай вольнасці». Галоўнымі з гэтых вольнасцей лічыліся роўнасць ўсіх шляхцічаў перад законам, права на свабодную элекцыю караля, права кожнага шляхціча на свабоду голасу, права на пратэст, а таксама недаты-кальнасць асобы шляхціча і яго маёнтку (з 1588 г. шляхецкія сядзібы былі абаронены ад усялякіх рэвізій) [2, с. 353]. Фармальна правы шляхты мелі абсалютны характар. Вольнасці маглі абмежаваць толькі пастановы сойма і сой-мікаў, аднак, улічваючы, што яны прымаўся той самай шляхтай, можна зрабіць выснову аб вельмі нізкай магчы-масці прыняцця такіх актаў. У той час, як без згоды шляхецкіх паслоў кароль і вялікі князь не меў права ні накла-даць падаткі, ні збіраць паспалітае рушанне ці пачынаць вайну, ні выдаваць якія-небудзь іншыя прававыя акты, што тычыліся б шляхты.

Яшчэ адной важнай характарыстыкай шляхецкай дэмакратыі, якая ўвасабляла палітыка-прававыя прын-цыпы ідэалогіі сарматызму, з'яўлялася права на стварэнне канфедэрацый [8, с. 36]. На працягу XVII ст. канфедэ-рацыі збіраліся ў Рэчы Паспалітай дзясяткі разоў – альбо ў якасці бунту супраць манарха і дасягнення сваіх патра-баванняў, ці, наадварот, для яго падтрымкі. Канфедэрацыя магла існаваць у форме рокашу і з'яўлялася афіцыйнай формай узброенай барацьбы супраць дзяржаўнай улады. Дамагаючыся сваіх палітычных мэтаў, канфедэрацыі ўцягвалі ў дзяржаўнае жыццё шырокія колы шляхты і войска. А магнаты, апрача мноства службылай шляхты, мелі прыватныя вайсковыя адзінкі, часам, мацнейшыя за дзяржаўную армію. Напрыклад, слуцкі князь Геранім Фла-рыян Радзівіл (1715–1760) трымаў каля шасці тысяч рэгулярнага войска і такую ж колькасць казакоў ды стралкоў. У мэтах падрыхтоўкі афіцэрскіх кадраў для сваёй прыватнай арміі Радзівілы нават адкрылі ў Слуцку і Нясвіжы спецыяльныя кадэцкія карпусы, а гетманам Міхаілам Казімірам Радзівілам у Нясвіжы была заснавана ўласная вайсковая акадэмія. Наяўнасць такой сілы ў алігархаў фактычна вяла да дэцэнтралізацыі дзяржаўнай улады і небяспечнага ўкаранення палітычнай анархіі ў Рэчы Паспалітай [9, с. 304–305].

Тым не менш, тагачасная сістэма ўяўлялася шляхтай як самая дасканалая і кожная спроба нешта змяніць успрымалася як імкненне да дыктатуры. Самым вядомым ідэолагам канцэпцыі «залатой вольнасці» і ідэалогіі сарматызму ўвогуле стаў львоўскі кашталян Анджэй Максімільян Фрэдра (1620–1679), які ў 1660-х гг. выдаў

некалькі трактатаў, абараняючых існуючы лад [7, с. 133]. Напрыклад, абгрунтоўваючы перавагі традыцыйнага для Рэчы Паспалітай прынцыпу адзінагалоснага прыняцця пастановаў (*liberum veto*), ён пісаў, што ў адваротным выпадку, калі б рашэнні прымаліся большасцю галасоў, мноства горшых пераважыла б над меншасцю лепшых, і для краіны гэта прынесла б значна большыя шкоды [7, с. 134]. Між тым, нягледзячы на ўсе спробы абяліць існуючую сістэму, на практыцы ідэі сарматызму і шляхецкай вольнасці мелі самыя негатыўныя наступствы, непасрэдна ўплываючы на паслабленне дзяржавы, якое заканамерна скончылася падзеламі яе тэрыторыі.

На тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага склалася асаблівая сітуацыя. Справа ў тым, што магнаты там заўсёды мелі перавагу над астатняй шляхтай. У аслабленай войнамі дзяржаве першыя роды Літвы і Беларусі вялі зацятую барацьбу за гегемонію ў краіне. Кожны з іх быў супраць цэнтралізацыі і ўмацавання ўлады манарха, бо ўніфікацыя палітычнай сістэмы Княства паводле кароннага ўзору азначала б дэмакратызацыю парадкаў і страту магнатамі іх ранейшай улады. Багатыя магнацкія роды часта складалі апазіцыю каралеўскай уладзе. Звычайна кароль падтрымліваў адзін з родаў, які супрацьстаяў апазіцыйнаму. Напрыклад, Ян II Казімір у супрацьстаянні ўплывам Радзівілаў абаяўся спачатку на падтрымку Гасеўскіх, а потым Пацаў [9, с. 307]. Калі ж у дзяржаве найбольшы ўплыў атрымалі Пацы, наступны кароль Ян III Сабескі выставіў супраць іх Сапегаў. Нягледзячы на гэта, кожны вялікі магнацкі род, падтрыманы манархам, пасля атрымання ўлады сам становіўся ў апазіцыю.

Заклучэнне Такім чынам, распаўсюджанне ідэалогіі сарматызму вяло, з аднаго боку, да кансалідацыі шляхецкага саслоў'я, у значнай ступені павышаючы ўзровень яго палітычнай культуры, з другога – злоўжыванне шляхтай сваімі правамі вяло да заняпаду дзяржавы і поўнага яе знікнення. Атрымаўшы са згоды манарха ўсемагчымы прывілеі і пануючы стан па-над усім грамадствам, шляхта як саслоўе пачала перажываць апатыю і паступова выраджалася. Да агульнага ўнутранага бязладдзя дадаваўся падтрыманы ідэалогіяй сарматызму партыкулярызм, які паралізоўваў дзейнасць палітычных устаноў Рэчы Паспалітай. У сукупнасці з іншымі фактарамі шырокае распаўсюджанне палітычна-прававых прынцыпаў ідэалогіі сарматызму прывяло Рэч Паспалітую ў стан непераадольнага крызісу, які, урэшце, скончыўся стратай суверэнітэту.

ЛІТАРАТУРА

1. Вішнеўскі А.Ф., Вішнеўская І.У. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. – Мінск: Тетра-Сістэмс, 2005. – 192 с.
2. Вольнасці шляхецкія // Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. – Мінск: БелЭН імя П. Броўкі, 2005. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – С. 353.
3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.). – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII – XVIII ст.) / Ю. Бохан і інш. – 2007. – 344 с.
4. Климуть Л.Я. Сармацкая ідэалогія на беларускіх землях Рэчы Паспалітай // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2012. – № 2. – С. 7–11.
5. Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / Пер. с польск. и вступ. ст. Н.В. Ястребов. – СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1907. – 231 с.
6. Лесинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой / РАН, Ин-т славяноведения. – М., 2002. – 178 с.
7. Мерджа Я.А. Анджей Максимилиан Фредро о Liberum Veto // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2015. – Вып. 1. – С. 132–138.
8. Пазднякоў В. Канфедэрацыя // Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. – Мінск: БелЭН імя П. Броўкі, 2005. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – С. 36–37.
9. Сагановіч Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. – 412 с.
10. Сарматызм // Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. – Мінск: БелЭН імя П. Броўкі, 2005. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – С. 552–553.

Паступіў 04.11.2024

ИДЕОЛОГИЯ САРМАТИЗМА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

А.В. ВАЛЕВКО

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье рассмотрены особенности государственного устройства Речи Посполитой; исследована сущность идеологии сарматизма и причины её распространения среди шляхетского сословия; выявлена степень влияния основных положений идеологии сарматизма на государственное устройство Речи Посполитой; сделан вывод о значении идеологии сарматизма для «шляхетской демократии Речи Посполитой».

Ключевые слова: Речь Посполитая, Великое Княжество Литовское, идеология сарматизма, шляхетские вольности.

**THE IDEOLOGY OF SARMATISM AND ITS REFLECTION
IN THE STATE ORDER OF THINGS OF THE COMMONWEALTH**

A. VALEVKO

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines the peculiarities of the state system of the Commonwealth of Nations; the essence of the ideology of Sarmatism and the reasons for its spread among the nobility were investigated; the degree of influence of the main provisions of the ideology of Sarmatism on the state system of the Polish-Lithuanian Commonwealth is clarified; conclusions were made about the importance of the ideology of Sarmatism for the "noble democracy of the Polish-Lithuanian Commonwealth".

Keywords: *Commonwealth, Grand Duchy of Lithuania, ideology of Sarmatism, noble liberties.*

УДК 341/342.7

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-79-84

НАИЛУЧШИЙ ИНТЕРЕС РЕБЕНКА КАК ТОЛКОВАТЕЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП

В.В. ДОРИНА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1874-2435>

Статья посвящена исследованию одного из элементов концепции обеспечения наилучшего интереса ребенка. Наилучший интерес рассматривается как толковательный правовой принцип. Проанализировав Замечания общего порядка Комитета по правам ребенка к Конвенции о правах ребенка 1989 г., относящиеся к обеспечению наилучшего интереса ребенка (п. 1 ст. 3), практику международных судебных органов, отечественную и зарубежную правовую доктрину, автор предпринимает попытку определить место исследуемого принципа в системе принципов права. Рассматриваются субъекты толкования, а также элементы, подлежащие оценке при толковании права с точки зрения наилучших интересов ребенка. Делается вывод, что принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка можно отнести к специальному принципу права прав человека, особенность которого заключается в применимости только к детям и ни к какой другой категории.

Ключевые слова: права ребенка, наилучший интерес ребенка, принцип права, толкование права, права человека.

Введение. Конвенция о правах ребенка 1989 г. (далее – Конвенция) является, несомненно, одним из наиболее известных международных договоров. Вопрос реализации и защиты прав детей во всем мире всегда актуален в связи с уязвимостью положения детей и необходимостью особого внимания к ним со стороны государства. Конвенция закрепляет основные права детей, а также принципы, на основе которых эти права должны реализовываться. Среди всех принципов особое внимание уделяется принципу обеспечения наилучших интересов ребенка. Особенность данного принципа не только в том, что он по праву считается одним из основных принципов Конвенции (*general principle*), но и в том, что в дальнейшем, при опубликовании Комитетом по правам ребенка ООН (далее – Комитет) Замечаний общего порядка № 14 к Конвенции о правах ребенка (далее – ЗОП № 14), наилучший интерес ребенка стал рассматриваться как триединая концепция. И если исследованию различных прав ребенка, закрепленных Конвенцией, посвящено множество работ как зарубежных, так и отечественных исследователей, то принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка изучен недостаточно, а наилучший интерес как триединая концепция и вовсе практически не исследован.

Говоря об исследованиях в области прав человека, из белорусских ученых следует отметить работы Л.В. Павловой, посвященные правам человека в целом, а также специальным принципам права прав человека [1]. Становлению международного механизма защиты прав ребенка, истории принятия Конвенции о правах ребенка и в целом защите прав детей посвящены работы белорусского ученого О.М. Старовойтова¹. Из наиболее значимых исследований принципа наилучшего интереса ребенка можно отметить работы В.Л. Кабанова², российского ученого, который занимался вопросом реализации принципа наилучшего интереса ребенка в международном праве. Однако он лишь вскользь упоминает наилучший интерес как триединую концепцию. Из зарубежных авторов следует отметить британского ученого М. Фримана, который непосредственно уделяет внимание отдельным статьям Конвенции и особенно п. 1 ст. 3, закрепляющему обеспечение наилучших интересов ребенка [2]. Но, несмотря на достаточно глубокое исследование принципа обеспечения наилучших интересов ребенка, работы М. Фримана выходили раньше опубликования ЗОП № 14, которые впервые рассмотрели наилучшие интересы ребенка как триединую концепцию.

Таким образом, отметим, что исследуемый принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка изучен недостаточно, особенно с точки зрения определения его как части триединой концепции. В рамках данной статьи остановимся на исследовании второго элемента концепции обеспечения наилучших интересов ребенка и рассмотрим наилучший интерес как толковательный правовой принцип.

Основная часть. При применении права необходимо четко понимать смысл реализуемых норм: только в таком случае можно говорить об эффективности правоприменения. В теории права и уяснение для себя требований норм как внутренний интеллектуальный процесс, и разъяснение их как выражение воле своих заключений чаще всего объединяют одним понятием – «толкование права» [3, с. 442]. Действительно, выбор той или иной нормы уже означает её понимание, однако если норма неоднозначна, если возникает коллизия между нормами, имеются пробелы, – необходимо обратиться к толкованию права. Если говорить о толковании как о внутреннем интеллектуальном процессе, то в итоге мы увидим, как субъект истолковал норму для себя, насколько осознал суть и как будет применять её для себя в будущем, то есть речь идет об уяснении нормы. Если толкование имеет значение для третьих лиц, здесь от субъекта толкования требуется разъяснение нормы в виде специального акта.

¹ Старовойтов, О.М. Международно-правовая защита прав ребенка: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.10. – Минск, 2004. – 123 л.

² Кабанов В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. – М., 2019. – 407 л.

Однако, по мнению российского ученого В.С. Нерсесянца [3, с. 443], нельзя представить себе, чтобы разъяснение могло последовать без уяснения права. С другой стороны, трудно рассматривать уяснение как самоцель, – оно также выражается вовне в каких-то актах или действиях. В этом видится единство уяснения и разъяснения права: и то, и другое призвано обеспечить правильное осуществление правовых норм.

Таким образом, толкование права призвано разъяснить норму, особенно это актуально, если имеются коллизии между нормами, либо норма является общей или абстрактной, смысл которой до конца не ясен.

Толкование права основывается на определенных принципах. При толковании нормы необходимо руководствоваться как общими принципами права, так и специальными, относящимися к определенной отрасли права, а также принципами толкования. В самом общем смысле принципы – это основополагающие идеи, своего рода «остов» правоприменительной деятельности, служащий ориентиром для применения норм права, а также основой для толкования норм. Под принципами права следует понимать правовые нормы общего характера, обладающие высоким уровнем абстракции, отражающие такие сущностные свойства права, как свобода, формальное равенство и справедливость. Принципы права находят свое выражение в более конкретных нормах, обеспечивая правовой характер законодательства [4, с. 10]. К ним традиционно относят принцип верховенства права, гуманизма, равноправия, законности. Следующая группа принципов, применяемых при толковании норм – отраслевые принципы, в данном случае принципы права прав человека. К ним можно отнести принцип универсальности, принцип недискриминации, принцип ответственности за нарушение прав и свобод человека [1, с. 58].

Российский исследователь Д.А. Гаврилов принципы правоприменительного толкования предлагает рассматривать как основополагающие идеи, определяющие содержание и результаты процесса толкования норм права в связи с их применением³. Используя эти принципы, раскрывается истинная воля законодателя, правоприменитель упорядочивает информацию и расширяет, либо сужает, горизонты возможного понимания норм. В диссертационном исследовании, посвященном принципам толкования права, Д.А. Гаврилов предлагает относить к таким принципы а) объективности; б) беспристрастности; в) полноту использования приёмов и способов толкования; г) гуманизма; д) формализованность; е) ясность; ж) обоснованность; з) убедительность; и) ответственность за его правильное осуществление; к) законность⁴. Следует согласиться, что перечисленные принципы вполне отвечают требованиям толкования и могут применяться совместно с общими принципами права, а также отраслевыми, специальными принципами при толковании норм определенной отрасли. Следует ещё раз подчеркнуть, что лишь использование всех принципов в совокупности позволит осуществить качественное толкование правовых норм.

Возвращаясь к исследуемому вопросу, отметим, что Комитет при толковании прав ребенка, провозглашенных Конвенцией, предписывает использовать в качестве приоритетных в деятельности органов исполнительной, законодательной и судебной власти всех уровней принципы недискриминация (ст. 2), право ребенка на жизнь, выживание и развитие (ст. 6), уважение к взглядам ребенка (ст. 12), а также принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка (ст. 3, п. 12)⁵. Именно эти четыре положения Комитет обозначил как «основные принципы», которые необходимо учитывать при толковании всех статей Конвенции.

Факт, что обеспечение наилучшего интереса ребенка является толковательным принципом, не вызывает сомнений. Это подтверждают и ЗОП № 14. Рассматривая обеспечение наилучшего интереса ребенка как концепцию, ЗОП №14 указывают на то, что вторым её элементом является обеспечение наилучших интересов ребенка как *основополагающий толковательный правовой принцип* (п. 6 б)⁶. Если возможны разные толкования того или иного юридического положения, следует опираться на то толкование, которое наиболее эффективным образом отвечает наилучшим интересам ребенка.

Следует отметить, что принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка можно отнести к специальному принципу права прав человека, однако стоит учесть, что в международных актах исследуемый принцип упоминается только в отношении детей, а значит применим только к детям и ни к какой другой категории.

Таким образом, применительно к правам ребенка, помимо общих принципов права, принципов права прав человека, толкования, следует применять и специальные принципы, имеющие отношения к детям, так называемые «основные принципы Конвенции о правах ребенка», наиважнейшим из которых будет принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка. Стоит уточнить, что закреплённые в Конвенции как права, так и принципы равнозначны, должны применяться в совокупности, однако только наилучшее обеспечение интересов ребенка раскрывается как триединая концепция и, несмотря на равенство всех положений Конвенции, именно с позиций наилучшего интереса ребенка следует рассматривать все остальные её положения, в том числе положения, названные общими принципами Конвенции. Некоторые авторы отмечают, что Комитет склонен рассматривать Конвенцию как комплексный набор прав с принципом обеспечения наилучших интересов в качестве всеобъемлющего [5, с. 3].

³ Гаврилов Д.А. Правоприменительное толкование: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Волгоград, 2000. – 235 л. – Л. 125.

⁴ Там же. – Л. 126.

⁵ Замечание общего порядка № 5: общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка (стст. 4, 42 и п. 6 ст. 44 Конвенции о правах ребенка), 27 ноября 2003 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPrICAqhKb7yhsiQql8gX5Zxh0cQqSRzx6Zd2%2FQRsDnCTcaruSeZhPr2vUBcDzXTs%2BKduIvu5N%2BHg04BxLNmOHuvnq2wiSJLVITOY0Ndda5UQ6R%2BHtSKsk8ze>

⁶ Замечание общего порядка № 14: о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка), 29 мая 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html>.

Конвенция о правах ребенка указывает на субъекты толкования, которые должны опираться на принцип наилучшего интереса при применении права. Пункт 1 статьи 3 перечисляет такие субъекты: «Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка»⁷. Следовательно, субъектами толкования выступают, во-первых, государственные и частные учреждения, занимающиеся вопросами социального обеспечения. Это все учреждения, деятельность которых, так или иначе, сказывается на детях (например, учреждения образования, юристы, психологи, медиаторы, медицинские работники и др.). Согласно ЗОП №14 (п. 26) в число таких учреждений входят не только те, которые связаны с осуществлением экономических, социальных и культурных прав (например, деятельность по уходу, охрана здоровья, охрана окружающей среды, образование, предпринимательство, досуг и игры и пр.), но и учреждения, занимающиеся осуществлением гражданских прав и свобод (например, регистрация рождений, защита от насилия в любых ситуациях и пр.). В качестве частных учреждений, занимающихся вопросами социального обеспечения, можно отметить организации (коммерческие и некоммерческие), которые занимаются оказанием услуг, имеющих ключевое значение для реализации детьми своих прав, и действуют от имени государственных органов или параллельно с ними в качестве альтернативных служб. Во-вторых, субъектами толкования выступают административные органы. К ним относятся государственные органы разных уровней, принимающие решения, касающиеся образования, ухода, охраны здоровья, охраны окружающей среды, условий жизни, защиты, предоставления убежища, иммиграции, предоставления гражданства и т.п. В-третьих, – законодательные органы. Комитет определяет, что при принятии любого закона или нормы, а также при заключении коллективных соглашений, например, двусторонних или многосторонних договоров о торговле или мирных договоров, которые затрагивают детей, следует руководствоваться наилучшими интересами ребенка (п. 31). Четвертый субъект толкования – суды. Под судами подразумеваются судебные органы всех уровней инстанций и разного вида судопроизводства, сюда относятся и примирение, и посредничество, и арбитраж. Например, в контексте уголовного правосудия, Комитет подчеркивает (п. 28), что традиционные цели уголовного правосудия, такие как пресечение/наказание, должны уступать место реабилитации и исправительным целям правосудия в отношении детей-правонарушителей. В рамках гражданского судопроизводства суды должны обеспечивать принятие во внимание наилучших интересов ребенка в ситуациях, связанных с процедурой усыновления или развода, вопросами опеки, местожительства, поддержания контактов или другими вопросами, которые имеют важное значение для жизни и развития ребенка.

Наилучшее обеспечение интересов ребенка в качестве принципа основано на оценке и определении всех элементов, отражающих интересы ребенка или детей в конкретных обстоятельствах. Однако, какие элементы стоит принимать во внимание, а какие нет? Не будет ли правоприменитель злоупотреблять положением при их оценке или определять наилучший интерес, исходя из своего видения проблемы? Применение данного принципа связано с рядом проблем в силу неопределенности его содержания, варьирующегося в зависимости от каждого отдельного случая. С одной стороны, это определяет его гибкость, что позволяет адаптироваться к особым обстоятельствам и положению каждого ребенка. С другой – вызывает определенные трудности: насколько решение или действие будет соответствовать принципу обеспечения наилучших интересов ребенка при свободе выбора одних элементов, определяющих наилучший интерес, в ущерб другим.

В литературе принцип обеспечения наилучших интересов ребенка подвергался критике. Например, беспокойство вызывал вопрос о том, какой критерий необходимо использовать при определении того, что является наилучшими интересами ребенка. Одни отмечали, что его нельзя отнести к жизнеспособному стандарту, потому что он слишком трудно соотносится с культурными традициями или социальными реалиями⁸. Принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка должен быть основан на оценке всех элементов, отражающих интересы ребенка или детей в конкретных обстоятельствах. Например, в государствах с высоким уровнем бедности (страны Африки южнее Сахары, Камбоджа, Бангладеш, Пакистан, Афганистан, Сирия и др.) зачастую малолетние дети вынуждены работать, чтобы обеспечить себе минимальный уровень жизни, питание, одежду. В то же время детский труд запрещен многими международными и национальными правовыми актами. Детский труд мешает реализации права на образование, здоровье, развитие и др. прав, однако зачастую только благодаря работе ребенок может реализовать свое право на жизнь. В данном случае, к сожалению, наилучший интерес ребенка выглядит не так возвышенно, как предполагалось. Именно поэтому необходимо использовать перечень элементов, которые были бы универсальны, однако не жестко регламентированы.

Комитет по правам ребенка в Замечаниях общего порядка предложил составить неисчерпывающий, несоподчиненный перечень элементов, которые могли бы рассматриваться при проведении оценки наилучших интересов любым лицом, ответственным за принятие решений, которому предстоит определять наилучшие интересы ребенка (п. 15–21)⁹. Перечень является открытым, что предоставляет возможность добавлять новые элементы, которые отвечают каждой конкретной ситуации, либо исключать предложенные, не отвечающие наилучшему интересу в отдельном случае.

⁷ Там же

⁸ Титова Т.А. Конвенция о правах ребенка в системе общей регламентации прав человека: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Екатеринбург, 2000. – 181 л. – Л. 58.

⁹ URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html>.

К таким элементам Комитет предложил отнести следующие:

- взгляды ребенка;
- индивидуальность ребенка;
- сохранение семейного окружения и поддержание отношений;
- попечение, защита и безопасность ребенка;
- уязвимое положение;
- право на здоровье;
- право ребенка на образование.

Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений, составными элементами обеспечения наилучшего интереса ребенка видят защиту, гармоничное развитие и право на участие¹⁰. В некоторых государствах считают, что концепция наилучшего интереса не требует разъяснений, национальное законодательство других, наоборот, разъясняет содержание элементов, определенных в вышеупомянутых Руководящих принципах¹¹. Например, в Южной Африке это осуществляется через Закон о детях 2005 г., который определяет элементами наилучшего интереса характер отношений между родителями, между родителями и детьми, способность родителей удовлетворять умственные и духовные потребности и др.¹². В любом случае, независимо от подхода, которого придерживается государство, основной целью является обеспечение наилучшего интереса ребенка.

При применении каждого элемента должны приниматься во внимание индивидуальные особенности ребенка. К ним относятся, в первую очередь, возраст, пол, степень зрелости, опыт, принадлежность к тому или иному меньшинству, наличие физических, сенсорных или интеллектуальных нарушений. Важное значение имеет и социокультурная среда, в которой находится ребенок или дети (например, наличие или отсутствие родителей, проживание ребенка совместно с ними или отдельно от них, качеством отношений между ребенком и членами его семьи или попечителями и др.). В данном случае принцип обеспечения наилучшего интереса выступает в увязке с принципом недискриминации. В силу каких-либо обстоятельств на принятие решения не должно влиять происхождение, раса, пол или социально-экономическое положение ребенка.

Американский портал Child Welfare Information Gateway, посвященный вопросам благосостояния детей, основываясь на законодательстве штатов приводит пример факторов, которые не должны учитываться при определении наилучшего интереса. Так, в штате Коннектикут при определении наилучшего интереса ребенка не должны учитываться социально-экономический статус родителей, а в Айдахо запрещена дискриминация по признаку инвалидности одного из родителей. В Калифорнии и Айове при определении наилучшего интереса для индейских детей необходимо предусмотреть шаги по сохранению уникальной племенной культуры и ценностей¹³. Отметим, что США не ратифицировали Конвенцию о правах ребенка, что не мешает им использовать принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка на практике.

Важным моментом при принятии решений является и тот факт, что наилучший интерес не всегда является интересом одного ребенка. Соответственно, при определении наилучших интересов государства-участники обязаны принимать во внимание не только индивидуальную ситуацию каждого ребенка, но и интересы детей как целой группы (п. 72)¹⁴. В таком случае, при определении наилучшего интереса группы детей, следует руководствоваться теми же элементами, что и при принятии решения относительно одного ребенка. При использовании принципа наилучшего интереса правоприменитель всегда должен помнить о балансе интересов ребенка с другими субъектами права. В данном случае возможно столкновение интересов ребенка и других детей, ребенка и родителей, а также ребенка и всего общества [5, с. 6]. Например, при росте количества детей растет нагрузка на школы, расположенные в густонаселенных районах. Для образовательного процесса возможно организовать обучение в две смены, либо распределить детей в школы, находящиеся вдалеке от дома. Необходимо взвесить, что будет соответствовать наилучшему интересу ребенка – учить в одну смену часть детей, а другим добираться до школы дольше, либо учиться в две смены.

Если говорить о столкновении интересов ребенка и родителей или опекунов, то следует учесть, что родители отвечают за ребенка и определяют, что для него является наилучшим. Эта позиция противоречит самому духу Конвенции, которая явно поддерживает семью (предполагается, что родительская ответственность будет осуществляться в наилучших интересах ребенка (ст. 18), но в конечном итоге стоит на стороне ребенка, например, в случаях насилия в семье. Когда выживанию или развитию ребенка угрожают его родители или опекуны, очевидно, что отделение от них отвечает наилучшим интересам ребенка (ст. 9). В пример можно привести дело В. против Испании¹⁵, касающееся транссексуала, который подал жалобу на ограничение его доступа к ребенку. В этом деле Европейский

¹⁰ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/guidelines_justice_inv_child.shtml.

¹¹ Справочник для специалистов и должностных лиц по вопросам правосудия в делах, связанных с участием детей – жертв и свидетелей преступлений // Управление ООН по наркотикам и преступности. – Нью-Йорк, 2010. – 156 с. С.5.

¹² Children's Act, 2005 [Electronic resource] – URL: <https://www.justice.gov.za/legislation/acts/2005-038%20childrensact.pdf>.

¹³ URL: https://www.childwelfare.gov/pubPDFs/best_interest.pdf.

¹⁴ Замечание общего порядка № 12: право ребенка быть заслушанным (ст. 12 Конвенции о правах ребенка), 20 июля 2009 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.refworld.org/ru/category_LEGAL_GENERAL_4ae562d52.0.html.

¹⁵ Case P.V. v Spain (Application no. 35159/09) [Electronic resource]. – URL: <file:///C:/Users/37533/Downloads/Chamber%20Judgment%20P.V.%20v.%20Spain%2030.11.2010.pdf>.

Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) установил, что закон имел довольно расплывчатые формулировки и фактически национальные власти достаточно эффективно использовали наилучшие интересы ребенка как толковательный принцип для объяснения этого закона, и не нашли нарушения в данном случае.

Еще одной сложностью при толковании является соблюдение баланса интересов ребенка и других групп, а также всего общества в целом. Здесь речь идет, скорее, о распределении ресурсов. Конвенция закрепляет обязанность государств-участников в отношении экономических, социальных и культурных прав принимать такие меры в максимальных рамках имеющихся у них ресурсов и, в случае необходимости, в рамках международного сотрудничества (ст. 4). То есть лицо, принимающее решение должно максимально использовать возможности по обеспечению наилучшего интереса. Комитет отмечает, что наилучший интерес ребенка должен быть первоочередным соображением «на всех этапах принятия законов, политических мер, стратегий, программ, планов, бюджетов, законодательных и бюджетных инициатив и руководящих положений, т.е. любых мер по осуществлению, в отношении детей в целом или в составе конкретной группы» (п. 10)¹⁶. В данном контексте для обеспечения наилучшего интереса требуются немалые затраты, что, в свою очередь, может выявить конкурирующие интересы детей и других групп, особенно это актуально для стран с низким уровнем жизни.

Столкновение интересов детей и других групп можно рассмотреть на примере случая в Швеции [5, с.7], когда власти решили выслать из страны детей из числа беженцев, так как особое отношение к ним противоречило общей миграционной политике Швеции. После публичного осуждения решение было отменено. Было дано заключение, что каждый ребенок имеет право на рассмотрение своего дела в индивидуальном порядке, а также, что важнее исходить из обеспечения наилучшего интереса каждого ребенка, чем опасаться осуждения миграционной политики со стороны общественности. Таким образом, ситуация была истолкована исходя из принципа обеспечения наилучшего интереса.

Сложность применения на практике принципа обеспечения наилучшего интереса ребенка обусловлена тем, что отдельные его элементы зачастую несовместимы или даже противоречат друг другу. Например, право ребенка на «сохранение семейного окружения и поддержание отношений», и «защита и безопасность» ребенка в случаях, когда отношения в семье не отвечают интересам ребенка, или право ребенка «на информацию» и «неприкосновенность частной жизни». При возникновении коллизии необходимо взвесить все элементы и руководствоваться наиболее отвечающими наилучшему интересу ребенка на данном этапе. Например, очень показательным является дело *Топчич-Розенберг против Хорватии*¹⁷, в котором возник вопрос о различиях между родителями, усыновившими детей, и биологическими родителями в ракурсе получения отпуска по уходу за ребенком. Закон гарантирует всем родителям равные права. При толковании этого закона, национальные власти отметили, что биологические родители имеют право на отпуск по уходу за ребенком до того, когда ребенку исполнится 1 год. На момент усыновления детям чаще всего больше, чем один год, и, возможно, усыновители, в отличие от биологических родителей, и вовсе были лишены этого права. ЕСПЧ нашел нарушение, обосновав это неверным толкованием: национальным судом при толковании закона не использовался принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка.

Конечно, при оценке наилучших интересов не стоит забывать, что это динамическая концепция, ведь ребенок непрерывно меняется, поэтому необходимо проводить соответствующие коррективы. Вынося решение нужно помнить, что оно не окончательное и может измениться в долгосрочной перспективе, даже если вы максимально корректно учли все потребности ребенка¹⁸. Помимо того, что меняется ребенок, меняется и окружающая действительность, появляются новые общественные отношения (например, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и появление проблемы защиты прав ребенка в цифровой среде). Британский исследователь принципа наилучшего интереса ребенка М. Фриман отмечал, что при толковании закона следует уяснить различие между так называемыми «текущими интересами» и «интересами, ориентированными на будущее» [2, с. 3]. Текущие интересы обычно формируются исходя из соображений, основанных на опыте, интересы, ориентированные на будущее, напротив, сосредоточены на соображениях развития. В силу этого на каждом этапе развития при определении наилучшего интереса большую важность будут иметь разные элементы, а также перечень их будет расширяться.

Оценка и определение элементов, отвечающих наилучшему интересу ребенка, имеют важное значение для преодоления сложностей в законотворческой и правоприменительной практике. Тем не менее, закрытый перечень таких элементов не отвечал бы условиям стремительного развития общества, появлению новых сфер общественных отношений, а также не гарантировал бы индивидуальный подход к каждому отдельному ребенку и ситуации. В силу этого, предложенный Комитетом по правам ребенка перечень элементов необходимо принимать во внимание и учитывать его гибкость и возможность добавлять новые элементы, более уместные в конкретной ситуации.

Заключение. Таким образом, отметим, что принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка обладает рядом характерных черт. На наш взгляд, можно выделить следующие особенности:

¹⁶ URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html>

¹⁷ Case of *Topčić-Rosenberg v. Croatia* (Application no. 19391/11) [Electronic resource] – URL: <file:///C:/Users/37533/Downloads/CASE%20OF%20TOPCIC-ROSENBERG%20v.%20CROATIA.pdf>.

¹⁸ Кабанов, В.Л. Реализация принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в международном праве: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10. – М., 2019. – 407 л. – Л. 81.

Во-первых, опорой при толковании служат права, провозглашенные в Конвенции о правах ребенка. При оценке и определении наилучших интересов ребенка правоприменитель должен опираться на все положения Конвенции.

Во-вторых, концепция гибкая и адаптируемая, что позволяет в каждом конкретном случае толковать права ребенка, исходя из его индивидуальности, особенностей развития, а также иных обстоятельств, например, социально-экономических условий.

В-третьих, принцип обеспечения наилучшего интереса меняется вместе с ребенком, он не статичен. При толковании закона следует учитывать не только текущий интерес, но и будущий.

В-четвертых, при толковании необходимо учитывать возможность столкновения интереса ребенка с интересами других детей, родителей и даже общества в целом.

В-пятых, принцип обеспечения наилучшего интереса можно применять при толковании положений, затрагивающих как одного ребенка, так и группы детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова Л.В. Право прав человека: учеб. для вузов. – Минск: БГУ, 2005. – 223 с.
2. Freeman M. D. A. A Commentary on the United Nations Convention on the Rights of the Child, Article 3: The Best Interests of the Child. – BRILL, 2007. – 80 p.
3. Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / Под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с.
4. Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник РУДН, Сер. Юрид. науки. – 2009. – № 4. – С. 5–12.
5. Hammarberg T. The principle of the best interests of the child – what it means and what it demands from adults // Council of Europe. Strasbourg, 2008. – 10 p.

Поступила 17.10.2024

THE BEST INTEREST OF THE CHILD AS AN INTERPRETATIVE LEGAL PRINCIPLE

V. DORINA

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article is devoted to the study of one of the elements of the concept of ensuring the best interests of the child. The best interest is considered as a fundamental, interpretative legal principle. Having analyzed the General Comments of the Committee on the Rights of the Child to the Convention on the Rights of the Child of 1989, relating to ensuring the best interests of the child (paragraph 1 of Article 3), the practice of international judicial bodies, domestic and foreign legal doctrine, the author attempts to determine the place of the principle under study in the system of legal principles. The subjects of interpretation are considered, as well as the elements subject to assessment when interpreting the law from the point of view of the best interests of the child. It is concluded that the principle of ensuring the best interests of the child can be attributed to a special principle of human rights law, the peculiarity of which is the fact that this principle is applicable only to children and is not applied to any other category.

Keywords: *rights of the child, best interest of the child, principle of law, interpretation of law, human rights.*

УДК 347.77

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-85-88

СОДЕРЖАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ОБЪЕКТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (ЧАСТЬ 2)

Е.С. ЗАНЬКО

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

В статье проанализированы подходы к вопросу о включении права распоряжения исключительным правом в содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности, сформулированы особенности правомочия распоряжения исключительным правом. Особое внимание уделено анализу законодательства Республики Беларусь в рамках обозначенного вопроса. Проведен критический анализ ряда подходов к вопросу определения содержания исключительного права. Автором сделан вывод о том, что право распоряжения исключительным правом, как и правомочия разрешать и запрещать использование объекта интеллектуальной собственности другим лицам, не входят в содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности. В свою очередь, именно право использования объекта интеллектуальной собственности, обеспеченное требованием ко всем третьим лицам о запрете использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности, составляет основу содержания исключительного права. Результаты исследования имеют важное научное и практическое значение, могут быть использованы в правотворческой деятельности, правоприменительной практике, а также в научно-исследовательской деятельности и учебном процессе.

Ключевые слова: *объекты интеллектуальной собственности, исключительное право, содержание исключительного права, правомочие использования, правомочие запрета, правомочие распоряжения, абсолютный характер права.*

Введение. Настоящая статья является продолжением исследования содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности. В первой части исследования сделаны некоторые выводы, в частности, вывод о том, что в Республике Беларусь содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности по общему правилу определяется с позиции смешанной концепции (содержание исключительного права составляют как позитивные, так и негативные правомочия), однако на законодательном уровне нет единого подхода по обозначенному вопросу, а также вывод о том, что правомочие распоряжения объектом интеллектуальной собственности не может входить в содержание исключительного права; особое внимание в первой части исследования обращается на недопустимость определения содержания исключительного права по аналогии с содержанием права собственности.

Решение проблемы определения содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности имеет важнейшее теоретическое и практическое значение и непосредственно связано с дальнейшим развитием правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе использования объектов интеллектуальной собственности, однако несмотря на свой «почтенный возраст» обозначенная проблема остается актуальной и в настоящее время.

Основная часть. В рамках настоящего исследования особое внимание заслуживает вопрос о включении в содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности права распоряжения данным исключительным правом. Обозначенный вопрос является неоднозначным и вызывает немало споров среди представителей научного сообщества. Одни исследователи, например, Э.П. Гаврилов [5, с. 7], В.А. Дозорцев [1, с. 221], Н.М. Коршунов [4, с. 43], А.В. Миронов и С.Н. Кондратовская [2, с. 21], Е.А. Павлова [3, с. 127] и другие включают право распоряжения исключительным правом в содержание самого исключительного права, определяя рассматриваемое правомочие в позитивную составляющую содержания исключительного права. Другие исследователи, например, Ф.Т. Аутлева [7, с. 171], И.А. Зенин [6, с. 36], В.А. Зимин [8, с. 22] и другие включают правомочие распоряжения исключительным правом в состав исключительного права вне позитивной и негативной составляющей содержания исключительного права. В свою очередь, представители третьей группы ученых вовсе не включают рассматриваемое правомочие в содержание исключительного права.

К последней из вышеуказанных групп ученых можно отнести, к примеру, С.С. Лосева, который отмечает, что право распоряжения исключительным правом не входит в состав исключительного права [9, с. 34], Е.А. Моргунову, которая утверждает, что право распоряжения исключительным правом является самостоятельным правом [10, с. 12], В.А. Белова, который делает вывод, что возможность распоряжения исключительным правом составляет не правомочие в составе субъективного права, а правомочие – элемент гражданской правоспособности [11, с. 33] и называет включение права распоряжения исключительным правом в содержание самого исключительного права неправильным подходом [11, с. 54], В.С. Витко, который считает, что «... использование и распоряжение – два различных и самостоятельных правомочия правообладателя» и отмечает, что «правомочие распоряжения не входит в состав исключительного права» [12, с. 108].

В целях выработки авторской позиции по обозначенному вопросу уместно сформулировать некоторые особенности правомочия распоряжения исключительным правом на объекты интеллектуальной собственности.

Во-первых, объектом правомочия распоряжения исключительным правом является само исключительное право, следовательно, иррационально включать право распоряжения на объект в содержание этого объекта (как

составляющую содержания этого объекта). Право распоряжения исключительным правом – это самостоятельное право обладателя исключительного права, тесно связанное с самим исключительным правом (в случае отчуждения исключительного права отчуждается и право распоряжения им). Рассматриваемое правомочие направлено непосредственно на исключительное право, а не на объект интеллектуальной собственности или материальный носитель, в котором выражен этот объект, таким образом, правомочие распоряжения исключительным правом находится «за пределами» исключительного права. Не имея умысла ввести новую категорию или группу прав, исключительно в целях определения места правомочия распоряжения исключительным правом в системе гражданских прав уместно назвать его «надисключительным правом».

Во-вторых, распоряжение исключительным правом на некоторые объекты интеллектуальной собственности, в силу законодательства той или иной страны, может быть запрещено или ограничено, что не позволяет включить правомочие распоряжения исключительным правом в состав исключительного права в качестве обязательной составляющей, в ином случае можно было бы говорить о неполном исключительном праве или вообще о другом субъективном гражданском праве.

Законодательство Республики Беларусь, в частности, п. 1 ст. 985 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) позволяет обладателю исключительного права на объекты интеллектуальной собственности распорядиться исключительным правом любым, не противоречащим закону и существу такого исключительного права, способом, если иное не предусмотрено законодательными актами. В настоящее время распоряжение исключительным правом на ряд объектов интеллектуальной собственности в Республике Беларусь запрещено или ограничено. Так, в соответствии с п. 4 ст. 1027 ГК распоряжение исключительным правом на географическое указание не допускается, подобная норма предусмотрена в п. 6 ст. 3 Закона Республики Беларусь «О географических указаниях». Согласно ст. 1016 ГК отчуждение исключительного права на фирменное наименование коммерческой организации не допускается, кроме случаев отчуждения предприятия в целом. Согласно п. 2 ст. 1022 ГК отчуждение исключительного права на товарный знак не допускается, если оно может явиться причиной введения в заблуждение потребителя относительно товара, работы и (или) услуги или производителя товара, исполнителя работы и (или) услуги, подобная норма предусмотрена в п. 2 ст. 22 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках». В соответствии с п. 2 ст. 1021 ГК право использования коллективного знака не может быть отчуждено или предоставлено, подобная норма предусмотрена в п. 3 ст. 19 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках».

В-третьих, при включении правомочия распоряжения исключительным правом в содержание самого исключительного права лицензиату по лицензионному договору предоставлялось бы «усеченное» исключительное право ввиду того, что по лицензионному договору лицензиар предоставляет лицензиату только право использования объекта интеллектуальной собственности в пределах, определенных в лицензионном договоре. Правомочие распоряжения исключительным правом не может быть предоставлено лицензиату в таком же объеме, что и у лицензиара, рассматриваемое правомочие может быть только отчуждено в полном объеме, а это возможно только при отчуждении самого исключительного права.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что правомочие распоряжения исключительным правом не входит в содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности, тем не менее, отметим, что правомочие распоряжения исключительным правом является самостоятельным субъективным правом, тесно связанным с исключительным правом.

Какие же правомочия составляют содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности? Для ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к истории правовой охраны имущественных прав владельцев объектов интеллектуальной собственности.

В период позднего Средневековья (XIV–XVI вв.) зарождается правовая охрана имущественных прав владельцев результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в виде системы привилегий (индивидуальных ненормативных актов, издаваемых монархами, крупными феодалами), основу которой составил позитивный принцип (право на собственные действия). Привилегия была проявлением милости верховной власти к лицу, обратившемуся за привилегией, наделяла его «исключительным правом» использовать результат интеллектуальной деятельности и (или) средство индивидуализации, при этом для всех иных лиц существовал общий запрет на использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Позитивный принцип стал основой и для ряда других теорий в отношении имущественных прав владельцев результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, сформулированных юристами, экономистами и философами в последующие периоды мировой истории.

В настоящее время не существует запретов на использование своих результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, нет и необходимости получать разрешение (привилегию) на их использование в государственных органах. Каждый вправе использовать свои результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации без наличия исключительного права на эти объекты, но в этом случае в силу нематериального характера результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации их могли бы беспрепятственно использовать другие лица, тем самым нарушая интересы владельцев соответствующих объектов, а также интересы третьих лиц (потребителей, субъектов хозяйствования и других).

Именно исключительное право позволяет «ограничить» иных лиц в использовании объекта интеллектуальной собственности, в отношении которого исключительное право возникло. Собственно, возможность единичного монопольного использования объекта интеллектуальной собственности составляет сущность исключительного права. В подтверждение сформулированного вывода приведем мнение профессора В.А. Дозорцева,

который справедливо отмечал, что право использования объекта интеллектуальной собственности является имущественным правом, ради которого и введена гражданско-правовая охрана [2, с. 144]. В соответствии со ст. 983 ГК обладатель исключительного права может использовать объект интеллектуальной собственности по своему усмотрению в любой форме и любым, не противоречащим закону, способом. Право использовать объект интеллектуальной собственности всегда входит в содержание исключительного права: действующее законодательство Республики Беларусь не предусматривает исключений. Способы использования объектов интеллектуальной собственности конкретизируются в специальных законах.

Вместе с тем, стоит признать, что одно только правомочие использования объекта интеллектуальной собственности исключительным правом не является, в противном же случае любое другое лицо вправе было бы использовать объект интеллектуальной собственности и, следовательно, обладало бы исключительным правом на него. Для единоличного использования объекта интеллектуальной собственности правомочие использования объекта должно обеспечиваться требованием о запрете использования соответствующего объекта третьими лицами. С момента возникновения у лица (группы лиц) исключительного права на объект интеллектуальной собственности у всех иных лиц возникает обязанность воздержаться от действий, предоставленных исключительным правом, в том числе от действий по использованию объекта интеллектуальной собственности. Следовательно, именно в составе исключительного права правомочие использования объекта интеллектуальной собственности будет обеспечено требованием о запрете использования соответствующего объекта, адресованное ко всем третьим лицам (общий запрет).

Можно сделать вывод о том, что исключительное право на объект интеллектуальной собственности включает возможность законного использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности третьими лицами, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством или соглашением сторон.

Особый интерес для настоящего исследования представляют два правомочия обладателя исключительного права: разрешать и запрещать использование объекта интеллектуальной собственности другим лицам. Оба правомочия традиционно включаются в содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности. Так, согласно ч. 2 п. 1 ст. 983 ГК лицо, обладающее исключительным правом, вправе разрешать или запрещать использование объекта интеллектуальной собственности другим лицам. Лицо, обладающее исключительным правом на объект интеллектуальной собственности, вправе разрешить использование «своего» объекта интеллектуальной собственности другим лицам, в том числе посредством заключения лицензионного договора. В этом случае лицо, обладающее исключительным правом, распоряжается исключительным правом, а лицо, которому предоставляется право использования объекта интеллектуальной собственности, как бы «исключается» из общего запрета, установленного в отношении этого объекта, и вправе использовать соответствующий объект в пределах предоставленных прав. Таким образом, можно сделать вывод о том, что разрешение лица, обладающего исключительным правом, использовать объект интеллектуальной собственности другому лицу является одним из способов распоряжения исключительным правом, а, как уже было отмечено в настоящем исследовании, правомочие распоряжения исключительным правом не входит в содержание исключительного права, следовательно, правомочие лица, обладающего исключительным правом, разрешать использовать другим лицам объект интеллектуальной собственности также не входит в содержание исключительного права.

Весьма спорным и неоднозначным считаем включение в состав исключительного права правомочия запрещать использование объекта интеллектуальной собственности другим лицам, которое можно назвать «частным запретом». В чем же состоит смысл рассматриваемого правомочия, если «общий запрет» использования «чужих» объектов интеллектуальной собственности уже установлен в отношении всех третьих лиц, а исключительное право на объекты интеллектуальной собственности охраняется со стороны государства? Как обладатель исключительного права может реализовать право «частного запрета»? Ни правовая доктрина, ни действующее законодательство Республики Беларусь не содержит ответов на поставленные вопросы. Вместе с тем белорусский законодатель включает рассматриваемое правомочие в содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности. Согласимся с мнением С.С. Лосева, который отмечает: «... решение законодателя, наделяющего обладателя исключительного права правомочием запрещать использование объекта третьим лицам, призвано подчеркнуть абсолютный характер данного права и определенным образом «усилить» защиту прав интеллектуальной собственности», при этом «... законодательное закрепление данного правомочия порождает серьезные практические проблемы, связанные с его реализацией» [9, с. 32].

Считаем, что, в целях единоличного использования объекта интеллектуальной собственности и распоряжения исключительным правом на этот объект, обладателю исключительного права нет необходимости персонально запрещать использование соответствующего объекта интеллектуальной собственности всем третьим лицам, ведь в отношении всех третьих лиц уже установлен «общий запрет», вытекающий из абсолютного характера исключительного права, которое, в свою очередь, охраняется со стороны государства. Наделение обладателя исключительного права правомочием «частного запрета» является чрезмерным решением, а включение рассматриваемого правомочия в состав исключительного права – неуместным.

Заключение. Проведенное исследование содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности в настоящей статье позволяет сделать следующие выводы:

1. Правомочие распоряжения исключительным правом не входит в содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности.

2. Правомочие распоряжения исключительным правом является самостоятельным субъективным правом обладателя исключительного права и тесно связано с самим исключительным правом.

3. Правомочие разрешать использовать объект интеллектуальной собственности другим лицам не может входить в содержание исключительного права.

4. Наделение лица, обладающего исключительным правом, правомочием запрещать использование объекта интеллектуальной собственности другим лицам является чрезмерным решением, а включение этого правомочия в содержание исключительного права – неуместным.

5. Право использования объекта интеллектуальной собственности, обеспеченное требованием ко всем третьим лицам о запрете использования соответствующего объекта интеллектуальной собственности (обеспеченное «общим запретом»), составляет основу содержания исключительного права на объекты интеллектуальной собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов Э.П. 10 недостатков четвертой части ГК РФ, которые необходимо исправить // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2015. – № 10. – С. 2–7.
2. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. / авт.-сост. В.А. Дозорцев. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
3. Интеллектуальная собственность (Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации): учеб. пособие / под общ. ред. Н.М. Коршунова. – М.: Норма, 2009. – 400 с.
4. Кондратовская С.Н., Миронов А.В. Понятие и содержание права интеллектуальной собственности // Интеллектуальное право: учеб. пособие. – Вологда: Волог. ин-т права и экономики Фед. службы исполнения наказаний, 2020. – Гл. 1. – С. 7–26.
5. Право интеллектуальной собственности: в 4 т. / под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – Т. 1: Общие положения / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь и др. – 2017. – 512 с.
6. Аутлева Ф.Т. Исключительные права как ключевая юридическая конструкция прав на результаты интеллектуальной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2008. – № 2. – С. 169–171.
7. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: учеб. для академ. бакалавриата: в 2 ч. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – Ч. 1. – 2016. – 318 с.
8. Зимин В. Содержание исключительного права по законодательству Российской Федерации // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 1. – С. 17–22.
9. Лосев С.С. К вопросу о структуре исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение: сб. науч. тр. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.). – Минск: РИВШ, 2023. – Вып. 3. – С. 26–35.
10. Моргунова Е.А. Исключительные интеллектуальные права на произведение и право на вознаграждение // Законодательство. – 2009. – № 5. – С. 10–18.
11. Белов В.А. Гражданское право: в 4 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – Т. 3: Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: в 2 кн. Кн. 2. Права исключительные, личные и наследственные: учеб. для академ. бакалавриата и магистратуры. – 2016. – 443 с.
12. Витко В.С. Гражданско-правовая природа лицензионного договора. – М.: Статут, 2012. – 301 с.

Поступила 30.09.2024

CONTENT OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS (PART 2)

Ya. ZANKO

(Belarus State Economic University, Minsk)

The article analyses the approaches to the issue of inclusion of the right to dispose of the exclusive right in the content of the exclusive right to intellectual property objects, formulates the features of the right to dispose of the exclusive right. Special attention is paid to the analysis of the legislation of the Republic of Belarus in the framework of the mentioned issue. The author critically analyses a number of approaches to the issue of determining the content of the exclusive right. The author concluded that the right to dispose of the exclusive right, as well as the right to authorise and prohibit the use of the intellectual property object to other persons are not included in the content of the exclusive right to intellectual property objects, in turn, it is the right to use the intellectual property object, secured by the requirement to all third parties to prohibit the use of the corresponding intellectual property object, that forms the basis of the content of the exclusive right. The results of the study have important scientific and practical significance, can be used in law-making activities, law enforcement practice, as well as in research activities and educational process.

Keywords: intellectual property objects, exclusive right, content of exclusive right, the right of use, the right of prohibition, the right of disposal, absolute nature of the right.

УДК 340, 347.78

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-89-93

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ДУАЛИЗМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

канд. юрид. наук М.Н. КОМАШКО

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5211-0055>e-mail: komashko@list.ru, mkomashko@hse.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы соотношения личных неимущественных прав автора и исключительного права правообладателя в постиндустриальном обществе. Особое внимание обращено на принципиально различные последствия нарушения прав на произведения в условиях цифровизации, которые возникают в имущественной и неимущественной сфере. Автор последовательно рассматривает влияние цифровизации на общее учение о правонарушениях, на отношение исследователей к интеллектуальной собственности и на учение об интеллектуальных правах. В статье сделан вывод, что переход к постиндустриальному обществу и цифровой экономике не влечет необходимости в какой-либо корректировке учения о правонарушении. Зато вскрывает внутреннее противоречие, заложенное в учении об интеллектуальных правах. Автор приходит к выводу, что личные неимущественные права и исключительное право в силу их сущностных различий не могут составлять единый правовой институт и их следует разделить в самостоятельные категории прав, что позволит решить многие проблемы права интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: личные неимущественные права, исключительное право, автор, правообладатель, интеллектуальная собственность, правонарушение, Ждун, *Homunculus loxodontus*.

Введение. В 2023 г. на ежегодной конференции Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой «Право и цифровые технологии» я обращалась к проблеме авторского контента в сети Интернет. Речь шла о новом «фольклоре» (в кавычках – потому что на самом деле, это, конечно, никакой не фольклор, а авторские произведения) и об отставании права интеллектуальной собственности от темпов развития общественных отношений, складывающихся в цифровом мире. Новые технологии привели к тому, что автор оказался один на один с толпой публики (потенциальными и действующими нарушителями его прав) со всего мира, с одной стороны, и один на один с так называемыми «платформами» (а на самом деле – транснациональными компаниями, бизнесом которых являются эти платформы) – соцсетями и проч.

Однако цифровизация порождает не только проблему неравного положения автора и «нового издателя» – платформы – и не только проблему защиты интеллектуальных прав от нарушителей со всех концов мира, но заставляет поставить даже более существенные вопросы: в частности, о природе и признаках правонарушения, а также о соотношении личных неимущественных прав автора и исключительного права правообладателя, которые принято объединять в категорию интеллектуальных прав.

Основная часть. Для большей наглядности обратимся к истории, произошедшей с произведением, известным русскоязычной публике под названием «Ждун». История эта, помимо прочего, примечательна тем, что мы были очевидцами её зарождения и расцвета, и при этом прошло уже достаточно времени, чтобы можно было осмыслить её итоги.

Изначально это была скульптура, которую в 2016 г. по заказу университетского медицинского центра из небольшого городка Лейден, что в Южной Голландии, создала Магрит ван Бреворт, никому не известная и только начинающая свой профессиональный путь скульптора. Автор назвала скульптуру «Гомункул Слоноподобный». Гомункул был установлен в зале ожидания медцентра и весьма нравился посетителям. Но широкой известности автору скульптура не принесла – о ней знали лишь посетители учреждения. Так сказать, знаменитость районного масштаба. Но однажды все изменилось. Фото скульптуры попало в русскоязычный сектор Интернета, и Гомункул сразу же получил остроумную кличку «Ждун». С этого момента началось победное шествие Ждуна по Рунету и восхождение Магрит к славе и популярности в 1/6 части мира, как минимум¹.

Милаха Ждун с легкой руки неизвестных нам интернет-шутников становится популярным мемом. А кроме того, он начинает жить собственной жизнью, отдельно не только от автора и правообладателя, но даже и от мема

¹ См., например: Автор Ждуна: эта скульптура изменила мою жизнь // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-38881989> (дата обращения 15.11.2024); Создательница Ждуна впервые посетит Россию // [https://www.sostav.ru/publication/sozdatelnitsa-zhduna-vpervye-posetit-rossiyu-26880.html#:~:text=Homunculus%20loxodontus%20\(%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B5.%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%20%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%B9%20%D0%B2%20%D0%9B%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B5](https://www.sostav.ru/publication/sozdatelnitsa-zhduna-vpervye-posetit-rossiyu-26880.html#:~:text=Homunculus%20loxodontus%20(%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B5.%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B4%20%D0%B4%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%B9%20%D0%B2%20%D0%9B%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B5) (дата обращения 15.11.2024); Насрутдинова Д. Анатолий Булыгин, совладелец «Си Ди Лэнд Контакт»: «У бренда “Ждун” феноменальная узнаваемость и огромный потенциал» // URL: <https://licensingrussia.ru/article/14368-anatolii-bulygin-sovladelets-si-di-lend-kontakt-u-brenda-zhdun-fenomenalnaia-uznavаемost-i-ogromnyi-potentsial/> (дата обращения 15.11.2024).

и Интернета: в виде игрушек, наклеек, свитшотов, кружек² и копий скульптур (известно о, как минимум, трех копиях, установленных в разных городах³).

Таким образом, налицо множество нарушений прав Магрит ван Бреворт, возникшее первоначально в интернет-среде, а затем выплеснувшееся в физический мир. Однако нельзя не заметить, что нарушение прав Магрит одновременно принесло ей большую пользу, а вовсе не ущерб. Как же так получилось, что нарушение субъективного права оказалось благом для обладателя нарушенного права? Он – все-таки потерпевший, или облагодетельствованный правонарушителем? Из теории права мы знаем, что правонарушение – это всегда что-то плохое, всегда ущерб правам и интересам. Не может такого быть, чтобы правонарушение каким-то чудесным образом осчастливило обладателя права – то лицо, чье право подверглось нарушению. По крайней мере, вне цифровой среды такое действительно (было) невозможно.

Принято выделять следующие признаки правонарушения:

- деяние (действие или бездействие);
- вина;
- противоправность;
- вредный результат;
- причинная связь между деянием и вредным результатом;
- юридическая ответственность [см., например, 1, с. 208].

Случаи использования Ждуна, как в виде мемов, так и в «говарном» виде, соответствуют приведенным выше признакам. Деяния имелись (в виде активных действий по изготовлению и распространению изображений и товаров с ними, а также копий скульптуры). Вина в наличии: действия совершались умышленно [см., например, 1, с. 210]. Противоправность также имеется: действия по использованию объекта авторского права без разрешения правообладателя нарушают нормы права интеллектуальной собственности. За нарушение этих норм права предусмотрена гражданско-правовая (а в ряде случаев – и уголовно-правовая) ответственность. Остается проверить соответствии совершенных деяний признакам «вредный результат» и «причинная связь между деянием и вредным результатом». Без вредоносности, причинения ущерба поступок не считается правонарушением [см., например, 1, с. 210]. Какой же ущерб причинен ван Бреворт усилиями любителей мемов и прочих фанатов Гомункула-Ждуна?

Как уже было отмечено выше, до нарушения прав (т.е. до совершения деяний, которые мы считаем правонарушением) Магрит и её скульптура были знаменитостями районного масштаба. Даже в маленькой Голландии о ней никто особенно и не знал. А вследствие нарушения её прав (путем распространения изображений Ждуна) она обрела невероятную популярность в русскоязычной части мира. Надо сказать, что сама Магрит очень рада неожиданно свалившейся на нее известности (и никаких претензий к «проводникам» Гомункула в русскоязычный мир не имеет)⁴. Вообще, будем честны перед собой: каждый автор мечтает, чтобы его права так удачно нарушили и обеспечили ему такую популярность, можно сказать – народную любовь.

Что касается прямой причинно-следственной связи между деянием и получившимся результатом, представляется, что она очевидна: не будь Гомункул переработан в мемы про Ждуна, никто из нас никогда бы не узнал о существовании какой-то Магрит ван Бреворт и странной скульптуры в университетском медцентре.

Итак, все признаки правонарушения в рассматриваемых деяниях налицо. Только с вредными последствиями неувязка. Какие-то они не вредные; прямо-таки предел мечтаний, а не ущерб. Что же получается? Что развитие информационные технологии и современная интернет-среда, в частности, меняют наши представления о правонарушениях?

Раньше мы не могли себе представить, чтобы авторы стремились к массовому нарушению их прав (или хотя бы в тайне желали этого). А сейчас цифровизация привела нас к тому, что большим успехом считается, если твои права нарушаются повсеместно: имеются в виду не только мемы, но и так называемые «фотожабы» и прочее интернет-творчество, и особенно – вирусные видео. А ещё правонарушения в современной культуре делают из правонарушителей героев нашего времени и любимчиков не только публики, но и самих «пострадавших». В частности, кавер-исполнители и авторы ремиксов не только не привлекаются к ответственности за нарушение интеллектуальных прав (каверы, в основном, представляют собой не пародии, создание которых закононо, а переработки, для осуществления которых требуется разрешение правообладателя), а вместо этого становятся «звездами», причем не редко – при поддержке «обворованных» обладателей прав на оригинальные песни⁵.

² См., например: Ждун денег. Как зарабатывают на самом популярном меме // URL: <https://life.ru/p/974754> (дата обращения 15.11.2024 г.); Пуликова Л. Как автор Ждуна будет зарабатывать на меме в России // URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/346079-kak-avtor-zhduna-budet-zarabatyvat-na-meme-v-rossii> (дата обращения 15.11.2024).

³ См., например: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%B4%D1%83%D0%BD> (дата обращения 15.11.2024 г.); Ждун появился на ретро-площадке парка Дома офицеров в Чите // URL: <https://www.chita.ru/text/society/2017/05/17/71027045/> (дата обращения 15.11.2024); Дзержинский Ждун. В городском парке появилась популярная в Интернете скульптура // URL: <https://dzertv.ru/dzerzhinskiy-zhdun-v-gorodskom-parke-poyavilas-populyarnaya-v-internete-skulptura/> (дата обращения 15.11.2024).

⁴ Автор Ждуна: эта скульптура изменила мою жизнь.

⁵ В качестве примеров можем вспомнить таких артистов, как дуэт Боня и Кузьмич, Иманбек и др. (см., например: Боня и Кузьмич (Kiesza – Hideaway Cover) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YfZmCAZwhyY> (дата обращения 15.11.2024); SAINt JHN "Roses" Imanbek Remix Kazakh Clip // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DGYgNnMg5WA> (дата обращения 15.11.2024); SAINt JHN автор трека ROSES про ремикс от Иманбека // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jp8KWoyoe4U> (дата обращения 15.11.2024).

К какому выводу заставляет нас прийти анализ всех вышеперечисленных ситуаций? Что учение о нарушениях субъективных прав устарело и в эпоху цифровизации нуждается в корректировке, если не сказать – переосмотре? Или что право интеллектуальной собственности устарело и пришла пора выкинуть его на свалку истории? Ведь если нарушение нормы права не приводит к негативным последствиям для управомоченного лица, то зачем вообще нужна такая норма? Если субъективное право не нуждается в ней, в её защите, чего ради она существует? В чем общественная опасность деяния, если ничьи субъективные права не нарушаются? Получается, запрещенное правом деяние не несет общественной опасности. Почему тогда оно запрещено?

Столько вопросов и ни одного ответа. Однако не стоит делать резких движений и рубить с плеча. Как видится, тут дело несколько в другом.

Что такое интеллектуальные права? Как известно, под этим названием объединены несколько видов прав: личные неимущественные права автора и исключительное право правообладателя, а также в России к интеллектуальным правам относят так называемые «иные права» (право следования и проч., которые в рамках настоящей работы нас не интересуют)⁶ [2, с. 45; 3, с. 26; 4, с. 23–24; 5, с. 96]. Какие же права из числа интеллектуальных нарушаются в случае распространения в Интернете, переработки, воспроизведения объекта авторских прав? Очевидно, что нарушается исключительное право, принадлежащее правообладателю. Согласно норме закона, лицо, желающее изготовить и продать условную кружку со Ждуном или использовать фото скульптуры в рекламе, или приделать к фото скульптуры подпись и распространить его в Интернете, или сделать кавер на чужую песню, или разместить у себя на страничке в соцсети чужое видео, должно получить разрешение правообладателя (как известно, им часто является автор, но не всегда). Подразумевается, что за такое разрешение правообладатель может потребовать уплаты некоторой суммы денег. То есть вредные последствия перечисленных выше деяний, когда они совершаются без согласия правообладателя, состоят в лишении правообладателя контроля над «жизнью» произведения и лишении его дохода в виде лицензионного платежа (как правило).

Почему же потерпевшие, вместо того, чтобы негодовать и немедленно бежать в суд с иском, наоборот, довольны происходящим? Представляется, что довольны они только одним – получением известности (либо ещё большей известности), пиаром, который происходит в виде использования их произведения.

Однако довольны этим обстоятельством только авторы и исполнители. Когда имущественное право (исключительную лицензию на право использования скульптуры) у автора – Магрит ван Бреворт – приобрело некое ООО «Си Ди Лэнд контакт»⁷, новоиспеченный лицензиат сразу же пошел в суд привлекать к ответственности всех правонарушителей и взыскивать с них кругленькие суммы в качестве компенсации. В российской Информационной системе «Картотека арбитражных дел»⁸ зафиксировано 1014 арбитражных споров, в которых истцом выступает названная выше организация, и которые начаты после заключения лицензионного договора. Как видим, обладателю имущественного права, пусть и «всего лишь» исключительной лицензии, нет никакого дела до удовольствия Магрит ван Бреворт от свалившейся на неё известности и популярности её скульптуры на просторах русскоязычного мира.

Представляется, что авторы и исполнители, если бы относились к своим творческим достижениям как к бизнесу или, по крайней мере, имуществу, тоже были бы не прочь извлекать из них материальную выгоду. В конце концов, авторы не духи бестелесные, им надо где-то жить и что-то есть. Почему же они довольны в таком случае (а не нанимают адвокатов, чтобы судиться с нарушителями исключительных прав)? Естественно, не от нарушений их имущественных прав авторы получают удовольствие, и мечтают они не об этом. Довольны они своей новой популярностью, вниманием, привлеченным к их имени и авторству или исполнительству (пусть даже в виде переработки). То есть речь идет о выигрыше в области личных неимущественных прав. И этот выигрыш компенсирует или даже превышает убыток в имущественной сфере.

Получается, что мы имеем столкновение двух разных прав. В интересах ли Магрит ван Брейворт борьба ООО «Си Ди Лэнд контакт» с незаконным использованием образа Ждуна? Вряд ли. От судов и взысканных компенсаций выигрывает лицензиат, причем как материально, так и репутационно. С чьим именем теперь связан Ждун? Нынче на Ждуне активно строит свой бренд лицензиат, а не автор; теперь все знают, что Ждун – это проект ООО, а кто там был автором, уже мало кто вспоминает (включая самого лицензиата)⁹. Итак, личные неимущественные права автора и исключительное право правообладателя противоречат, как минимум, отчасти, друг другу. Однако и те, и другое считаются составляющими одной и той же категории прав – интеллектуальных прав. Может ли быть такое, что «парные» права, вместо того, чтобы гармонично дополнять друг друга в едином правовом институте, вступают в конфронтацию?

⁶ См., например: ст. 982 Гражданского кодекса Республики Беларусь, ст. 1226 Гражданского кодекса Российской Федерации.

⁷ См., например: Макарова Е., Афанасьева А., Новый В. Контрафакт дождался правообладателя. Лицензиат образа Ждуна начал бороться с нелегальной продукцией // Газета «Коммерсантъ», выпуск от 16.08.2017, № 149, с. 7. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3385022> (дата обращения: 15.11.2024); Насрутдинова Д. Анатолий Булыгин, совладелец «Си Ди Лэнд Контакт»: «У бренда “Ждун” феноменальная узнаваемость и огромный потенциал».

⁸ URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.11.2024).

⁹ Насрутдинова Д. Анатолий Булыгин, совладелец «Си Ди Лэнд Контакт»: «У бренда “Ждун” феноменальная узнаваемость и огромный потенциал».

Тут было бы интересно провести сравнение с каким-нибудь другим гражданско-правовым институтом и найти с его помощью ответ на поставленный выше вопрос; однако представляется, что в гражданском праве затруднительно отыскать еще один столь же сложносочиненный институт права. Может быть, некоторую аналогию можно провести с детско-родительскими и брачными правоотношениями, где тоже сочетаются личная и имущественная сферы. Но семейное право все-таки обладает достаточной спецификой и проводить сравнение отдельных институтов гражданского и семейного права друг с другом, наверное, не вполне корректно. Поэтому обратимся к наиболее похожей, насколько можно судить, ситуации: изготовитель и собственник вещи. Похожи они следующим: изготовитель создает новую вещь, которой раньше не было, как и автор – произведение, и становится её первым собственником, как и автор – первым правообладателем; затем изготовитель отчуждает созданную вещь новому собственнику, как и автор отчуждает исключительное право новому правообладателю.

Итак, может ли быть, чтобы изготовителю (бывшему собственнику) было выгодно, чтобы права нового собственника нарушались, да еще и всеми подряд, и чтобы вещь дополнялась разными надписями и другим контекстом, перерабатывалась и т.д.? Представляется, что такой ситуации быть не может. Изготовителю будет либо все равно, каким образом складывается дальнейшая судьба вещи у нового собственника, либо ему будет досадно от того, что с изготовленной им вещью обращаются не тем образом, который предполагался изначально. Однако ни в том, ни в другом, ни в каком ином случае изготовитель не получит никакой выгоды от нарушения прав собственности на его бывшую вещь. То есть очевидно, что интересы изготовителя и нового собственника в отношении третьих лиц совпадают либо, как минимум, не противоречат друг другу: из фактов нарушения третьими лицами прав друг друга ни один из них не извлечет никакой пользы для себя.

В ситуации же с личными неимущественными правами и исключительным правом – не так. Это совершенно разнородные права: одно право служит приобретению славы, другое же служит получению денег. И когда управомоченными субъектами оказываются разные лица, – конфликт интересов становится неизбежен. Ведь то, что выгодно автору, не выгодно правообладателю. А то, что выгодно правообладателю, не выгодно автору. Об это сущностное противоречие ломают копыя все, кто рассуждает о концептуальной необоснованности авторского права и – шире – всего права интеллектуальной собственности, о вреде интеллектуальной собственности в современном постиндустриальном мире и даже о научных исследованиях и праве общества и индивида на информацию¹⁰ [см., например, 6–8].

Необходимо отметить, что до эпохи цифровизации, пожалуй, невозможно было раздельное существование исключительного и личных неимущественных прав: без физического воплощения ни произведения, ни прав автора не существовало, а использование произведения заключалось лишь в физической передаче или представлении его публике. Распространение произведения и приобретение автором известности происходило без отрыва от исключительного права правообладателя (например, издателя). И по-другому было невозможно. А в случае создания копий произведения с нарушением исключительного права, они распространялись среди весьма ограниченного круга лиц, что не позволяло автору получить сколько-нибудь заметные нематериальные выгоды (тем более, что чаще всего незаконные копии создавались, когда имя автора уже гремело, а публика была наслышана о произведении). То есть большей славы, нового витка популярности в результате распространения контрафакта автор не получал. Сравним это с современной практикой: распространение в Интернете текста книги в электронном виде приводит к тому, что весь мир (а не весьма и весьма ограниченный круг посетителей книжного магазина и сайта издателя) в одно мгновение узнает об авторе и его умных интересных мыслях, изложенных в книге. В последнее время ещё и инструменты на базе искусственного интеллекта развились настолько, что за несколько секунд можно получить вполне сносный перевод иностранного текста на свой родной язык (если он достаточно распространен), что в принципе снимает барьеры в международном распространении литературы, в частности, и получении автором признания во всех странах мира. Та же история со Ждуном просто не могла бы случиться без цифровизации.

По всей видимости, необходимо прийти к выводу, что между личными неимущественными правами и исключительным правом не просто «может возникать коллизия» [4, с. 23], – они вообще не могут составлять единый правовой институт. По крайней мере, *теперь* – уже не могут. Разделение этих двух разных прав согласно их сущностным характеристикам, прежде всего, нацеленности на разные блага и интересы, элегантно решает если не все, то большинство проблем, обсуждаемых в сфере права интеллектуальной собственности, буквально со времен его зарождения (о последнем обстоятельстве – см., например, [9; 10]).

Заключение. В статье была рассмотрена проблема соотношения личных неимущественных прав автора и исключительного права правообладателя на примерах нарушений прав на произведения как в цифровой среде, так и в современном реальном мире. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что цифровизация общественных отношений и переход к постиндустриальной экономике не повлекли за собой необходимости ни в пересмотре общего учения о правонарушении, ни в отказе от права интеллектуальной собственности, ни в его редуцировании. Все признаки правонарушения, традиционно выделяемые теорией права, сохраняют свое значение и в постиндустриальном обществе. Однако цифровизация подчеркнула и усилила противоположность

¹⁰ Шаляпина А.С. Информационная культура: проблема авторства: дисс. ... канд. философских наук: 24.00.2001. – Ростов-н/Д., 2011; Иванов А. Интеллектуальная собственность как перераспределительный фискальный инструмент. – URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/intellektualnaya-sobstvennost/> (дата обращения 15.11.2024).

и конфликт между интересами, защищаемыми личными неимущественными правами и исключительными правами. В связи с этим становится очевидно, что названные права не могут входить в состав единого правового института и должны быть разделены в самостоятельные категории.

Признание разнонаправленности, сущностных различий между личными неимущественными правами и исключительными правами позволит разрешить множество проблем в праве интеллектуальной собственности, которые вызваны, в частности, смешением статусов автора и правообладателя (когда это один человек), а также смешением культурно-информационной составляющей и материально-имущественной в произведении (в результате интеллектуальной деятельности) и другими подобными причинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. – М.: Юристъ, 2004 – 245 с.
2. Picard E. Le droit pur [Электронный ресурс]. – Paris: Flammarion, 1908. – URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/93808/mod_resource/content/1/Edmond%20Picard%20-%20Le%20Droit%20Pur.pdf. (дата обращения: 15.11.2024).
3. Липчик Д. Авторское право и смежные права [Электронный ресурс] / Пер. с фр.; пред. М. Федотова. – М.: Ладомир; ЮНЕСКО, 2002. – URL: https://publ.lib.ru/ARCHIVES/L/LIPCIK_Deliya/Lipcik_D..html. (дата обращения: 15.11.2024).
4. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. – М.: Статут, 2005. – 416 с.
5. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: учеб. / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.
6. Козырев А.Н. Авторское право становится токсичным. Что делать? // Цифровая экономика. – 2022. – № 2(18). – С. 92–96. – URL: http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/903/DE-2022-02-11.pdf.
7. Федотов М.А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности. – 2023. – № 3. – С. 38–75. – URL: <https://tis.hse.ru/issue/view/1176>.
8. Лисаченко А.В. «Научные ценности» как наднациональная категория // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 4(34). – С. 28–33. – URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729256/>.
9. Прудон П.Ж. Литературные майораты / Пер. с фр. – Петербург: Издание Жиркевича и Зубарева, 1865. – 57 с.
10. Табашников И.Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России – СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. – VIII, 568 с.

Поступила 12.12.2024

DIGITALISATION AND THE DUALITY OF INTELLECTUAL RIGHTS

M. KOMASHKO

(National Research University Higher School of Economics, Moscow)

The article is devoted to the consideration of the problem of correlation between the author's moral rights and the right holder's exclusive right in the post-industrial society. Particular attention is paid to the fundamentally different consequences of infringement of rights to works under conditions of digitalisation, which arise in the property and non-property spheres. The author consistently examines the impact of digitalisation on the general doctrine of law violation, on researchers' attitudes towards intellectual property and on the doctrine of intellectual rights. The article concludes that the transition to a post-industrial society and a digital economy does not necessitate any adjustment of the doctrine of law violation. However, it reveals an internal contradiction embedded in the doctrine of intellectual rights. The author concludes that moral rights and exclusive rights due to their essential differences cannot constitute a single legal institute and they should be divided into independent categories of rights, which would solve many problems of intellectual property law.

Keywords: *author's moral rights, exclusive right, author, right holder, intellectual property, law violation, violation of law, Homunculus loxodontus.*

УДК 343.3/.7

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-94-99

**УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ:
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ****В.А. КУКШТЕЛЬ***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/000-0002-9048-8649>

В статье рассматривается криминологическая характеристика экономической преступности в целом, а также на примере состава преступления, ответственность за которое предусмотрено ст. 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) «Уклонение от погашения кредиторской задолженности»; анализируются качественные и количественные показатели. Предметом исследования являются уровень, структура, динамика экономической преступности, в основу исследования положены официальные данные интерактивной информационно-аналитической системы распространения официальной статистической информации. Исследован уровень экономической преступности Республики Беларусь 2009 – 2023 гг., выведено процентное соотношение экономической преступности от общего количества общественно опасных деяний. Проанализирована структура экономической преступности, выделено процентное соотношение уклонения от погашения кредиторской задолженности от общего количества преступлений, посягающих на экономическую безопасность Республики Беларусь.

Ключевые слова: кредиторская задолженность, структура, уровень, динамика, криминологическая характеристика, количественные и качественные показатели, детерминанты преступности, латентная преступность.

Введение. Уклонение от погашения кредиторской задолженности является частью преступности в целом, и ему присущи общие детерминанты преступности. Однако, в связи с предшествующей совершению преступления специфической обстановкой, обусловленностью психологических, демографических и других признаков субъектов уклонения от погашения кредиторской задолженности, изучаемое общественно опасное деяние имеет свои специфические особенности. Исследуемое преступление представляет интерес не только в уголовно-правовом, но и криминологическом аспекте, поскольку он окажет содействие в понимании причин, условий, тенденций этого общественно опасного деяния, и, как результат, будет способствовать повышению эффективности борьбы с ним.

О результативности уголовно-правового регулирования свидетельствуют данные криминологических исследований. Правоведы сходятся во мнении, что «именно криминология дополняет "классические средства" уголовного права инструментами, позволяющими раскрыть как природу преступности в целом, так и природу совершения каждого преступления в отдельности» [1, с. 7]. На протяжении последних лет в доктрине не оспаривается тезис о необходимости повышения криминологической обусловленности уголовного закона, поскольку именно криминологические сведения о том или ином виде преступности позволяют привести уголовно-правовые нормы в соответствие со складывающейся криминологической ситуацией [2]. А.И. Долгова указывает, что при криминологическом анализе любое преступление изучается как определенный процесс, развертывающийся в пространстве и времени, т.е. исследуется в контексте условий внешней среды и характеристик человека [3, с. 66].

В настоящее время, полагаем, криминологические исследования экономической преступности важно проводить посредством системного изучения данного антиобщественного явления, всей в совокупности эндогенных (внутренних) и экзогенных (внешних) причин, детерминантов, качественных и количественных признаков, типологии личности экономического преступника и т.д. На наш взгляд, всестороннее изучение в условиях социального прогресса общества поспособствует формированию концептуальных основ механизма общей и частной превенции в сфере экономической преступности, выведет на новый уровень прогнозирование криминогенных изменений в хозяйственной сфере, что в результате приведет к снижению уровня преступности данного вида.

Основная часть. Исследуя структуру преступности любого вида, необходимо учитывать уровень латентной преступности. По мнению В.В. Лунеева, «... фактическая преступность многократно превышает преступность, о которой осведомлены органы правосудия, а известная им преступность – ту её часть, которая регистрируется официально. В свою очередь, учтенная преступность превышает её раскрываемую часть, а количество раскрываемых деяний – число преступлений, за совершение которых виновные привлекаются к уголовной ответственности. Еще меньше деяний становятся предметом судебного разбирательства, еще меньше тех, за совершение которых суды выносят обвинительные приговоры с назначением наказания» [4, с. 125]. Российские правоведы, отмечая повышенную общественную опасность латентности преступности, на протяжении длительного времени исследовали её, как относительно самостоятельное правовое явление [5; 6]. В уголовно-правовой доктрине Республики Беларусь латентная преступность, в основном, изучалась правоведом фрагментарно. В юридической литературе белорусскими учеными выделяются два вида латентной преступности: естественная (скрытая) и искусственная (скрываемая) [7]. С.М. Храмов отметил проблему существования «ежегодного значительного массива латентной преступности, остающейся за рамками общенациональной уголовной статистики» [8, с. 9].

В рамках представленной публикации исследуем качественные и количественные показатели экономической преступности, поскольку данный аспект выступает обязательным условием теоретического осмысления детерминанты общественно опасного деяния и выработки эффективной стратегии противодействия ему. Анализ статистических данных свидетельствует о сравнительно невысоком количестве экономических преступлений от общего числа зарегистрированной преступности в Республике Беларусь: самый высокий процент преступлений против экономической безопасности зарегистрирован в 2015 г. (3,02%) (таблица 1). Вместе с тем, специалисты Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь провели опрос руководителей органов внутренних дел: «по их оценкам, скрытая часть экономической преступности в три – пять и более раз превышает зарегистрированную» [9, с. 62].

Таблица 1. – Процентное соотношение количества экономических преступлений (ЭП) от общего количества зарегистрированной преступности в Республике Беларусь за 2009–2023 гг.¹

Отчетный период	Количество зарегистрированных преступлений	Количество зарегистрированных ЭП	Процентное соотношение
2009	151 293	3 455	2,28
2010	140 920	3 248	2,3
2011	132 052	2 748	2,08
2012	102 127	2 467	2,41
2013	96 676	2 321	2,40
2014	93 932	2 521	2,68
2015	96 982	2 894	3,02
2016	92 943	2 815	2,98
2017	86 326	2 150	2,49
2018	83 813	1 724	2,05
2019	88 378	1 322	1,49
2020	95 478	895	0,93
2021	87 696	975	1,11
2022	88 555	1 051	1,18
2023	85 374	1 560	1,82

Следует отметить, что наличие скрытых преступлений против порядка осуществления экономической деятельности крайне негативно влияет на криминогенную обстановку в стране в целом: возникает недоверия к закону и правопорядку; осложняется выполнение задач общей и частной превенции уголовного закона; формируется психологическое ощущение безнаказанности за совершенные преступления; не соблюдается принцип уголовного закона и уголовной ответственности – неотвратимости ответственности. На наш взгляд, одна из основных причин существования латентной экономической преступности заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев в совершенных преступлениях данного вида отсутствует такой субъект процессуальных отношений, как потерпевший. Вред от преступлений против порядка осуществления экономической деятельности причиняется общественным, государственным интересам, т.е. нет конкретного физического лица, интересам которого причинялся бы вред. Данный участник уголовного процесса мог бы обратиться за защитой своих нарушенных экономических прав в правоохранительные органы, сообщив о факте совершенного преступления.

В свою очередь, уклонение от погашения кредиторской задолженности является своеобразным исключением, поскольку основной вред от преступления причиняется субъекту хозяйствования, а государству опосредованно причиняется ущерб в виде подрыва экономической безопасности. Несмотря на наличие индивидуального предпринимателя или юридического лица, чьи права и законные интересы нарушаются неправомерными действиями недобросовестных должников, нельзя говорить об отсутствии латентности преступлений данного вида. Полагаем, что основная причина латентности в этом сегменте – отказ потерпевшего либо свидетеля (в случае причинения ущерба юридическому лицу) от обращения в правоохранительные органы за защитой своего нарушенного права. Поскольку основная цель уголовной ответственности – исправление лица, совершившего преступление, общая и частная превенция, безусловно, уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости посредством взыскания с осужденного лица, совершившего преступление, имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, материального возмещения морального вреда. Однако анализ правоприменительной практики показывает, что в действительности данные взыскания остаются не исполненными должниками. В свою очередь, интерес кредитора – погашение имеющейся у него кредиторской задолженности; наращивание своего экономического потенциала, в связи с чем данный субъект хозяйствования пытается всеми возможными способами договориться с должником об исполнении последним своего обязательства без обращения в правоохранительные органы.

Таким образом, анализируя уровень преступлений, посягающих на экономическую безопасность, необходимо учитывать один из признаков экономических преступлений – высокую латентность.

¹ URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=190798>.

Сравнивая уровень преступности в целом и преступлений, посягающих на экономическую безопасность, отмечается взаимосвязанная постепенная тенденция, направленная на снижение с 2009 г. общего количества зарегистрированных преступлений. Незначительное колебание в сторону увеличения уровня преступности в Республике Беларусь зафиксировано в 2015, 2020 гг. Уровень экономической преступности в 2009–2023 гг. имеет волнообразный характер. Самый высокий уровень преступности данного вида зафиксирован в 2009 г. С 2009 по 2013 гг. зафиксировано снижение преступлений экономического сектора. С 2013 по 2015 гг. отмечено постепенное увеличение преступлений, против порядка осуществления экономической деятельности Республики Беларусь. Максимально высокий уровень экономической преступности в структуре преступности Республики Беларусь был зафиксирован в 2015 г. и составлял 3,02%. Минимальный уровень преступлений субъектов хозяйствования был отмечен в 2020 г. и составлял 0,93% (см. таблицу 1).

Анализ структуры экономической преступности 2009–2023 гг. (рисунок 1, таблица 2) позволяет сделать вывод о сравнительно незначительном количестве общественно опасных деяний в виде уклонения от погашения кредиторской задолженности.

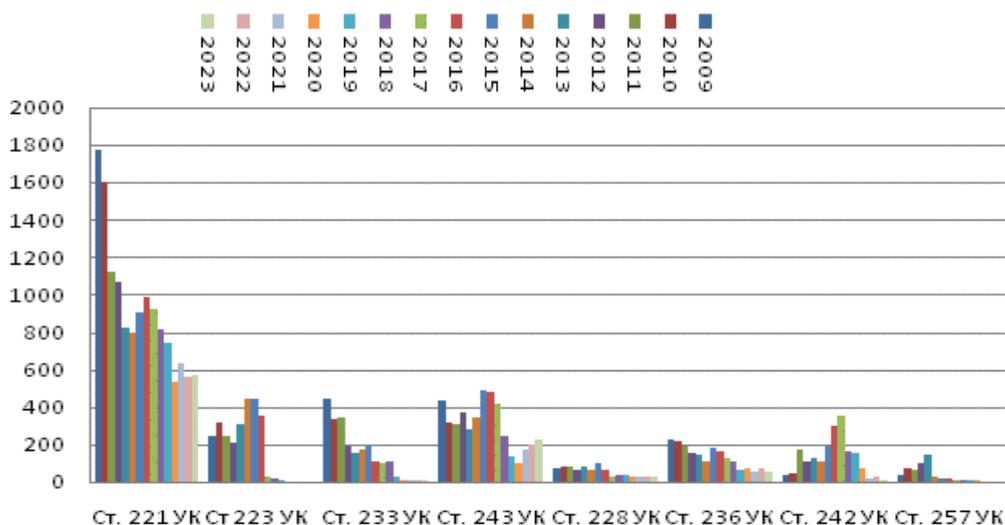

Рисунок 1. – Структура экономической преступности Республики Беларусь 2009–2023 гг.²

Таблица 2. – Процентное соотношение преступлений по ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» УК Республики Беларусь от общего количества зарегистрированных экономических преступлений (ЭП) за 2009–2023 гг.³

Отчетный период	Количество зарегистрированных ЭП	Количество преступлений, зарегистрированных по ст. 242	Процентное соотношение
2009	3 455	39	1,12
2010	3 248	47	1,44
2011	2 748	175	6,36
2012	2 467	113	4,58
2013	2 321	127	5,47
2014	2 521	109	4,32
2015	2 894	189	6,53
2016	2 815	299	10,62
2017	2 150	353	16,41
2018	1 724	167	9,68
2019	1 322	149	11,27
2020	895	70	7,82
2021	975	19	1,94
2022	1 051	23	2,18
2023	1 560	8	0,51

По данным таблицы 2, в 2017 г. был зафиксирован максимально высокий уровень составов преступлений, ответственность за которые предусматривается ст. 242 УК Республики Беларусь, – 16,41% от общего числа экономических преступлений. Минимальное количество уклонений от погашения кредиторской задолженности зарегистрировано в 2023 г. – 0,51%.

² URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=190798>.

³ Там же.

Как известно по количеству составов преступлений, объектом которых являются общественные отношения, направленные на охрану экономической деятельности, Глава 25 УК Республики Беларусь является одной из самых многочисленных. Вместе с тем правоприменительной практикой обладает относительно небольшое количество общественно опасных деяний, в число которых входит и уклонение от погашения кредиторской задолженности. К.С. Захилько обращает внимание на то, что в действующей системе норм «Преступлений против порядка осуществления экономической деятельности», общественно опасные деяния, называемые криминальным банкротством (стст. 238–241 УК Республики Беларусь), не согласуются с требованиями к формулированию специальных уголовно-правовых запретов, что не позволяет привлекать виновных к уголовной ответственности и создает трудноразрешимые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных этими статьями [10, с. 86].

Полагаем, что определенное влияние на экономическую преступность оказывают также экономические факторы. Анализ индекса внутреннего валового продукта Республики Беларусь (далее – ВВП) и статистики совершенных общественно опасных деяний, ответственность, за которые предусмотрена ст. 242 УК Республики Беларусь, свидетельствует о корреляции уклонения от погашения кредиторской задолженности с экономическим состоянием Республики Беларусь. Фактор снижения исследуемых преступлений связан с увеличением экономического потенциала Республики Беларусь, ростом доходов субъектов хозяйствования. В условиях, ухудшающих экономическое положение субъектов хозяйствования, недобросовестные должники, игнорируя экономические интересы своих кредиторов, уклоняются от надлежащего исполнения договорных обязательств, создают для себя дополнительные источники финансирования своей хозяйственной деятельности и повышения своего материального благосостояния. Также А.И. Лукашов отмечает, что «практика осуществления хозяйственного оборота свидетельствует, что немалое число субъектов предпринимательской деятельности имеет задолженность перед своими контрагентами. Их число может лишь варьироваться в сторону уменьшения или увеличения в зависимости от состояния экономики, работающей на подъеме или подверженной кризисным явлениям» [11].

Экономисты основополагающую причину кризисных явлений 2011 и 2015 гг. видят в чрезмерной долговой нагрузке хозяйствующих субъектов Республики Беларусь, а именно с кредиторской задолженностью. Г. Бадей обращает внимание, что на 1 октября 2015 г. суммарная задолженность субъектов хозяйствования составляла 885 трлн. Вг. Это в 1,4 раза больше объема ВВП за январь – сентябрь 2015 г. Из общего показателя 39% приходится на кредиторскую задолженность между субъектами хозяйствования, 60,6% – на кредиты и займы [12, с. 21].

Безусловно, ст. 242 УК Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности», не является основным детерминантом существования кредиторской задолженности субъектов хозяйствования, поскольку уголовно наказуемым является не факт наличия кредиторской задолженности, а уклонение от её погашения. Сама по себе природа кредиторской задолженности, причины и условия её существования являются экономической категорией, и вырабатывать механизм искоренения данного явления – задача экономических инструментов, а не уголовно-правовых. Тем не менее, изменения уголовно-правовой политики влияют на динамику экономической преступности. Вступившие в 2019 г. изменения в УК Республики Беларусь повысили размер ущерба, влекущего уголовную ответственность за преступления против порядка осуществления экономической деятельности, с 250 до 1000 базовых величин. Данное обстоятельство повлияло на уровень преступности субъектов хозяйствования в 2020 г.: было зафиксировано предельно низкое процентное соотношение количества экономической преступности от общего количества зарегистрированной преступности 0,93% (см. таблицу 1). А.И. Лукашов отмечает, что указанные выше изменения переведут немалое число деяний, которые ранее были преступлениями, в разряд административных правонарушений. В частности, за уклонение от погашения кредиторской задолженности число осужденных может снизиться, поскольку данное преступление в размере свыше 250 до 1000 базовых величин будет влечь административную ответственность по ст. 11.18 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) (в ныне действующей редакции КоАП Республики Беларусь ст. 12.12 Уклонение от погашения кредиторской задолженности) [13, с. 29].

Анализ статистических данных (таблица 3) не подтвердил высказываемых в научной и практической среде предположения о радикальных изменениях (в сторону увеличения) количества административных правонарушений за уклонение от погашения кредиторской задолженности вследствие законодательной корректировки одного из обязательных признаков объективной стороны состава преступления ст. 242 УК Республики Беларусь. Причина, на наш взгляд, может скрываться в латентности правонарушений данного вида.

Таблица 3. – Сведения об административных правонарушениях, по которым вступили в законную силу постановления о наложении административного взыскания, предусмотренные ст. 12.12 КоАП Республики Беларусь (ст. 11.18 в ред. 2003 г.) за период с 2010 – 3 мес. 2023 гг.⁴

Период	Всего по республике	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Минская область	Могилевская область	Город Минск
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2010	12	–	1	7	–	3	1	–
2011	18	2	1	9	–	3	3	–
2012	9	3	1	2	1	–	–	2

⁴ URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=190798>.

Окончание таблицы 3.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
2013	33	2	–	23	1	1	4	2
2014	4	–	1	1	–	–	1	1
2015	41	7	5	1	14	–	5	9
2016	226	41	21	88	24	14	26	12
2017	131	24	28	21	16	14	12	16
2018	68	9	9	13	5	10	8	14
2019	87	18	7	12	4	16	7	23
2020	80	10	9	27	6	8	11	9
2021	45	9	5	9	1	3	6	12
2022	17	–	1	3	1	2	3	7
3 мес. 2023	3	1	1	–	–	1	–	–

Заключение. Таким образом, проведенный анализ статистических данных свидетельствует о сравнительно невысоком количестве экономических преступлений среди общего числа зарегистрированной преступности в Республике Беларусь за период с 2009 по 2023 гг. Вместе с тем, необходимо учитывать исключительно высокий уровень латентности, присущий преступлениям данного вида, что существенно влияет на их фактическое число. Уровень экономической преступности Республики Беларусь исследуемого периода имеет волнообразный характер, причинами которого различные ученые называют различные факторы (от общеэкономических до узкоправовых). Тем не менее, в настоящее время зафиксировано снижение преступности данного вида.

В свою очередь, в структуре экономической преступности невысоко количественное соотношение общественно опасных деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 242 УК Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности». Полагаем, что фактор латентности также имеет большое влияние на имеющиеся данные. Правоприменительная практика в отношении данного преступления имеет место быть, в отличие от большинства составов преступлений, входящих в Главу 25 УК Республики Беларусь «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности». Вместе с тем, низкая эффективность мер уголовной ответственности предопределила пересмотр характера наказания за уклонение от погашения кредиторской задолженности в сторону административной юрисдикции, сохранив уголовную ответственность для преступлений с суммой ущерба более 1000 базовых величин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородулькина Е.С. Криминологический анализ уклонения родителей от содержания детей в Республике Беларусь // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе: сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: И.И. Лапцевич (отв. ред.). – Минск: ИВЦ Минфина, 2020. – С. 7–9.
2. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история эмпирическая база, социальный контроль [Электронный ресурс]. – 3-е изд. перераб. и доп. – URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2015/08/8F.pdf>. (дата обращения: 15.04.2022 г.).
3. Долгова А.И. Криминология: учеб. для вузов. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма, 2005. – 912 с.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции: мировой криминологический анализ. – М.: Норма, 1997. – 525 с.
5. Иванов П.И., Беясова Л.И. Основные меры по борьбе с латентной преступностью в сфере экономики // Актуальные проблемы оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел. – 2014 – № 3(31) – С. 3–9.
6. Храмов, С.М. Латентная преступность: методология познания и основные направления противодействия : монография / С.М. Храмов. – Брест, 2010. – 152 с.
7. Криминология. Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М.: Юристъ 1997. – 308 с.
8. Городецкая М.А., Плетнева Д.А. Криминология. – Минск: Акад. упр-я при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 260 с.
9. Грунтов И.О. Психологический и социально-психологический элементы содержания вины и законодательная модель умысла // Судовы веснік. – 2008. – № 4. – С. 42–48.
10. Захилько К.С. К вопросу о соотношении деяний, описываемых ст. 238 – 241 Уголовного кодекса Республики Беларусь // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2021. – № 1. – С. 81–87.
11. Лукашов А.И. Об алгоритме действий по взысканию кредиторской задолженности и административной ответственности за уклонение от ее погашения [Электронный ресурс] // iLex / ООО «ЮрСпектр», 2016–2023. – Минск, 2023.
12. Бадей Г. Время платить по долгам // Финансы. Учет. Аудит. – 2016. – № 1. – С. 21–23.
13. Лукашов А.И. Уголовный закон как регулятор имущественных отношений и хозяйственной деятельности: новеллы 2019 года // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 3. – С. 28–34.

Поступила 04.12.2024

**EVIDENCE FROM REPAYMENT OF ACCOUNTS PAYABLE:
QUANTITATIVE AND QUALITATIVE INDICATORS****V. KUKSHTEL***(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)*

The article examines the criminological characteristics of economic crime in general, as well as the example of the crime, liability for which is provided for by Art. 242 of the Criminal Code of the Republic of Belarus (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Republic of Belarus) "Evasion of repayment of accounts payable", analyzes qualitative and quantitative indicators. The subject of the study is the level, structure, dynamics of economic crime, the study is based on official data of the interactive information and analytical system for the dissemination of official statistical information. The level of economic crime in the Republic of Belarus for 2009 - 2023 was studied, the percentage of economic crime from the total number of socially dangerous acts was derived. The structure of economic crime was analyzed, the percentage of evasion of repayment of accounts payable from the total number of crimes encroaching on the economic security of the Republic of Belarus was identified.

Keywords: *accounts payable, structure, level, dynamics, criminological characteristics, quantitative and qualitative indicators, determinants of crime, latent crime.*

УДК 342.7

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-100-103

**ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ
ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА ЛИЧНОСТИ***д-р юрид. наук, доц. И.Ю. ОСТАПОВИЧ**(Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6664-1623>e-mail: ostapovich7@mail.ru*канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8828-1091>e-mail: i.shakhnovskaya@psu.by

В статье исследуется понятие цифрового суверенитета личности, анализируются научные подходы представителей политических и юридических наук. Формулируется вывод, согласно которому в основе содержания цифрового суверенитета личности находится право управлять своими данными в цифровой среде. Предлагается научный тезис о необходимости расширения такого подхода на основании изучения прогрессивного зарубежного регулирования. Акцентируется внимание на современных тенденциях развития данной категории. В статье исследуется содержание и правовое регулирование права на забвение. Авторами предпринята попытка, с учетом практики Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, иных материалов указать основные положения реализации права на забвение.

Ключевые слова: цифровой суверенитет личности, персональные данные, информационная безопасность, право на забвение, Интернет.

Введение. Традиционно правовая наука в качестве субъекта-суверена признает государство. Именно государству принадлежат правомочия по «проведению» (внутренней или внешней политики), «распоряжению» (ресурсами, информационными технологиями) и др. Однако постоянное развитие общественных отношений по причине внедрения цифровых технологий вовлекают личность (добровольно или принудительно) в цифровую среду. Новая форма правовой действительности предоставляет личности новые права и свободы, объем пользования и распоряжения которыми и лег в основу появления научной идеи о цифровом суверенитете личности.

До настоящего момента категория «цифрового суверенитета личности» не получила правовой регламентации в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь. Под правовую охрану взята информационная безопасность личности, значение которой определяется как состояние защищенности сбалансированных интересов личности от внешних и внутренних угроз в информационной сфере¹. В Российской Федерации к числу стратегических задач относится разработка правовой базы, способной обеспечить информационную безопасность граждан².

Цифровой суверенитет личности как новый научный термин вызывает интерес у представителей различных наук. В частности, политологи акцентируют внимание на определение сущности данного понятия, под которым понимается определенная степень информационного воздействия на личность при помощи манипулятивных технологий (А.П. Алексеев, В.Э. Багдасарян, А.С. Баканова, А.С. Ваторопин, Т.В. Калегина, А.С. Огнев и др.).

В рамках юридической науки цифровой суверенитет личности становится предметом исследований С.В. Паншиной, С.Ю. Чимарова, Л.В. Лося, С.А. Зайцевой, В.А. Смирнова, В.О. Шипулина и др. В большей степени результаты исследования сводятся либо к отнесению цифрового суверенитета личности к концепции «privacy» [1, с. 192], либо признается существование такой категории наравне с цифровым суверенитетом государства [2, с. 28]. По мнению Е.О. Гаврилова, нахождение ряда цифровых технологий и инструментов в чужой собственности составляет проблему реального обеспечения цифрового суверенитета личности [3, с. 146]. В понятие цифрового суверенитета личности включаются конкретные правомочия по определению содержания, формы выражения и функционирования цифровой среды по усмотрению суверена. С. Кутюр и С. Тоупин считают возможным включение в понятие суверенитета как коллективных, так и личных начал. По мнению авторов, в цифровой суверенитет личности входят определенные правомочия в области контроля над своими данными в цифровой среде [4, с. 49]. Л.В. Лось приходит к выводу, что «личный цифровой суверенитет» исходит из суверенитета государства, имеет тесную связь с последним, поскольку суверенитет государства невозможен без суверенной личности [5, с. 313].

¹ О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P219s0001&p1=1>. (дата обращения: 30.10.2024).

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. №203 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». – М., 2024.

Основная часть. Развитие концепции цифрового суверенитета личности требует выделения совокупности её правомочий в сфере виртуальной реальности. На сегодняшний день можно предложить следующие:

- право на создание и защиту цифровой идентичности (включая право на создание личного цифрового образа, право на защиту личной информации, полученной в результате оставленных цифровых следов и др.);
- право на защиту от цифровой дискриминации. В данном контексте следует вести речь об обязанности государства в области принятия мер по преодолению цифрового разрыва, о праве на защиту от использования личных данных в сети Интернет в целях ограничения прав человека. Хочется отметить французский опыт прямого законодательного закрепления принципа нейтральности Интернета, гарантирующего недопустимость дискриминации в доступе к сети со стороны провайдеров³;
- право на защиту персональных данных;
- право на перенос персональных данных (при соблюдении ряда условий). Первоначальное правовое регулирование такое право получило на уровне Общего регламента защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза (ст. 20)⁴;
- право на забвение в цифровом пространстве;
- право на защиту от противоправных деяний в отношении цифрового образа личности;
- право на оспаривание решений и действий систем искусственного интеллекта. Участие технологий искусственного интеллекта в процессе принятия решений является одной из угроз обеспечения цифрового суверенитета личности. Это могут быть случаи использования результатов таких решений для цифровой дискриминации на онлайн-платформах. В ряде государств приняты меры правовой охраны личной информации в контексте возможной ценовой дискриминации. Так, в ст. 24 Закона Китайской Народной Республики «О защите персональной информации» установлена обязанность операторов персональной информации обеспечить прозрачность принятия решений и справедливость результатов в случае использования технологий автоматического принятия решений. Кроме того, установлен запрет на необоснованность дифференцированного подхода к отдельным категориям лиц в случае определения условий по сделке⁵. В Российской Федерации имеется правовое регулирование порядка предоставления рекомендаций пользователям цифровых платформ в случае использования рекомендательных технологий, основанных на сборе данных⁶.

Разного рода ограничения в области реализации цифрового суверенитета личности определяются рядом угроз: 1) возможные риски утечки, хищения личной информации (personal information); 2) угрозы, возникающие на основе решений, принимаемых технологиями искусственного интеллекта.

Правовые предпосылки регламентации цифрового суверенитета личности заложены Общим регламентом по защите данных (Directive EU 95/46/EC (General Data Protection Regulation)⁷. Так, GDPR регламентируются право не подвергаться решениям, принимаемым на основе технологий искусственного интеллекта, право на уточнение и удаление данных, право на ограничение обработки, право на переносимость данных и др. Следовательно, центральной категорией цифрового суверенитета личности является право создания и управления персональными данными в цифровой среде. Данная концепция цифрового суверенитета личности легла в основу Стратегии Европейского союза по данным 2020 г. (EU Strategy for Data).

Однако зарубежное правовое регулирование позволяет расширить содержание данного термина, включая правомочие по управлению персональными данными в цифровой среде и после смерти. В частности, право на цифровую смерть (право личности на определение дальнейшей судьбы персональной информации, опубликованной онлайн, после его смерти) закреплено в Законе Французской Республики «О цифровой республике» 2016 года⁸. В Китае, на уровне правового регулирования, сделан «шаг вперед» в контексте развития права на цифровую смерть. Так, в ст. 49 Закона Китайской Народной Республики «О защите персональной информации» (Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL)) близкие родственники наделены правом копирования, удаления и исправления персональных данных в случае смерти физического лица, если отсутствует договоренность об ином перед смертью⁹ (защита «прав умерших» в цифровой среде).

³ LOI no 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique [Электронный ресурс] // WIPO. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/420578>. (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза. – URL: <https://gdpr-text.com/ru/>. (дата обращения: 07.10.2024).

⁵ О защите персональной информации [Электронный ресурс]: Закон Китайской Народной Республики: от 20 авг. 2021 г. // Интернет-справочник «Скорая юридическая помощь в Китае». – URL: <https://chinahelp.me/information/zakon-o-zashhite-personalnoj-informaczii-kitajskoj-narodnoj-respubliki>. (дата обращения: 30.10.2024).

⁶ О внесении изменения в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 31.07.2023 № 408-ФЗ // КонсультантПлюс. – М., 2024.

⁷ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // European Union. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 07.10.2024).

⁸ LOI no 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique [Электронный ресурс] // WIPO. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/420578>. (дата обращения: 31.10.2024)

⁹ О защите персональной информации [Электронный ресурс]. – URL: <https://chinahelp.me/information/zakon-o-zashhite-personalnoj-informaczii-kitajskoj-narodnoj-respubliki>. (дата обращения: 30.10.2024).

В контексте права на управление персональными данными право быть забытым (право на забвение) является одним из основных. Право на забвение – право человека, позволяющее ему потребовать при определённых условиях удаление своих персональных данных из общего доступа через поисковые системы¹⁰, то есть ссылок на те данные, которые, по его мнению, могут нанести ему вред. По мнению Рольфа Вебера (швейцарского профессора права), сущность права на забвение состоит в требовании лица об удалении непосредственно относящихся к нему данных из области доступности к ним третьих лиц [6, с. 120]. Такой подход, по сути, означает предоставление пользователям сети Интернет прав по удалению любых данных (медиа, фото и т.д.), которые используются операторами поисковых систем. Возникновение права на забвение связано с делом Костеха (Испания против Google) (2014 г.), результатом рассмотрения которого стала сформулированная позиция суда о том, что любая информация, которая когда-то была опубликована, пусть даже закономерно, с течением времени может устареть, стать неполной или получить опровержение и, таким образом, перестать соответствовать требованиям закона. Такая информация должна быть удалена из поисковых систем по требованию заявителя. Ограничение данного права допускается в случае, если информация носит общественное значение или публичный интерес.

В текстах конституций большинство государств не спешат включать нормы о цифровых правах личности, о защите персональных данных. В целом к конституционному регулированию «цифры» относятся весьма осторожно. Однако имеющиеся конституционно-правовые нормы в полной мере содержат потенциал для их применения с учетом цифровизации правовых отношений. Здесь речь идет о необходимости официального толкования уполномоченными субъектами, а также истечении определенного времени, необходимого для формирования должной правоприменительной практики. Так, в ч. 2 ст. 13 Федеральной Конституции Швейцарской конфедерации 1999 г. регламентировано право на защиту от злоупотребления личными данными (right to be protected against the misuse of their personal data)¹¹.

В национальном законодательстве приняты, как правило, законы о защите персональных данных, в которых регламентировано право на забвение. Такие акты регулируют порядок предоставления, хранения и обработки персональных данных, права и обязанности обладателей, операторов поисковых систем. Так, в Российской Федерации право на забвение урегулировано Федеральным Законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ст. 10.3 предусмотрена обязанность оператора поисковых систем прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о заявителе)¹². Законом № 149-ФЗ четко установлены основания для реализации права требовать прекращения выдачи сведений: если информация распространяется с нарушением законодательства Российской Федерации, является недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость.

Судебная практика в Российской Федерации свидетельствует о важности и значимости критерия отнесения информации к конкретной личности, позволяющей идентифицировать её, то есть, о персональном характере информации. Так, например, в Апелляционном определении Приморского краевого суда от 28 марта 2017 г. по делу № 33-2992/2017 истцу было отказано в удовлетворении иска, в котором содержалось требование удалить фотографии с места гибели сына (места авиакатастрофы). Отказ суда был мотивирован отсутствием ссылок на персональные данные погибшего в материалах, размещенных на сайте и невозможностью идентифицировать личность по фотографиям. Анализ практики Конституционного Суда Российской Федерации позволяет сделать вывод, что ограничение права на забвение возможно в случаях наличия информации, не имеющей непосредственного отношения к личности. Ограничиваться может путем доступа абсолютно любого человека к информации, которая имеет историческое, социальное или иное значение (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2019 г. № 849-О) [7, с. 35].

В Испании принят закон о защите персональных данных, положения которого обязывают удалять персональные данные в случае их использования в целях, не соответствующих целям сбора. Исключение составляют данные, имеющие исторически или научно значимый характер.

В судебной практике США рассматривалось дело *Sidis v. FR Publishing Corp.* И суд отказал в удалении ссылок на публикации в СМИ бывшему ребёнку-вундеркинду Вильяму Сидису, одним из требований которого было снизить внимание общественности. Причиной отказа стало указание суда на возможность установления ограничений в области контроля человека за распространением о нем информации¹³. Отказ суда может быть обусловлен значимостью свободы слова в США, гарантированной первой поправкой к тексту Конституции США. Однако в 2015 г. был принят закон, в соответствии с которым сайты и поисковые системы обязаны удалять любую информацию, которая публиковалась несовершеннолетними.

¹⁰ European Commission, Factsheet on the «Right to Be Forgotten» ruling (C-131/12)

¹¹ Federal Constitution of the Swiss Confederation of April 1999 (Status as of 27 September 2009) // WIPO. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5524>. (дата обращения: 01.11.2024).

¹² Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: ФЗ от 27.07.2006 №149-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024 №303-ФЗ) // КонсультантПлюс. – М., 2024.

¹³ *Sidis v F-R Publishing Corporation* 311 U.S. 711 61 S. Ct. 393 85 L. Ed. 462 1940 U.S.

В Республике Беларусь принят Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-3 (далее – Закон № 99-3). Согласно ч. 1 ст. 13 Закона № 99-3: «Субъект персональных данных вправе требовать от оператора бесплатного прекращения обработки своих персональных данных, включая их удаление, при отсутствии оснований для обработки персональных данных, предусмотренных законодательством»¹⁴. Такими основаниями могут выступать: осуществление правосудия, исполнение судебных постановлений и иных исполнительных документов; осуществление контроля (надзора); реализация норм законодательства в области национальной безопасности, о борьбе с коррупцией, о предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем; реализация норм законодательства о выборах, референдуме и др.

Заключение. Право на забвение относится к категории новых, «молодых» прав и свобод личности. В рамках признания и развития концепции цифрового суверенитета личности право на забвение относится к одному из её правомочий в цифровой среде, в области управления своими персональными данными. По причине специфического характера законодательной регламентации «права на забвение» имеются затруднения с определением правовой природы возникновения данного права. Под правом на забвение понимается реальная возможность личности требовать удаления своих персональных данных из виртуальной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паншина С.В., Чимаров С.Ю. Социальный аспект информационного суверенитета личности в пределах концепции «прайвэси» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 6. – С. 192–196.
2. Зайцева С.А., Смирнов В.А. Цифровой суверенитет как гарант сохранения исторической памяти // Ноосферные исследования. – 2022. – Вып. 3. – С. 27–35.
3. Гаврилов Е.О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 2. – С. 146–152.
4. Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – № 4. – С. 48–69.
5. Лось Л.В. Личный цифровой суверенитет: понятие и юридические гарантии // Охрана и защита прав и законных интересов в современном мире: сб. ст. по результатам II Междунар. науч.-практ. конф. – Симферополь, 2023. – С. 312–318.
6. Rolf H. Weber, The Right to Be Forgotten: More Than a Pandora's Box? // JPIPEC. – 2011. – № 2. – P. 120–130.
7. Остапович И.Ю. Право на забвение: опыт России и зарубежных стран // «ALIKHANBOKEIKHANUNIVERSITY» ХАБАРШЫСЫ. – 2022. – № 3(54). – С. 35–45.

Поступила 15.11.2024

THE RIGHT TO BE FORGOTTEN IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF DIGITAL PERSONAL SOVEREIGNTY

I. OSTAPOVICH

(Moscow State Law University named after O.E. Kutafina)

I. SHAKHNOVSKAYA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The authors consider the concept of digital sovereignty of the individual and analyzes the scientific approaches of representatives of political and legal sciences. The conclusion is formulated that the content of an individual's digital sovereignty is based on the right to manage one's data in the digital area. A scientific thesis is proposed on the need to expand such a scientific approach based on the study of progressive foreign regulation. Attention is focused on modern trends in the development of this category. The content and legal regulation of the right to be forgotten is considered. The authors have made an attempt, taking into account the practice of the European Court of Human Rights, the Constitutional Court of the Russian Federation, and other materials, to indicate the main provisions for the implementation of the right to be forgotten.

Keywords: *digital sovereignty of the individual, personal data, information security, right to be forgotten, Internet.*

¹⁴ О защите персональных данных [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 7 мая 2021 г. №99-3: в ред. Закона РБ от 1 июня 2022 №175-3 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 331.104

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-104-109

**ЮРИДИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ОТ ПРОЯВЛЕНИЙ МОББИНГА:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ И ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН***канд. юрид. наук, доц. Е.В. ПЕЧИНСКАЯ**(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3074-0744>

В статье рассматривается проблема моббинга в Республике Беларусь и некоторых зарубежных странах. Проведен анализ понятия «моббинг», выделены основные его признаки и виды. Автор отмечает, что сама проблема в нашей стране не обозначена как опасная и имеет низкий количественный показатель, актуальные статистические сведения о моббинге отсутствуют, данных об этом явлении очень мало и они непоследовательны. Главной проблемой в сфере противодействия моббингу является его замалчивание из опасения потери рабочего места и отсутствие правомерного алгоритма реагирования в подобных ситуациях. Правовые механизмы защиты работников от моббинга в нашей стране отсутствуют, и в большинстве случаев действия такого рода остаются безнаказанными. Отдельные статьи Трудового, Гражданского, Административного и Уголовного кодексов регулируют отношения лишь в случае отдельных (далеко не всех) действий, в связи с этим заслуживающим внимания является опыт некоторых зарубежных стран.

В заключении автор предлагает ряд мер, направленных на профилактику и борьбу с моббингом.

Ключевые слова: моббинг, оскорбления, издевательства, жертва, трудовой коллектив, психологический вред, правовые механизмы.

Введение. Проблема моббинга в Республике Беларусь не считается слишком распространенной, по сравнению с рядом других зарубежных стран. Как правило на практике случаи моббинга в нашей стране не получают серьезной огласки и не преследуются законом. Основной причиной этого является страх жертвы, которая не в состоянии защитить себя, не говоря уже о том, чтобы начинать судебный процесс.

По результатам проведенного опроса 2011 г. слушателей «Консалтторгцентра» Белорусского государственного экономического университета, представляющих различные организации Республики Беларусь, с явлением моббинга столкнулось лишь 6% респондентов [1]. Результаты опроса за 2011 г. давно устарели и не отражают реального масштаба проблемы. Для сравнения: в России жертвами моббинга становятся до 20% работников, в Европейском Союзе эта цифра составляет около 12 млн. человек (около 10%) [1]. Очевидно, что постоянный психологический террор, эмоциональный стресс, травля на рабочем месте в течение даже короткого периода времени оставляют неизгладимый отпечаток в человеческой психике, а при длительном воздействии переходят в реальные физические заболевания и даже приводят к суициду. Учитывая всю опасность данной проблемы, Международная организация труда в 1998 г. поставила моббинг в один ряд с изнасилованием и убийством [1].

Что касается нашей страны, то данных о моббинге очень мало и они весьма непоследовательны. Кроме того, получить актуальные статистические сведения не представляется возможным в силу того, что такого рода исследования за последние десятилетия просто не проводились.

Все вышеизложенное позволяет говорить о малоизученности проблемы в белорусской действительности и необходимости дальнейшего исследования данного явления. Целью статьи является определение юридических механизмов защиты от проявлений моббинга как в Республике Беларусь, так и за рубежом, а также выработка предложений, направленных на профилактику и борьбу с данным явлением.

Основная часть. В современном понимании термин «моббинг» стал использоваться уже в начале 1980-х гг., благодаря шведскому ученому-психологу, доктору Х. Лейману. Именно он стал рассматривать моббинг как психологический террор в трудовом коллективе, травлю одного или нескольких сотрудников. В дальнейшем, данное понятие использовалось многими авторами в различных трактовках. Классическим определением моббинга в западной литературе, считается понятие, предложенное С. Эйнерсеном, Д. Запфом, Х. Хоэлом и К. Л. Купером. Они рассматривают моббинг как процесс, в результате которого человек, оказавшийся объектом травли, попадает в тяжелое положение и становится мишенью систематических негативных социальных действий [2, с.44]. Под тяжелым положением авторы понимают тяжелое психологическое состояние жертв моббинга: повышенная тревожность, нарушение памяти, бессонница, ночные кошмары, депрессия и т.д. Все это связано с резким ухудшением здоровья человека и нередко приводит к инфарктам, возникновению психосоматических расстройств и даже склонности к суицидам [2, с. 45]. Некоторые российские исследователи рассматривают понятие моббинга несколько шире т.е. кроме психологического вреда и вреда здоровью относят сюда и причинение материального вреда (нанесение материального ущерба в случае увольнения работника, разрушения его карьеры, принуждение к тратам, необоснованные штрафы, снижение премий, заработной платы т.д.) [3, с. 86].

В своих работах Х. Лейман рассматривал около 45 вариантов моббинг-действий: бойкот, насмешки (в том числе, и над физическими недостатками), распространение беспочвенных слухов, сокрытие важных сведений,

клевета, социальная изоляция, шквал критики, крики, оскорбления, побои и т.д. [2, с. 45]. В отечественной науке чаще всего термин используют в контексте систематических притеснений человека в трудовых коллективах. На наш взгляд, моббинг как негативное явление можно охарактеризовать исходя из следующих признаков:

- имеет место в трудовых коллективах;
- ухудшает социально-психологический климат в коллективе (негативно сказывается на рабочем процессе, взаимоотношениях сотрудников);
- связан с притеснениями человека (различные варианты моббинг-действий);
- наносит психологический, физический, материальный вред;
- совершается как с целью увольнения работника, так и без конкретной цели;
- носит системный характер.

Рассматривая варианты решения данной проблемы в ряде зарубежных стран, следует отметить, что изначально трудовая политика в странах Евросоюза была направлена на противодействие дискриминации. Однако с момента юридического признания моббинга (когда Европейский парламент принял резолюцию о притеснениях на работе в 2001 г.), все государства-члены ЕС обязались принять соответствующие антимоббинговые законы. Первой страной, которая законодательно запрещала и наказывала за моббинг, была Швеция, где активно проводились исследования этого явления, по результатам которых было выявлено, что около 10–15% от общего количества самоубийств в Швеции составляют суициды по причине моббинга¹. В 1993 г. было принято постановление Министерства здравоохранения и охраны труда о мерах противодействия моббингу на предприятиях. Данное постановление распространяется на все случаи, в ходе которых работник может подвергнуться издевательствам. Понятие издевательства, согласно постановлению, рассматривается как неоднократные, предосудительные или явно негативные действия оскорбительного характера, направленные против работника, которые могут повлечь за собой исключение его из трудового коллектива (сюда входит клевета, преследования как самого сотрудника, так и членов его семьи, умышленное сокрытие информации (либо ложной информации) о выполненной им работе и т.д.). До сих пор в Швеции большое внимание уделяется мерам, направленным на предотвращение моббинга, выявление его причин, а не на борьбу с его последствиями. В связи с этим, у работодателя появился дополнительный (более широкий) круг обязанностей, направленный на предотвращение появления психологического насилия в коллективе. Так, в обязанности работодателя, согласно шведскому законодательству, входит:

- ознакомление персонала с нормами трудового права, касающимися моббинга;
- умение быстро реагировать на конфликты внутри коллектива;
- не допускать дисциплинарные взыскания, налагаемые на работника без какой-либо объективной причины и обоснования;
- пресекать намеренные оскорбления, угрозы, бойкот, создание атмосферы страха в коллективе;
- не допускать неуважение, чрезмерную критику в отношении работника и т.д.

Таким образом, основные меры, направленные на профилактику моббинга в Швеции, лежат на работодателе. Суть их заключается в том, чтобы последний умел планировать и организовывать работу таким образом, чтобы максимально противодействовать различным проявлениям моббинга.

В Испании нет законов или других нормативно-правовых актов, касающихся непосредственно моббинга. Применяются общие положения Королевского указа о статусе трудящихся от 24 марта 1995 г., которые гарантируют право работника на психическую неприкосновенность, уважение частной жизни и достоинства, а также запрет на разного рода преследования. В указе обозначено, что работодатель обязан обеспечить психическую и физическую безопасность работников. В случае нарушения этого стандарта он может быть приговорен к уплате штрафа в размере от 3 до 90 тыс. евро. С жертвами моббинга обращаются так же, как и с жертвами несчастных случаев на производстве, поэтому к ним применяются такие же меры защиты и выплачиваются довольно крупные суммы для компенсации нанесенного вреда².

К мерам правовой защиты от моббинга в Германии относят Конституцию (где указано, что достоинство человека неприкосновенно и каждый человек имеет право на неограниченное развитие своей личности, на жизнь и сохранение неприкосновенности) и Закон о системе труда, который содержит положения, защищающие сотрудников и предотвращающие их притеснения. Отдельные положения Гражданского и Уголовного кодексов Германии также защищают работника от моббинг-действий³. Так, в ст. 823 Гражданского кодекса Германии указано, что тот, кто умышленно или неумышленно покушается на жизнь, здоровье, свободу, собственность или иное право другого лица, в связи с нарушением закона, обязан возместить причиненный ущерб⁴. По ст. 223 Уголовного кодекса физическое насилие над другим лицом или причинение вреда его здоровью наказываются лишением свободы на срок до 5 лет или штрафом. Но эти положения применяются к самым радикальным формам моббинга⁵. В стране имеются телефонные «горячие линии» для помощи жертвам моббинга, а также существуют

¹ *Pe osob doswiadcza mobbingu w pracy?* – URL: <https://www.forsal.pl>. (дата обращения 16.01.2024).

² См. сноску № 1.

³ См. сноску № 1.

⁴ См. сноску № 1.

⁵ См. сноску № 1.

общественные организации, защищающие их права. Работает большое количество интернет-сайтов для оказания помощи тем, кому психологически не комфортно на своем рабочем месте из-за коллег. Лицам, пострадавшим от моббинга, предлагают обращаться в профсоюзные организации, в Советы трудового коллектива. При приеме на работу нового сотрудника просят ознакомиться с антимоббинговым соглашением, в котором имеется не только подробное толкование моббинга, но и рекомендации о том, кто может помочь в данном вопросе, какова возможность материального возмещения в случае, если работник действительно будет ему подвергаться. Согласно данным статистики, в Германии моббинг так или иначе причастен к 20% самоубийств⁶. Именно поэтому, один из крупнейших профсоюзов Германии IG Metall занимается исследованиями, посвященными причинам его возникновения, а также мерам предупреждения.

Согласно французскому законодательству понятие «моббинг» рассматривается как моральное преследование. Любой человек, считающий себя жертвой, может потребовать начала процедуры медиации в компании. Если медиация заканчивается неудачно, то медиатор информирует стороны о санкциях и процессуальных гарантиях, предусмотренных для жертв моббинга. Далее сам работник может обратиться в суд или от его имени это может сделать профсоюз. При этом, бремя доказывания лежит на ответчике. Данное положение позволяет уравнивать более слабую (работника) и более сильную (работодателя) стороны⁷. Кроме того, трудовое законодательство Франции закрепляет и иные способы защиты от моббинга. Так, работник наделяется правом приостановить работу в случае, если есть разумное основание полагать, что рабочая обстановка представляет для него неминуемую и серьезную опасность (при этом часы простоя полностью оплачиваются); вправе предупредить, направить соответствующую жалобу о моральном преследовании в представительные органы на предприятии (в комитет по гигиене, безопасности и условиям труда, в комитет предприятия, делегатам персонала); может направить жалобу инспектору труда, основная задача которого – найти варианты примирения сторон [1, с.44].

Социологическое исследование, проведенное в Польше в 2022 г. по заказу Pracuj.pl. проводилось в группе людей в возрасте от 18 до 25 лет (было опрошено 1790 человек) и показало, что каждый пятый опрошенный лично сталкивался с моббингом на работе. Положительные ответы дали 24% женщин и 15% мужчин. Остальная часть опрошенных заявила, что лично наблюдали травлю одного из коллег на рабочем месте (12% женщин и 13% мужчин). В итоге 65% работников утверждают, что моббинг является для них весьма серьезной проблемой⁸. В 2004 г. Польша приняла закон о предотвращении дискриминации на работе. Многие компании ввели собственную политику по борьбе с моббингом: создали необходимые регламенты по защите сотрудников, разработали правила внутренней политики в компании, предотвращающие моббинг. Также параграф 3, ст. 94³ Кодекса труда Польши прямо указывает на возможность требовать компенсацию за вред здоровью, причиненный моббингом⁹. Работник в обязательном порядке должен указать моббинг как причину расторжения трудового договора т.е. со ссылкой на вышеуказанный параграф. В случае расторжения договора по причинам издевательств, сотрудник вправе получить от работодателя компенсацию не ниже минимального вознаграждения, определенного отдельными положениями. При этом сумма компенсации никак не влияет на величину прочих выплат, которые ему должны произвести в случае его увольнения. Однако, на работников нанятых на других условиях (т.е. не по трудовому договору) данная компенсация не распространяется¹⁰. Гражданский кодекс Польши не рассматривает понятия «моббинг», однако ст. 24 указывает на предотвращение и возможные компенсации нарушения личных прав, к которым, несомненно, можно отнести и издеательства¹¹. Также в случае однократной угрозы польский работник может сослаться на ст. 218 Уголовного кодекса Польши: «Тот, кто при осуществлении деятельности в сфере трудового права и социального обеспечения злостно или систематически нарушает права работника, вытекающие из трудовых отношений или социального страхования, подлежит штрафу, ограничению свободы или лишению свободы сроком до 2 лет». Здесь ответчиком может быть только сам работодатель или лицо, его представляющее. Основная цель такого преступления – унижить, причинить вред или причинить неудобства работнику¹².

Несмотря на имеющиеся возможности по защите своих прав от всевозможных моббинг-действий 71% респондентов указали, что об имеющейся проблеме начальству или в вышестоящие органы они не сообщали. Связано это, в первую очередь, с тем, что в Польше рынок труда весьма динамичен и перенасыщен работниками из разных стран. Кроме того, как и в ряде других стран, далеко не все работники в Польше знают, что вне зависимости от того, сам работник стал жертвой моббинга или являлся свидетелем этого, он может сообщить об этом как действующему профсоюзу, так и в Национальную инспекцию труда (письменное уведомление является ос-

⁶ См. сноску № 1.

⁷ См. сноску № 1.

⁸ См. сноску № 1.

⁹ Что такое моббинг и как бороться с издеательствами в Польше? – URL: https://polandconsult.com/praca/mobbing.html#kompensaciazamobbing?utm_source=table_of_content. (дата обращения 16.01.2024).

¹⁰ См. сноску № 9.

¹¹ См. сноску № 9.

¹² Моббинг: что это? – URL: <https://uhr.org.pl/ru/baza-wiedzy/mobbing-cho-jeto/>. (дата обращения 17.01.2024).

нованием для проверки компании). Если же компания не реагирует на сигналы моббинга, то её могут оштрафовать, а также заставить принудительно принять необходимые меры для борьбы с моббингом на рабочем месте. В самых сложных случаях, работник может отправить письмо омбудсмену или сообщить в полицию¹³. Не менее важной причиной несообщения работником о травле в отношении него является и тот факт, что в Польше бремя доказывания случая моббинга лежит на истце, а длительные судебные разбирательства не позволяют работнику быстро разрешить спор и получить компенсацию. Люди предпочитают забыть о травмирующем опыте и часто просто находят новое место работы.

В Республике Беларусь (как и в Российской Федерации) отсутствует специальное антимоббинговое законодательство, не существует общественных институтов защиты в случае возникновения моббинг-ситуаций (профсоюзы не выполняют данной функции, а обращение в департамент государственной инспекции по охране труда возможно не во всех случаях моббинга) [4, с. 30]. Однако некоторые юридические механизмы защиты от физического и психологического насилия в трудовом коллективе у нас всё же имеются. Так, в отдельных статьях Гражданского, Административного, Трудового и Уголовного кодексов предусмотрены различные виды ответственности за некоторые моббинг-действия.

В ст. 11 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК РБ) прописаны права работника на здоровые и безопасные условия труда; невмешательство в частную жизнь и уважение личного достоинства. Статья 14 ТК РБ запрещает дискриминацию, то есть ограничение в трудовых правах или получение каких-либо преимуществ в зависимости от пола, расы, национального и социального происхождения, языка, религиозных или политических убеждений, участия или неучастия в профсоюзах или иных общественных объединениях, имущественного или служебного положения, возраста, места жительства, недостатков физического или психического характера, не препятствующих исполнению соответствующих трудовых обязанностей, иных обстоятельств, не связанных с деловыми качествами и не обусловленных спецификой трудовой функции работника. Однако на деле эти положения не имеют полноценного и исчерпывающего механизма реализации.

Что же касается ответственности за совершение неправомерных действий в сторону работника работодателем, то в ТК РБ прописано два таких случая. Первый касается обязанности работодателя возместить работнику материальный ущерб, причиненный в результате незаконного увольнения, перевода, перемещения, изменения существенных условий труда, отстранения от работы (ст. 245 ТК РБ). Второй – возмещения морального вреда, причиненного работнику в случаях увольнения без законного основания или с нарушением установленного порядка увольнения либо незаконного перевода на другую работу (ст. 246 ТК РБ). Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего (ст. 970 Гражданского кодекса Республики Беларусь, далее – ГК РБ). К основаниям компенсации морального вреда относят также случаи, когда гражданину вред причинен распространением сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь, достоинство или его деловую репутацию (ст. 969 ГК РБ). Кроме того, гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. Если указанные сведения содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву (ст. 153 ГК РБ).

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях имеется ответственность за оскорбление (умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме), что влечет за собой наложение штрафа в размере до тридцати базовых величин. Если же оскорбление имело место в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, то данные действия наказываются штрафом в размере от десяти до двухсот базовых величин, или общественными работами, или административным арестом (п. 2 ст. 10.2 КоАП РБ).

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК РБ) также есть отдельные статьи, так или иначе связанные с формами психологического давления на человека. Статья 185 УК РБ предусматривает ответственность за «принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершенное под угрозой применения насилия к нему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления, и наказывается общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет,

¹³ См. сноску № 1.

или арестом, или ограничением свободы на срок до двух лет». Уголовная ответственность наступает и за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, то есть – за клевету. За неё предусмотрены штраф или исправительные работы на срок до двух лет, или арест, или ограничение свободы на срок до трех лет, или лишение свободы на тот же срок.

Статья 145 УК РБ содержит в себе положения о доведении лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угрозы применения насилия к нему или его близким, уничтожения, повреждения или изъятия их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства и предусматривает за это арест, или ограничение свободы на срок до трех лет, или лишение свободы на тот же срок. То же деяние, совершенное в отношении лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, либо двух или более лиц, либо заведомо несовершеннолетнего, либо группой лиц по предварительному сговору, наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок от одного года до пяти лет.

Если психологический террор на работе осуществляется из-за расы, национальности, происхождения, пола лица, его религии или убеждений и т.д., то лицо можно привлечь к ответственности по ст. 190 УК РБ за умышленное прямое или косвенное нарушение или ограничение прав и свобод, либо установление прямых или косвенных преимуществ граждан. Наказание возможно в виде штрафа или исправительных работ на срок до двух лет, или ограничения свободы на тот же срок, или лишения свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения. За необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение женщины по мотивам её беременности либо заведомо незаконное увольнение лица с работы предусматривается лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительные работы на срок до двух лет, или лишение свободы на срок до трех лет (ст. 199 УК РБ). В случае нарушении неприкосновенности частной жизни и персональных данных (умышленный незаконный сбор, предоставление информации о частной жизни и (или) персональных данных, распространение такой информации без согласия лица), что повлекло за собой причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина, ответственность наступает по ст. 203 УК РБ. Наказание зависит от характера самого деяния и субъекта, совершившего преступление (от общественных работ до лишения свободы на срок до 5 лет).

Заключение. В нашей стране некоторые статьи Трудового, Гражданского, Административного и Уголовного кодексов могут регулировать отношения лишь в случае тех моббинг-ситуаций, когда имеет место явное нарушение закона. Иные варианты психологического насилия остаются безнаказанными т.к. большинство форм моббинг-действий невозможно классифицировать по действующему законодательству (деяния агрессоров не переходят непосредственно рамки закона, и привлечь их к ответственности не представляется возможным). В связи с этим для наиболее эффективного решения данной проблемы, на наш взгляд, заслуживающим внимания является опыт некоторых зарубежных стран. Так, с учетом современных реалий для Республики Беларусь возможно использование следующих мер:

- закрепление понятия «моббинг» в трудовых правоотношениях;
- наложение антимоббинговых обязательств на работодателя или предприятие;
- использование идеи о назначении для работника доверенного лица или лица по профилактике (представитель от профсоюза или трудового коллектива);
- разработка процедуры антимоббинговых соглашений;
- компенсация и наложение ответственности за любые моббинг-действия;
- оперативность судебного разбирательства при моббинг-конфликте;
- активное использование процедуры медиации, направленное на примирение обеих сторон.

Для профилактики и борьбы моббингом, результативным, с нашей точки зрения, будет являться также проведение ряда исследований, социологических опросов для выявления различных моббинг-ситуаций в трудовом коллективе, а также создание специальных интернет-сайтов, «горячей» телефонной линии и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваниорек Л., Ваниорек А. Моббинг: когда работа становится адом. – М.: АО «Интерэксперт», 1996. – 168 с.
2. Тимофеева В.Е. Современное состояние изучения проблемы моббинга в организациях // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 43–46.
3. Тимофеева В.Е. Законодательное регулирование проявлений моббинга: российские правовые реалии и мировой опыт // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 84–96.
4. Курсова О.А. Защита от моббинга в трудовых отношениях: проблемы правового регулирования // Вестник ОмЮА. – 2014. – № 3. – С. 28–31.

Поступила 25.10.2024

**LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTION AGAINST MOBBING:
DOMESTIC LEGAL REALITIES AND EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES****E. PIACHYNSKAYA***(Yanka Kupala State University of Grodno)*

The article discusses the problem of mobbing in the Republic of Belarus and some foreign countries. The concept of “mobbing” is analyzed, its main features and types are highlighted. The author notes that the problem itself in our country is not designated as dangerous and has a low quantitative indicator, there is no current statistical information on mobbing, there is very little data on this phenomenon and it is inconsistent. The main problem in the field of countering mobbing is its hushing up for fear of losing a job and the lack of a legitimate response algorithm in such situations. There are no legal mechanisms to protect workers from mobbing in our country, and in most cases, actions of this kind remain unpunished. Certain articles of the Labor, Civil, Administrative and Criminal Codes regulate relations only in the case of certain (by no means all) actions; in this regard, the experience of some foreign countries deserves attention.

In conclusion the author offers some measures to prevent and fight mobbing.

Keywords: *mobbing, insult, harassment, victim, staff, psychological harm, legal arrangements.*

УДК 347.21

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-110-118

**ПОНЯТИЕ «ДОМЕННОЕ ИМЯ». ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОМЕННОГО ИМЕНИ
КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ****Т.В. СЕМЁНОВА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8507-8074>

В статье обоснована необходимость совершенствования системы понятий, используемых в законодательстве для обозначения доменного имени. Предлагается авторское определение понятия «доменное имя», которое позволит заполнить пробел, существующий в гражданском праве, а введение предложенной дефиниции на законодательном уровне будет способствовать единообразному пониманию и толкованию понятия объекта «доменное имя» в гражданско-правовых отношениях. Обоснована новая модель права на доменное имя, исходя из установленной правовой природы и сущности этого права: предлагается наделять правообладателя доменного имени имущественным правом абсолютного характера при условии осуществления предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: *гражданско-правовые отношения, домен, доменная зона, доменное имя, объект гражданского оборота, право на доменное имя, имущественное право, цифровой объект, цифровое право.*

Введение. Общемировые процессы по активному внедрению новейших технологий во все сферы жизни общества и по масштабной цифровой трансформации отраслей экономики, а также развитие сотрудничества Республики Беларусь в рамках региональных интеграционных объединений неотвратимо приводят к возникновению правовых споров, разрешение которых весьма отягощено отсутствием специального национального правового регулирования. Доменные споры – весьма распространённый и неоднозначный конфликт подобной природы. Само же доменное имя как ядро технологии интернет-адресации идентифицируя и вторично индивидуализируя, способствует привлечению пользователей к интернет-ресурсу. Именно вторичная функция индивидуализации доменного имени обуславливают высокую коммерческую ценность в условиях формирования цифровой экономики Республики Беларусь и является причиной дискуссий о принадлежности доменного имени к средствам индивидуализации. Ограниченные концепции о принадлежности каждого доменного имени к данной категории, как и абсолютное непринятие их вторичной функции, рассмотрение её несущественной, привели к аморфному правовому режиму доменных имён как в доктрине, так и на законодательном уровне.

Теория доменного имени как средства индивидуализации с позиции плеяды ученых, таких как С.В. Дмитриев, В.О. Калятин, В.Б. Наумов, А.В. Попцов, О.А. Рузакова, А.Г. Серго, сыграла значительную роль в формировании представлений о правовой природе доменного имени. Она последовательно отстаивает представление о доменном имени как самостоятельном объекте, права на который носят имущественный характер.

Цель настоящего исследования – провести комплексный анализ гражданско-правового регулирования отношений, связанных с использованием доменных имён. В связи с этим возникает ряд задач:

- сформулировать понятие доменного имени;
- определить режим доменного имени как объекта гражданских правоотношений;
- внести соответствующие предложения по совершенствованию законодательства в области правоотношений, связанных с использованием доменных имён.

Основная часть. Понятие «доменное имя» Доменное имя состоит, как минимум, из двух частей: имени и доменной зоны. Например, в доменном имени «аац.бел» часть «аац» — это имя (бел. – *Аператыўна-аналітычны цэнтр пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь – ААЦ*), а «бел» – это национальная доменная зона в доменном имени. Под каждым уровнем доменного имени можно создавать ещё один, который будет составной частью вышестоящего. Как правило, доменные имена содержат от двух до четырёх подуровней, но технически число подуровней не ограничено.

Целесообразно выделить два термина: «домен» как область пространства иерархических имен сети Интернет, которая обслуживается DNS, и «доменное имя» как словесная форма конкретного адреса. Необходимо отметить и различие подходов к определению понятий «домен» и «доменное имя» в правовой доктрине.

Так, К.В. Сокерин поясняет, что «домен» и «доменное имя» являются разными и самостоятельными объектами отношений, понимая под первым «область пространства доменных имен», а под вторым – «идентификатор домена и (или) информационной системы»¹. В.О. Калятин рассматривает «домен» и «доменное имя» как самостоятельные объекты, понимая под доменом «область адресного пространства иерархических имен сети Интернет, которая обслуживается набором серверов доменных имен (DNS) и централизованно администрируется» [1, с. 14], а под доменным именем – «зарегистрированное в установленном порядке словесно-цифровое обозначение, заменяющее цифровой IP-адрес компьютера, подключенного к сети», отмечая при этом, что «существование

¹ Сокерин К.В. Охрана права на доменное имя в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Ин-т государства и права Росс. акад. наук. – М., 2007. – 23 с.

системы доменных имен не отменяет и не заменяет использование IP-адресов, но делает использование системы IP-адресов незаметным для пользователя Интернета» [1, с. 13].

Безусловно, конструктивное отличие заключается именно в том, что домен – зона адресного пространства (например, ccTLD – «.by», «.бел», gTLD – «.academy», «.business», new gTLD – «.photography», «.дети»), а доменное имя – совокупность наименований (указателей) в одной отдельно взятой области адресного пространства (например, «president.gov.by», «аац.бел», «psu.by»).

Вместе с тем, А.Г. Серго считает, что разделять понятия безосновательно, ссылаясь на международные технические стандарты, в которых понятия «домен» и «доменное имя» выступают как синонимы [2, с. 35]. Р.В. Козорезова писала «Домены второго, а иногда и третьего уровня обычно указывают на название организации, учреждения, предприятия или на имя лица. Именно в таких доменах неправомерно используются товарные знаки, фирменные наименования организаций и другие средства индивидуализации» [3]. Ю.В. Урбанович пишет: «При рассмотрении подобных исков судебной коллегией могут быть вынесены решения о запрете использования чужих средств индивидуализации в доменных именах в сети Интернет и о прекращении регистраторами предоставления доменов определенным лицам» [4].

Данное основание, исходящее из принципа синонимичности, представляется некорректным, тем не менее, использование понятия «домен» вместо доменного имени можно увидеть как в законодательстве (Инструкция о регистрации доменных имен в национальной доменной зоне, утвержденной Приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь 18.06.2010 г., № 47 (в ред. приказов от 20.12.2019 г., № 429, от 25.08.2021 г., № 138, от 04.04.2024 г., № 69) (далее – Инструкция № 47)), так и в отечественной судебной практике. Тем не менее, в Инструкции № 47 указано, «В главах 3–9 настоящей Инструкции под терминами «доменное имя», «домен» понимается доменное имя (домен) второго уровня». Данная информация появилась в редакции приказа Оперативно-аналитического центра от 20.12.2019 г. № 429.

Что касается белорусских правовых реалий, то в Инструкции № 47, определяющей порядок регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет, дается следующее определение: «Доменное имя (домен) – символическое (буквенно-цифровое) обозначение, сформированное в соответствии с международными правилами адресации сети Интернет, предназначенное для поименованного обращения к интернет-ресурсу и связанное при его делегировании с определенным сетевым адресом». Такое же определение дается в публичном договоре оказания услуги по регистрации доменного имени в национальной доменной зоне².

Данное определение нельзя считать удачным по следующим основаниям:

- в нем не отражена способность доменных имен идентифицировать информационный ресурс в сети Интернет;
- определение не описывает специфику прав на доменные имена – возможность быть объектом гражданского оборота при реализации функции индивидуализации;
- определение не признает возможность каждого доменного имени быть самостоятельным объектом гражданских прав.

В Решении судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Республики Беларусь от 04.11.2022 г. (Дело № ИИГИП2299) содержится формулировка: «Сведения об изменении владельца домена могут быть внесены в базу данных на основании решения суда»³. Кроме того, в Решении комиссии МАРТ от 21.05.2024 г., № 511/16-2024 сказано: «С марта 2023 г. ООО "ЗБ" использует в своей деятельности сайт www.z.bel, какая-либо информация непосредственно в домене z.-s.by не содержится»⁴.

Как указывает К.В. Гец «При этом представляется, что прямой перевод первоначального термина «domain» (область, сфера, территория) также указывает на разницу в обоих терминах. Кроме того, доменное имя само по себе является более точным, конкретизированным указателем адресного пространства в Интернете»⁵. Понятия «домен» и «доменное имя» в реальности тесно взаимосвязаны, но их главное отличие следующие: без домена как зоны адресного пространства в сети Интернет (например, «.бел»), который может включать в себя технически неограниченное число нижестоящих наименований (указателей) доменов, невозможно существование доменного имени (например, «розы.бел») как объекта-идентификатора адресного пространства. В отношении понятия доменного имени В.Б. Наумов определяет понятие «домен» как «обозначение в доменном имени, конкретизирующее путь к информационному ресурсу в телекоммуникационной сети» и отмечает следующее: «...для анализа общественных отношений, связанных с доменными именами, важно повторить, что существующая система доменных имен имеет ряд существенных особенностей:

- она едина для всей сети Интернет и иерархична;
- она факультативна и предоставляет возможность лицам самостоятельно выбирать и регистрировать незанятые названия;

² URL: <https://becloud.by/upload/iblock/8d6/gaggh6aig43s7qjb99g09m70z70l4b4k/PUBLICHNYI-DOGOVOR-okazaniya-uslugi-po-registratsii-domennykh-imen-by-bel.pdf>.

³ URL: <https://court.gov.by/ru/firmennye-naimenovaniya/2c65234fac2d4fee.html>.

⁴ URL: <http://mart.gov.by/%D0%A0%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%97%D0%B8%D0%B%D0%B3%D0%B5%D1%80%20%D0%91%D0%B5%D0%BB%20-%20%D0%A2%D0%9A%20%D0%9F%D1%80%D1%8B%D0%B3%D0%BE%D0%B6%D0%B0.pdf>.

⁵ Гец К.В. Право на доменное имя и пределы его осуществления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2022. – 277 л.

– для зарегистрированных доменных имен обеспечивается их уникальность на всем адресном пространстве сети Интернет;

– экономически система строится на возмездной основе» [5].

Одновременно, доменное имя – идентификатор адресного пространства. Функция идентификации реализуется через ввод наименований/указателей адресного пространства/доменов нескольких разных уровней: доменное имя «*president.gov.by*» включает в себя три наименования/указателя адресного пространства/домена, находящихся в установленной последовательности. Целесообразно отметить, что доменное имя относится к доменам как к зоне адресного пространства (ccTLD, gTLD, new gTLD), как часть – к целому, но доменное имя относится к доменам как к наименованию/указателю адресного пространства, как целое – к части. Ю.Ф. Вацковский определяет домен как «область подключения устройства (группы устройств) к условному иерархическому пространству сети Интернет, индивидуализируемая цифровым IP-адресом», а доменное имя как «уникальное символическое обозначение, зарегистрированное в реестре доменных имен и предназначенное для облегчения адресации по цифровому IP-адресу устройства, подключенного к условному иерархическому пространству сети Интернет»⁶.

Таким образом, доменное имя – совокупность наименований (указателей) адресного пространства (доменов), являющаяся идентификатором определенного (условно ограниченного) адресного пространства.

Можно отметить, что в лексическом обороте имеет место быть и проблема понятий «домен» и «доменная зона»: под доменом понимается наименование (указатель) адресного пространства, который *может* выступать в качестве обозначения «доменной зоны». Например, доменное имя – «*alice.yandex.by*», которое включает в себя 3 домена (как части): «*alice*», «*yandex*», «*by*», при этом «*by*» – национальная доменная зона Республики Беларусь. Т.е. «*by*» как синтаксическая часть является доменом как наименованием (указателем) адресного пространства, а «*by*» как лексическая часть – доменной зоной. А.Г. Серго отмечает, что «теоретически, возможно, разделение понятий "доменное имя" (полное наименование домена, включающие все домены вышестоящего уровня), "домен" (наименование домена последнего (самого нижнего) уровня) и "доменную зону" (указание на домен верхнего (первого) уровня)), но практически необходимости в этом нет. Более того, введение терминологии, отличной от общепринятой в мире, лишь усложнит интеграцию в мировое информационное сообщество. Кроме того, международные технические стандарты (RFCs), определяющие функционирование компьютерной сети Интернет (RFC-1034), рассматривают понятие домена (domain) и доменного имени (domain name) как синонимы. Представляется, что подход, заложенный в международных стандартах, является предпочтительным»⁷.

Тем не менее, в соответствии с ч. 3.1 главы 3 технического стандарта RFC-1034, «домен идентифицируется доменным именем и состоит из той части пространства доменного имени, которая находится над или ниже доменного имени, которое определяет домен. Домен есть поддомен другого домена, если он находится внутри такого домена»⁸. В п. 1 главы 3 технического стандарта RFC-1591, отражающего концепцию структуры доменных имен, говорится о том, что «основным требованием является то, что для каждого домена существует свой координатор, управляющим пространством доменных имен в этом домене», а также в п. 3 той же главы сказано, что «назначаемый координатор должен равно относиться ко всем группам в домене, которые запрашиваются в доменных именах»⁹. Кроме того, в техническом протоколе RFC-1591 перечислены различные домены – «*.com*», «*.edu*», «*.net*», «*.org*» и проч. – и они называются доменами, а не доменными именами. В соответствии с созданным ICANN «Руководством по доменным именам для начинающих», «первым шагом по регистрации доменного имени является выбор домена верхнего уровня и наименования второго уровня, которое мы хотели зарегистрировать в домене. Доменное имя состоит из двух частей: символов, которые следуют за последней точкой в доменном имени, и символов, которые идут после нее. Часть, следующая за последней точкой, называется домен верхнего уровня или расширение. Символы, которые находятся слева от точки, называются домен второго уровня или обозначение. Эта та часть доменного имени, которые пользователи ассоциируют со своим интернет-сайтом или электронной почтой»¹⁰.

Видится вполне корректным синонимичное использование терминов «домен» и «доменная зона» дабы избежать понятийной путаницы. Но ситуация с синонимичным использованием терминов «домен» и «доменное имя» абсолютно противоположная и имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Например, правообладатель доменного имени, предоставляющий в использование домен как часть адресного пространства (выделяя дополнительный поддомен), должен указывать в договоре термин «домен», потому что при указании «доменное имя» вместо «домен», контрагент, будучи в заблуждении, будет предполагать, что передается правомочие использования доменного имени *целиком*. Корректное использование терминологии будет способствовать ясности в отечественной судебной практике: при использовании товарного знака в поддомене (например, «*taxi.yandex.by*») правообладатель будет вынужден прекратить нарушение путем удаления соответствующего домена «*taxi*»; при использовании же товарного знака в доменном имени целиком («*yandex.by*») решение будет

⁶ Вацковский Ю.Ф. Судебная защита средств индивидуализации от незаконного использования в доменных именах: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2009. – 162 л.

⁷ Серго А.Г. Правовой режим доменных имен и его развитие в гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук 12.00.03. – М., 2011. – 380 л.

⁸ Domain names – concepts and facilities. – URL: <http://tools.ietf.org/html/rfc1034>.

⁹ Domain Name System Structure and Delegation. – URL: <http://tools.ietf.org/html/rfc1591>.

¹⁰ Beginner's Guide to Domain Names. – URL: <https://community.icann.org/pages/viewpage.action?pageId=42731863>.

относиться именно ко всему доменному имени. Таким образом, решение может влечь последствия в виде прекращения использования всего доменного имени или передачи прав на него правообладателю.

Целесообразно рассмотреть другие идентификаторы адресного пространства с учётом сравнения цифровых идентификаторов с материальными в рамках цивилистического направления.

Так, З.Ю. Милютин отмечал, что доменное имя «пополнило собой перечень таких ... идентификаторов, как телефонный номер и почтовый адрес»¹¹. Ш. Бурштейн указывал: «наилучшим способом охарактеризовать правовой статус доменного имени будет аналогия с телефонным номером», обосновав тем, что «доменное имя может указывать не только на источник товаров, услуг, предприятия или информации, но и виртуальное расположение такого источника, также как адрес или телефонный номер», и тем, что «сохранение права на использование персонального номера или доменного имени зависит от продолжения предоставления услуг оператором телефонной связи или регистратором доменных имен» [6]. Данное предположение абсолютно не соответствует реальности: телефонный номер идентифицирует устройство, а доменное имя – содержимое адресного пространства. Почтовый индекс указывает на определенное пространство в материальном мире и не охватывает все объекты этой территории, кроме того, невозможно с помощью только индекса определить субъектов. Такие различия цифрового адресного пространства и материального пространства не позволяют соотносить их идентификаторы.

Согласно определению, приведенному Всемирной организацией интеллектуальной собственности, «доменными именами являются понятные человеку формы интернет-адресов, которые обычно используются для того, чтобы найти веб-сайт»¹². В Положении о порядке ограничения (возобновления) доступа к интернет-ресурсу, информационным системам и ресурсам, утвержденном Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.06.2024 г. № 454, под идентификатором интернет-ресурса понимается «доменное имя, IP-адрес, URL, иная информация, позволяющая идентифицировать интернет-ресурс, включая сетевое издание, новостной агрегатор, копию интернет-ресурса, информационную систему и (или) ресурс»¹³. Если рассмотреть подобный на телефонной номер идентификатор объекта в адресном пространстве – это IP-адрес, который *может* и непосредственно не определять субъект, а указывать лишь на объект и его «физическое расположение» в сети Интернет. При этом IP-адрес, соответственно, одновременно выступает идентификатором объекта, адресного пространства, и, иногда, субъекта. IP-адреса могут быть у различных объектов, имеющих подключение к сети Интернет: от робота-пылесоса до сервера файлового архива, на котором хранятся миллионы файлов различных типов. Самое главное, что IP-адрес указывает физическое местонахождение «машины», к которой имеет привязку. Доменное имя, в свою очередь, является упрощенной интерпретацией IP-адреса, символьным обозначением, вполне ясным обычному пользователю.

Так, С.А. Бабкин рассматривает доменное имя в качестве «буквенного обозначения», которое «служит той же функции, что и IP-адрес, — идентифицировать определенное оконечное устройство в Сети» [7, с. 211]. Ю.А. Яхин определяет доменное имя как «уникальное символьное обозначение, зарегистрированное в качестве аналога определенного IP-адреса в реестре доменных имен, обеспечивающее функцию идентификации информационного ресурса в международной компьютерной сети»¹⁴. Доменное имя и IP-адрес – это два неотделимых элемента DNS, которые связывают удаленные устройства только с одной лишь разницей: доменное имя предназначено для человека, а IP-адрес – для «машины» (компьютера, смартфона и проч.).

Что касается URL как стандартизированного способа записи адреса ресурса в сети Интернет, то он идентифицирует как часть пространства, как и объект, который в нём находится. Например, URL главной страницы интернет-магазина «OZ.by» – <https://oz.by/>, но доменным именем является «oz.by». Интернет-ресурсу соответствует IP-адреса 178.172.160.0-178.172.163.255. При этом изображению «OZ», отображающемуся на главной странице, соответствуют товарные знаки № 31704, № 56501, № 69354, № 72189. Функция URL – указание и идентификация существующего объекта в сети Интернет, который присваивается объекту с указанием доменного имени, в котором этот объект располагается.

Адрес электронной почты (как цифровой аналог адреса субъекта в материальном мире) включает в себя доменное имя, под которым располагается адресное пространство, выделенное субъекту для отправки, получения и проч. Данное адресное пространство включает в себя доменное имя, под которым оно и располагается. Например, в корпоративной электронной почте учреждения образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой» после указания наименования адресата будет указано доменное имя «rsu.by» – t.siamionava@rsu.by. М.А. Рожкова отмечает: «любое средство адресации, являясь исключительно инструментом, с помощью которого пользователь перенаправляется на искомый интернет-ресурс, не может рассматриваться как объект гражданских прав. Исполняя только функцию средства адресации ни доменное имя, ни URL, ни IP-адрес не приобретают имущественную ценность и, следовательно, не могут рассматриваться в качестве объекта гражданских прав» [8].

¹¹ Милютин З.Ю. Соотношение доменных имён со средствами индивидуализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2005. – 112 л.

¹² Frequently Asked Questions: Internet Domain Names. – URL: <https://www.wipo.int/amc/en/center/faq/domains.html>.

¹³ Об ограничении (возобновлении) доступа к интернет-ресурсу, информационным системам и ресурсам: [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 июня 2024 г., № 454 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

¹⁴ Яхин Ю.А. Домен и его имя // Интернет-форум сайта «Юридическая фирма Интернет и право». – URL: <http://www.internet-law.ru/forum/index.php?topic=169.90%20>.

Из всех, рассмотренных выше, идентификаторов адресного пространства только доменное имя возникает путём процедуры регистрации и обладает, наряду с основными функциями адресации и идентификации, вторичной функцией – индивидуализации. Е.И. Гладкая даёт следующее определение: «доменное имя – это объект гражданских прав, хотя и не признанный действующим законодательством в качестве такового; неохраняемый уникальный результат интеллектуальной деятельности, права на который на практике оборотоспособны; объект, обладатель которого осуществляет правомочия, корреспондирующие правомочиям обладателя охраняемого результата интеллектуальной деятельности; объект, технически выполняющий функцию адресации в сети Интернет, а в предпринимательской сфере выполняющий функции индивидуализации сетевых ресурсов и товаров, работ, услуг и предприятий при наличии организационной связи доменного имени с сайтом в сети Интернет»¹⁵.

Целесообразно отметить, что доменное имя может быть только средством адресации и идентификации, а может одновременно быть и средством индивидуализации при введении прав на доменное имя в гражданский оборот, кроме того, доменное имя может быть зарегистрировано, но не использоваться. Основными функциями доменного имени являются адресация и идентификация, которые реализуются соотношением доменного имени с IP-адресом. Адресация происходит на IP-адрес, по которому можно идентифицировать устройство. Идентификация содержимого возможна в случае его наличия. Вторичная функция индивидуализации реализуется при размещении на интернет-ресурсе под доменным именем содержания, которое будет связано с юридическим лицом или физическим лицом, осуществляющим индивидуальную предпринимательскую деятельность, его деятельностью, продажей товаров, выполнением работ или оказанием услуг. В результате чего указанная деятельность будет ассоциироваться у пользователей с доменным именем. Для реализации этой функции необходимо осуществление соответствующей деятельности на сайте под доменным именем, которое и будет фактическим средством индивидуализации. При совпадении с индивидуальными (уникальными) признаками доменное имя становится средством индивидуализации лица в традиционном понимании цивилистики.

Модельный Закон «О цифровых правах» рассматривает доменное имя как *цифровой объект* – не имеющий вещественного выражения объект гражданских прав, доказательства существования которого формируются и обладатель которого определяется посредством кодирования информации в информационно-коммуникационной среде с помощью записей в информационной системе по её правилам¹⁶. Так, доменное имя при реализации вторичной функции индивидуализации может рассматриваться в качестве объекта гражданских прав, а права на доменное имя – объекта гражданского оборота, потому что в гражданский оборот вводятся не доменные имена как нематериальный объект цифровой среды, а права на них, имеющие признак оборотоспособности. Стоит подчеркнуть, что в постановлении Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) признаётся экономическая ценность права на доменное имя¹⁷.

С целью единообразного понимания и толкования исследуемых понятий предлагается определять *доменное имя как уникальное символическое обозначение, служащее для адресации, идентификации интернет-ресурса, а также индивидуализации в предпринимательской деятельности физических и юридических лиц, товаров, работ, услуг; домен – как наименование (указатель) адресного пространства; доменную зону – как домен первого (верхнего) уровня.*

Правовая природа доменного имени как объекта гражданских правоотношений. Из буквального толкования ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) можно выделить пять групп объектов гражданских прав:

- 1) вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права;
- 2) работы и услуги;
- 3) нераскрытая информация;
- 4) исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг;
- 5) нематериальные блага.

Поскольку данная система имеет нормативную определенность, а цель исследования – выявление места доменного имени в существующей системе объектов гражданских прав, в рамках настоящего исследования предлагается руководствоваться именно ей.

Выполняя вторичную функцию индивидуализации, доменные имена, как и средства индивидуализации, могут обладать коммерческой ценностью, права на доменные имена могут участвовать в гражданском обороте (в контексте передачи на основании определенных видов договоров); срок действия, по истечению которого право на доменное имя утрачивается без возникновения особых условий, отсутствует; необходимым требованием к возникновению прав является регистрация регистратором; доменные имена, как и средства индивидуализации, обладают уникальностью для возникновения прав на них, и возможность проверки на уникальность предусмотрена; установлены ограничения для содержания слов, входящих в объекты; и доменные имена, и средства выполняют общую функцию индивидуализации лиц, продукции, работ, услуг и предприятий.

¹⁵ Гладкая Е.И. Правовой режим доменного имени в России и США: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2014. – 214 л.

¹⁶ О цифровых правах: Модельный Закон от 14.04.2023 N 55-12 // ilex / ООО «ЮрСпектр», Информационно-правовой портал для бухгалтеров, юристов и руководителей. – Минск, 2024.

¹⁷ URL: <https://kolosov.info/yuridicheskie-stati/espch-o-pravah-na-domennye-imena> .

Тем не менее, можно выделить ряд признаков, отличающих доменное имя, выполняющее факультативную функцию индивидуализации, от средства индивидуализации: обладателем прав на доменное имя может быть, наряду с юридическим либо физическим лицом, осуществляющими индивидуальную предпринимательскую деятельность, физическое лицо, поскольку сфера использования не ограничена применением в области предпринимательской деятельности; отсутствуют территориальные пределы в силу особенности сети Интернет; доменное имя вторично индивидуализирует, в первую очередь, какой-либо интернет-ресурс, но может идентифицировать товары, работы или услуги; доменное имя в каждой отдельно взятой доменной зоне уникально; доменное имя имеет не только содержательные ограничения (принадлежность слов стоп-листу регистратора), но и технические (например, количество символов и состав символов); невозможность совместного правообладания. М.А. Рожкова подчёркивает: «Недопустимо относить доменное имя к объектам интеллектуальной собственности – на это неоднократно указывала Всемирная организация интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) – исключительные права предусматривают действие в течение определенного законом срока и на определенной территории, права на доменное имя, в отличие от регистрации доменного имени, не ограничиваются сроком и имеют трансграничный характер» [9].

Доктринальные подходы о рассмотрении всех без исключения доменных имен как средств индивидуализации, а также категоричное отрицание вторичной функции индивидуализации привели к неопределённому правовому режиму доменных имен на законодательном уровне и в доктрине. Так, гражданское законодательство Республики Беларусь упоминает доменные имена только как способ использования товарного знака (п. 1.5 ст. 20 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания») ¹⁸, как способ использования фирменного наименования (п. 2 ст. 1014 ГК).

Возвращаясь к вопросу отнесения доменного имени к имуществу, необходимо указать, что в данном случае в качестве объекта гражданских прав выступать будет не само доменное имя, а имущественное право правообладателя. Только право на доменное имя может быть причислено к бестелесному имуществу. По причине естественных свойств доменного имени как нематериального объекта, невозможна непосредственная передача доменного имени, а, соответственно, переход от одного субъекта к другому возможен в отношении только имущественных прав на доменное имя. Права на доменное имя как нематериальный актив, обладающий потенциальной или действительной экономической ценностью, прямо отнесены ЕСПЧ к имущественным правам, которые белорусским законодательством признаются разновидностью имущества (ст. 128 ГК). Правомочия, которые составляют конструкцию права на доменное имя:

- 1) правомочие обладания правами на доменное имя как фактическое существование прав в распоряжении правообладателя доменного имени;
- 2) правомочие использования доменного имени;
- 3) правомочие распоряжения правами на доменное имя.

Право использования. А.Г. Серго и Н.А. Новикова указывают, что право использования предполагает возможность извлечения полезных свойств из «факта владения доменным именем»: «направление пользователей к сайту», «организация почтового сервиса с почтовыми адресами на домене» [10, с. 93–94; 11]. М.А. Рожкова, перечисляя возможные именно *способы* использования доменного имени, указывает на «возможность создания поддоменов... почтовых ящиков... размещения на домене или поддоменах сайтов; размещения рекламы на доменах, не используемых под сайты; парковки доменов и т.д.» [9]. Так, ООО «Приносим радость» как правообладатель доменного имени «oz.by» приобретает полный объем прав в отношении имени в целом, но, безусловно, не становится обладателем монопольного права ни в отношении домена «.by», ни в отношении слова «oz», за исключением использования его в национальной доменной зоне «.by». В случае выделения дополнительных наименований (указателей) адресного пространства (поддоменов) под этим доменным именем «oz.by», например, «boardgames.oz.by», правообладатель аналогично будет обладать полным объемом прав в отношении доменного имени в целом, и, равным образом, в отношении домена третьего уровня «boardgames», но, опять же, не любого такого домена, а лишь того, который выделен под доменным именем «oz.by».

Таким образом, можно утверждать, что использование доменного имени включает реализацию функций доменного имени, непротиворечащих законодательству Республики Беларусь способами (к примеру, не используется в доменном имени совокупности букв, цифр, символов и (или) слов (фраз), не соответствующих общепринятым морально-этическим нормам, разжигающих социальную, национальную, религиозную и расовую вражду, пропагандирующих насилие, жестокость и другие деяния, запрещенные законодательством в соответствии с п. 91-1 Инструкции № 47) в рамках как непосредственно самого доменного имени (выделение поддоменов), так и путём наполнения с помощью производных от него идентификаторов (URL, электронная почта). Соответственно, можно сделать вывод о том, что правообладатель приобретает определенного рода право на использование адресного пространства под доменным именем, при том, что способы использования доменного имени тесно связаны с использованием этого адресного пространства.

¹⁸ О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь, 5 февр. 1998 г., № 2181-ХП: в ред. Законов Республики Беларусь от 09.01.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Все способы использования доменного имени исходят из основной функции адресации. Раз доменные имена призваны адресовать, идентифицировать и индивидуализировать интернет-ресурс, то, соответственно, главным способом является установление адресации на область интернет-пространства, которое включает в себя разные вариации. Самое главное, именно от функции адресации зависит, будет ли располагаться под доменным именем интернет-ресурс или нет, а если и будет, то какой именно интернет-ресурс. Правообладатель полностью управомочен использовать или не использовать доменное имя. Самый частый способ именно базового использования доменного имени заключается в размещении под ним интернет-сайта: наполнение адресного пространства под соответствующим доменным именем и есть осуществление правомочия использования. Коммерческая ценность доменного имени зачастую не связывается только лишь с названием, а именно – с содержанием интернет-ресурса под доменным именем. Стоит отметить, что интернет-ресурс становится коммерческим активом не самостоятельно, а только в ассоциации и тесной связи с доменным именем (к примеру, «wildberries.by»).

Количество примеров правоотношений правообладателя с третьими лицами при наполнении интернет-сайта под своим доменным именем поистине велико: размещение рекламы, продажа товаров, оказание услуг и т.д. Но целесообразно отметить взаимосвязь выше описанных правоотношений при наполнении интернет-сайта с основными правоотношениями правообладателя. Например, ООО «Приносим радость» продаёт товары через интернет-сайт с URL: <https://oz.by/> под доменным именем «oz.by» лишь поскольку, постольку организация имеет право на доменное имя, соответственно может размещать любое содержание, не противоречащее законодательству Республики Беларусь. Верно и обратное: ООО «Приносим радость», осуществляющее предпринимательскую деятельность под доменным именем «oz.by», осуществляет её ровно потому, что имеет право осуществлять предпринимательскую деятельности *de jure* (В торговом реестре Республики Беларусь с 17 августа 2022 г. под номером № 539677).

Целесообразно отметить, решение вопроса использования доменного имени в предпринимательской деятельности зависит от наполнения интернет-сайта. Как ранее было выявлено, право использования доменного имени включает создание других идентификаторов интернет-ресурса – URL, электронной почты. Создание поддоменов как наименований (указателей) адресного пространства относится к правомочию распоряжения. Приведенные выше случаи относятся или к структурированию адресного пространства, или к созданию содержания в доменном имени. Как отмечает К.В. Геец: «использование доменного имени включает в себя его расположение в адресном пространстве, структурирование как самого доменного имени, так и адресного пространства под ним, создание, изменение и удаление содержания в этом пространстве».

Отсутствие в Республике Беларусь специального законодательного регулирования доменных имен, и указание в Инструкции № 47 и публичных договорах оказания услуги по регистрации доменного имени в национальной доменной зоне только лишь на права и обязанности, не выходящие за рамки цифровой сферы, не дают возможность утверждать о выходе абсолютного права правообладателя за рамки цифрового пространства. Помимо этого, раз невозможно использование функций доменного имени за пределами цифрового пространства, то, соответственно, правомочия правообладателя в текущих правовых реалиях ограничены этим пространством. Появление в белорусском законодательстве нормы, запрещающей регистрацию товарного знака, идентичного доменному имени выведет абсолютное право правообладателя за границы цифрового пространства.

В настоящее время не вызывают удивления случаи регистрации доменных имен в качестве товарных знаков (например, OZ.by™ правообладателя ООО «Приносим радость», .BY™ правообладателя ООО «Белорусские облачные технологии»). Вполне логично, что правообладатель при условии использования доменного имени в предпринимательской деятельности должен обладать приоритетом при регистрации идентичного средства индивидуализации, т.е. в законодательстве должен содержаться прямой запрет на подобную регистрацию третьими лицами. Особенно остро ощущается данный вопрос, при появлении с 01.10.2024 г. в Республике Беларусь новой категории «физические лица, осуществляющие индивидуальную предпринимательскую деятельность», что в значительной степени расширяет субъектный состав применимых положений (например, на физических лиц, осуществляющих ремесленную деятельность, самостоятельную профессиональную деятельность, деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма). Данное предложение будет способствовать стремительной «цифровизации» и развитию бизнеса физических лиц, потому что стоит справедливо отметить – далеко не каждое физическое лицо может позволить себе такую «роскошь» (в денежном эквиваленте), как товарный знак (знак обслуживания).

Несмотря на то, что правомочие правообладателя на использование доменного имени ограничено функциями самого доменного имени как объекта-идентификатора только цифровой среды, тем не менее, право использования в предпринимательской деятельности явно должно выходить за рамки этой среды. Соответственно, абсолютное право правообладателя, использующего доменное имя в предпринимательской деятельности, должно включать в себя и правомочие использования наименования-доменного имени в материальных объектах материального мира для предпринимательской деятельности, а также приоритетное право регистрации в качестве средства индивидуализации своего наименования-доменного имени.

Правомочие распоряжения. Правомочие распоряжения заключается в допустимости устанавливать судьбу доменного имени, разрешать использовать третьим лицам как доменное имя, так и выделенный поддомен (доменное имя третьего и последующих уровней).

Что касается белорусского законодательства, то можно сказать, что ограничения оборотоспособности доменных имён отсутствуют. Случаи возможного ограничения распоряжением правом на доменное имя содержатся в Инструкции № 47, но они применимы именно к осуществлению права (в части распоряжения) при наступлении

определенных обстоятельств, но не к самому праву. Соответственно, если такие обстоятельства не имеют места быть, то правообладатель не является ограниченным в распоряжении правом на доменное имя. М.А. Рожкова указывает, что «правомочие распоряжения правами на доменное имя может быть реализовано путем:

- во-первых, отказа от прав на доменное имя, которое влечет исключение из соответствующего реестра доменных имен сведений об обладателе прав на конкретное доменное имя и прекращение у него прав на этот домен;
- во-вторых, отчуждения прав (уступки прав) на доменное имя, предполагающее заключение обладателем прав на доменное имя с другим лицом соглашения, которое становится основанием для внесения в реестр доменных имен изменений и влечет за собой переход прав на доменное имя от первого лица ко второму;
- в-третьих, предоставления иному лицу права использовать доменное имя на условиях, предусмотренных соответствующим договором, что не предполагает переход (передачу) прав на доменное имя от одного лица к другому» [9].

Итак, правообладатель доменного имени правомочен предоставлять использование своего доменного имени (полностью или в части) третьим лицам и определять его дальнейшую судьбу. Целесообразно отметить, что глава 2 «Виды цифровых прав» Модельного Закона «О цифровых правах» включает в себя ст. 8 «Право на доменное имя». К цифровым правам, наряду с правом на доменное имя, относятся следующие права: на цифровой актив, на цифровой контент, на цифровой образ, на индивидуальный цифровой идентификатор личности и иные цифровые права, которые могут устанавливаться национальным законодательством.

При анализе положений данного закона можно утверждать следующее: право на доменное имя является цифровым правом – субъективным гражданским правом на цифровой объект, подтвержденный записями в информационной системе (базе данных). Безусловно, доменное имя является цифровым объектом – не имеющим вещественного выражения объектом гражданских прав, доказательства существования которого формируются и обладатель которого определяется посредством кодирования информации в информационно-коммуникационной среде с помощью записей в информационной системе по её правилам, а правообладатель доменного имени – обладателем цифрового объекта – субъектом, который идентифицирован в информационной системе как единственное лицо, имеющее доступ к цифровому объекту, обладающий правомочиями владения, пользования и распоряжения цифровым объектом по своему усмотрению.

Заключение. Таким образом, предлагается определить доменное имя как уникальное символическое обозначение, служащее для адресации, идентификации интернет-ресурса, а также для индивидуализации в предпринимательской деятельности физических и юридических лиц, товаров, работ, услуг. Домен – наименование (указатель) адресного пространства сети Интернет. Доменная зона – домен первого (верхнего) уровня.

Права на доменное имя относятся к имущественным правам, которые белорусским законодательством признаются разнovidностью имущества (ст. 128 ГК). Права на доменное имя, которые возникают и прекращаются именно в момент внесения соответствующей записи в базу данных или исключения соответствующей информации из базы данных, включают в свой состав следующие правомочия:

1. Правомочие обладания правами на доменное имя означает наличие названных прав в распоряжении лица, которое позволяет реализовать правомочие использования и правомочие распоряжения доменным именем.
2. Правомочие использования доменного имени содержит следующие компоненты:
 - определение расположения доменного имени в адресном пространстве архитектуры сети Интернет;
 - структурирование адресного пространства, относящегося к доменному имени;
 - создание, изменение, удаление содержания интернет-ресурса под доменным именем, и входит в состав абсолютного права правообладателя.
3. Правомочие распоряжения правами на доменное имя содержит следующие компоненты:
 - определение расположения доменного имени в адресном пространстве архитектуры сети Интернет;
 - структурирование адресного пространства, относящегося к доменному имени;
 - создание, изменение, удаление содержания интернет-ресурса под доменным именем;
 - определение судьбы доменного имени (отчуждение, аннулирование регистрации);
 - предоставление права использования доменным именем полностью или его часть третьим лицам, создание новых доменных имён третьего и последующих уровней.

Опираясь на положения Модельного Закона «О цифровых правах», предлагается изложить ст. 128 ГК в следующей редакции:

Статья 128. Виды объектов гражданских прав.

К объектам гражданских прав относятся:

- вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права (*включая цифровые права*);
- работы и услуги;
- нераскрытая информация;
- исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг;
- нематериальные блага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калятин, В.О. Доменные имена. – М.: ИНИЦ «Патент», 2006. – 188 с.

2. Серго А.Г. О некоторых подходах к правовому регулированию доменного имени // Информационное право. – 2005. – № 1. – С. 35–40.
3. Козорезова Р.В. Доменные имена и средства индивидуализации [Электронный ресурс] // Промышленно-торговое право. – 2009. – № 7. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BECMB/11601/#M100001>. (дата обращения: 08.08.2024).
4. Урбанович Ю.В. Доменное имя и товарный знак: что подлежит правовой охране? [Электронный ресурс] // Юрист. – 2023. – № 12. – URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BECMB/11601/#M100001>. (дата обращения: 08.08.2024).
5. Наумов В.Б. Судьба объектов интеллектуальной собственности в российском сегменте сети Интернет [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы телекоммуникационного права. – 1988. – URL: <https://www.russianlaw.net/law/ip/a07/>. (дата обращения: 08.08.2024).
6. Burshtein, S. Is a domain name property? [Electronic resource] // Journal of Intellectual Property Law & Practice. – 2005. – № 1(1). – URL: https://www.researchgate.net/publication/31043176_Is_a_domain_name_property (date of access: 08.08.2024).
7. Бабкин С.А. Интеллектуальная собственность в Интернете. – М., 2006. – 511 с.
8. Рожкова М.А. Доменное имя – это объект гражданских прав? [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2021. – URL: https://zakon.ru/blog/2022/03/01/domennoe_imya_eto_obekt_grazhdanskih_prav_is_a_domain_name_an_object_of_civil_rights. (дата обращения: 08.08.2024).
9. Рожкова М.А. Право на доменное имя [Электронный ресурс] // Закон. ру. – 2019. – URL: https://cctld.ru/files/books/rozhkova_asp.pdf. (дата обращения: 08.08.2024).
10. Серго А.Г. Доменные имена как средство индивидуализации // Хозяйство и право. – 2011. – № 5. – С. 92–98.
11. Право интеллектуальной собственности. Средства индивидуализации: учеб.: в 3 т. / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут. – Т. 3. – 2018. – 163 с.

Поступила 17.09.2024

THE CONCEPT «DOMAIN NAME». THE LEGAL NATURE OF A DOMAIN NAME AS AN OBJECT OF CIVIL LAW RELATIONS

T. SIAMIONAVA

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The author substantiates the need to improve the system of concepts used in the legislation to designate the domain name. The author proposes the author's definition of the concept of "domain name", which will fill the gap existing in civil law, and the introduction of the proposed definition at the legislative level will contribute to a uniform understanding and interpretation of the concept of the object "domain name" in civil-law relations. The author substantiates a new model of the right to the domain name, based on the established legal nature and essence of the domain name.

Keywords: *civil law relations, domain, domain zone, domain name, domain name, object of civil turnover, domain name right, property right, digital object, digital right.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2024-69-4-119-123

МЕТАВСЕЛЕННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

*д-р юрид. наук, проф. Н.Н. КОВАЛЕВА**(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва)**e-mail: kovaleva.natalia@mail.ru**канд. физ.-мат. наук, доц. В.Ф. ИЗОТОВА, канд. физ.-мат. наук, доц. Д.С. ЧАЙКОВСКИЙ**(Саратовская государственная юридическая академия)**e-mail: vf-izotova@yandex.ru; chaikovskys@gmail.com**канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ, канд. юрид. наук П.В. СОЛОВЬЁВ**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**e-mail: Irochka15012@yandex.ru; p.solovjov@psu.by*

В статье рассматриваются проблемные аспекты регулирования и использования метавселенных как цифровой формы существования альтернативной реальности для деятельности человека. Исследуются научные подходы к пониманию метавселенных, выделяются их особенности, определяются проблемные аспекты правового регулирования. Акцентируется внимание на необходимости построения метавселенных на концепции частичной централизации с возложением взаимной ответственности на личность и на государство.

Ключевые слова: *метавселенная, аватар, цифровая реальность, пользователи, цифровая недвижимость, права человека.*

Введение. В современный период бесспорным и очевидным становится вопрос о существовании новой (параллельной) формы реальности, в которой с каждым днем возникает все больше и больше общественных отношений различного характера – метавселенной. Проблемным аспектом для правового регулирования считается отсутствие единой правовой концепции метавселенной, установленных пределов правового регулирования, правового статуса субъектов, вступающих в правовые отношения в таком цифровом мире (цифровых личностей). Отсутствие законодательного определения метавселенной порождает трудности правового воздействия на происходящие в ней цифровые процессы. Не зря метавселенную называют «слепой зоной» для права [15, с. 13], альтернативным миром существования человека со специфическим цифровым пространством [8, с. 368].

Правовые аспекты создания и использования метавселенных осязаны в научных трудах таких правоведов, как Н.Н. Ковалева, В.И. Фатхи, С.П. Федоренко, М.М. Коблева, Д.Р. Патеева, М.А. Рожкова, А.И. Овчинников, А.В. Минбалева, И.А. Филипова, М.С. Ситников и др. Как правило, исследование метавселенных представлено в виде научных идей фрагментарного характера для осуществления определённых видов деятельности в цифровой реальности. В частности, А.В. Минбалева подчеркивает возможность проведения спортивных мероприятий в метавселенных [10], А.С. Юхно предполагает идею создания собственной виртуальной экосистемы [18], Е.В. Щербакова раскрывает потенциал реализации концепции метавселенной для музейного дела [18] и т.д.

Основания часть. Метавселенная – пространство в виртуальном мире, где активно взаимодействует огромное сообщество людей. Наиболее популярными метавселенными на сегодня считаются Horizon Worlds, Ceek city, Baidu Xi Rang, Facebook, Decentraland, Arcona, Roblox. В целом импонирует подход, согласно которому метавселенную следует понимать как цифровое пространство, основанное на принципах технологий NFT (невзаимозаменяемый токен) и блокчейн и иных прорывных технологиях, включающее в себя цифровую диффузию, позволяющую совместить все элементы глобальной цифровой среды и возможность бесшовного взаимодействия пользователя на различных участках всемирного веб-пространства, базирующееся на экономически обоснованных способах построения бизнес-моделей и инструментов для производства и взаимнообмена благами [12].

К основным характеристикам метавселенных относятся её бесконечность и непрерывность, независимость от внешних факторов в области планирования действий в цифровой среде, отсутствие ограничений для одновременного присутствия пользователей (аватаров), равенство аватаров в осуществлении различных видов деятельности и др. Несмотря на то, что метавселенная способствует развитию бизнеса и получению дохода от цифрового пространства, развивая тем самым цифровую экономику, ученые отмечают, что ей присущи различные риски и угрозы [3; 4; 5]. Метавселенную можно представить как образ реального мира в цифровом пространстве, в котором правовая система в настоящее время слабо развита. Цифровой мир метавселенной можно рассматривать как децентрализованную сеть Интернет, которая всегда онлайн-активна и не контролируется правительством [9]. Критикуя такой подход, М.С. Ситников указывает на возможные риски (как правило, в сфере национальной безопасности), которые станут следствием процесса децентрализации, акцентирует внимание на обратном процессе – централизации метавселенной как «меньшем из двух зол» [14, с. 58].

Абсолютная централизация метавселенной вряд ли представляется возможной, что обусловлено спецификой цифровой среды. Сложность определения субъектного состава участников общественных отношений, стирание территориальных границ в концепции метавселенной не позволяют в полной мере вести речь о государственном контроле всех сфер общественного строя, складывающегося в цифровой среде. Об особенностях цифровой среды одним из авторов ранее было проведено отдельное исследование [17]. Сложность государственного

контроля также обусловлена наличием большого количества норм, носящих характер саморегулирования (смарт-контракты). Приоритетной в этом направлении представляется задача, поставленная В.В. Путиным, о необходимости обеспечения безопасности и сохранности критически важных объектов в цифровой среде, а также защиты прав аватаров (виртуальных двойников личности) [2]. В связи с этим полагаем, что правовую концепцию метавселенной важно основывать на принципе частичной централизации с возложением взаимной (солидарной) ответственности личности и государства.

А.И. Овчинников и П.И. Ширинских для установления государственного контроля над метавселенными предлагают использовать «централизованный блокчейн», принадлежащий государству и находящийся под его контролем, запретить криптовалюты внутри метавселенной, а метаприложения, подключаемые к виртуальной реальности разработчиками программного обеспечения, должны находиться под контролем государства и проходить двойную проверку со стороны государства и гражданского общества [11, с. 27]. Приложения метавселенной могут быть весьма обширны: игровой сектор, образование, туризм, рабочее пространство, массовые мероприятия, маркетинговая площадка и т.д. В метавселенной, как и в реальном мире, пользователи регистрируют свою личность, а технологии блокчейн обеспечивают конфиденциальность и безопасность личности пользователей и их транзакций. Результатом регистрации пользователя становится возникновение нового субъекта правоотношений – цифровой личности (виртуального двойника), что порождает правовую проблему двуединства статуса личности, выражающуюся в необходимости обеспечения защиты его прав и свобод как в физическом, так и в виртуальном мире. Проблема двуединства, по мнению В.И. Фатхи, ставит под угрозу понятие самой идентичности человека [16, с. 16].

Недвижимость в метавселенной, цифровое право собственности на виртуальную землю, которую можно использовать, например, как площадку для размещения рекламы, продажи товаров и услуг, может создавать множество правовых проблем. К слову, в отношении права собственности на цифровые объекты, с одной стороны, могут применяться установленные способы правовой защиты (к примеру, применение норм о защите авторского права на цифровые объекты – произведения искусства, музыкальные произведения и т.д.), с другой стороны – для защиты цифровых объектов могут использоваться и различные технические способы защиты (как, например, технологии блокчейн). Крупные компании предлагают пользователям виртуальную землю на продажу используя собственные платформы, пользователи покупают участки виртуальной земли и создают свои собственные виды деятельности. Следовательно, виртуальные земли, как и реальная недвижимость, разделены и находятся в ведении магазинов или иных экономических субъектов, связаны с арендой или передачей права собственности. Цифровая недвижимость покупается и продается, и в соответствии с этим необходимо выявлять юридические проблемы с таким видом сделок. Отметим, что по данным McKinsey к 2030 г. рынок недвижимости метавселенных приблизится к 5 трлн. долл. США.

Токены метавселенных представляют собой цифровые активы, подтверждающие наличие прав в экосистеме метавселенной. Метавселенная, как и реальный мир, предоставляет своим пользователям возможность покупки и продажи различных активов. Это возможно благодаря цифровым валютам. Так как метавселенная предоставляет возможность приобретать в собственность различные активы, сделки в метавселенной требуют наличия спотовой валюты, а экономика может функционировать только за счет криптовалюты. Метавселенная неразрывно связана с цифровыми валютами, и любые сделки в пространстве метавселенной происходят через криптовалюты. В этой связи юридические проблемы метавселенной неразрывно связаны с криптовалютой. Электронные деньги, которые циркулируют на блокчейн-платформе, могут быть вовлечены в преступные действия и для регулирования этой сферы необходимо создать специальную нормативную базу. С цифровыми объектами в метавселенных может возникать большое количество юридических проблем. В результате мошеннических действий цифровая собственность может быть незаконно изъята из владения другими пользователями.

В свою очередь, метавселенные могут служить средой для функционирования «электронных юридических лиц» и «цифровых юридических лиц» [15]. Говорить можно не только о переходе юридического лица из физической оболочки в цифровую с позиций внешней деятельности (например, оказание услуг в сфере игровой индустрии), но и внутренней организации (например, коллегиальные органы юридического лица (собрание, совет, правление и т.д.) могут осуществлять свою работу в метавселенной). Политические партии и общественные объединения соответственно могут трансформировать в электронные политические партии и электронные общественные объединения, осуществляющие свою деятельность в метавселенной. Разумеется, во всех этих случаях возникает проблема обеспечения конституционных интересов личности, общества, государства в условиях осуществления деятельности в цифровой среде, которая не в полной мере доступна государству для осуществления контроля.

В мире метавселенной человек может сталкиваться с различными преступлениями, которые могут быть совершены в реальной жизни: разглашение конфиденциальной информации; кража личности (аватара); преступления против собственности, такие как мошенничество, передача собственности, кража, отмывание денег и даже преступления против национальной безопасности, такие как пропаганда терроризма и т.д. В законодательстве существуют правовые нормы для борьбы с каждым из этих преступлений. Очевидно, что эти законы могут быть распространены и на преступления в метавселенной.

Очевидно, если пользователь метавселенной получает криптовалюту в результате мошеннических сделок с виртуальными активами, у пострадавшей стороны должно быть право на отстаивание своих интересов с помо-

щью уголовных или иных правовых механизмов реального мира, а составные элементы компьютерных преступлений и вытекающая из них договорная и гражданско-правовая ответственность должна быть спроецирована на мир метавселенной. Этот механизм необходимо распространить и на виртуальную собственность, так как виртуальная собственность в области метавселенной сегодня является обычной собственностью, дающая право на различные сделки, и любые преступные действия, которые приводят к незаконному изъятию собственности у владельца, могут преследоваться по законам о преступлениях в реальном мире.

Проблема преступлений против человека, таких как акты насилия, буллинг, похищение и т.д., касается преступлений в реальном мире, однако, если эти преступления совершаются с использованием аватара в метавселенной, это, очевидно, также наказуемое деяние. Оскорбления, порочащие честь и достоинство, нарушения неприкосновенности пользователя в виртуальном мире, возможно, должны трактоваться по законам реального мира. Кроме того, если аватар рекламирует продажу или употребление запрещенных веществ, то в данном случае необходимо иметь нормативную базу, предоставляющую возможность привлекать к ответственности в соответствии с законами реального мира. Пользователь может создать аватар намеренно таким образом, чтобы оскорбить честь и достоинство конкретного пользователя, или осуществить незаконную рекламу в метавселенной. Сегодня нарушение чести и достоинства (оскорбление, клевета) в сети Интернет признано в законодательстве, и в этом смысле метавселенная также не должна быть исключением.

Любые действия, направленные против безопасности государства, такие как распространение фейковой информации, подстрекательство людей к совершению преступлений, расовые оскорбления, также возможны в метавселенной и нет сомнений в том, что такие действия являются преступными.

Преступления против интеллектуальной собственности и товарных знаков также могут иметь место в виртуальном мире. Бренды реального мира используются в пространстве метавселенной – марки автомобилей, сети быстрого питания, и т.д. Распространяются ли законы, касающиеся интеллектуальной собственности, на мир метавселенной? Вышеописанные преступления также можно отнести к числу проблем метавселенной. Любая деятельность и реклама, связанная с интеллектуальной собственностью должна осуществляться с разрешения их владельцев. Следовательно, можно распространить законы об интеллектуальной собственности на метавселенную. Закон об авторском праве предоставляет право владельцу печатать, распространять и демонстрировать произведение, передавать это право другим лицам, поэтому любой пользователь, нарушающий это право через свой аватар, может быть привлечен к ответственности согласно существующим законам реального мира. Установлены законы для защиты прав авторов, и если интеллектуальная собственность отдельных лиц нарушается в среде метавселенной, то нет сомнений в ответственности за нарушения.

Законы, связанные с предпринимательской деятельностью, вероятно, тоже должны быть спроецированы на метавселенные. Обязательства, основанные на принципе свободы договора, заключаются в свободе лица иметь свою волю на вступление в договорные отношения; самостоятельный выбор контрагента; самостоятельное формирование вместе с ним договорной структуры и вида договорной связи; изъятие своей воли при формировании условий договора. Любое нарушение обязательства или задержка в выполнении обязательства, с точки зрения принципа договорной ответственности, предусматривает ответственность, и нет никаких препятствий для соблюдения принципов и правил контрактов реального мира и обобщения их на поле метавселенной.

Вышеописанные области применения метавселенной и их юридические проблемы в правовой сфере требуют изменения сложившейся ситуации. На международном уровне проблемами, связанными с информационно-коммуникационными технологиями, занимается Международный союз электросвязи (МСЭ). Поэтому, вероятно, требуется создание международных стандартов безопасности в области метавселенной, которые могут решать юридические проблемы, такие как защита данных, защита личности и информации физических лиц, которые могут быть объектами мошенничества и являются преступлениями против личности и собственности. Учитывая политические риски от виртуального мира метавселенной, большинство стран не решаются признать метавселенную, хотя её стремительное развитие всё же требует законодательного вмешательства.

В то же время зарубежный опыт отдельных стран свидетельствует о необходимости разработки концепции метавселенной, фактов ее признания, разработки механизмов для защиты действий, осуществляемых в метавселенной. Так, в Китае был создан соответствующий комитет по метавселенным – Metaverse Industry Committee, который представлен в виде сети крупных телекоммуникационных компаний Китая, включая государственные корпорации, разрабатывающие сеть 5G¹. Еще одним лидером по развитию метавселенных выступает Южная Корея. Развитие метавселенных для государства обозначено в качестве национального приоритета. В частности, в Южной Корее создан Фонд развития метавселенных, в бюджет которого Правительством проинвестировано около 18,1 млн долл., в целом же планируется привлечь 30,2 млн долл.²

Метавселенная стала частью современного мира, она объединяет реальную и виртуальную жизни, и благодаря её различным применениям, стремительно развивается. Некоторые её области – цифровая недвижимость, торговля, – становятся всё более популярными, поэтому возникновение преступлений и судебных исков в этой сфере является актуальным вопросом, требующим соответствующего решения.

¹ URL: <https://jingdaily.com/category/jing-meta/>.

² URL: <https://xn--h1apes.xn--p1ai/about/press/yuzhnaya-koreya-vlozhit-30-millionov-dollarov-v-metavselennye>.

Заключение. На основе рассмотренных аспектов были сделаны следующие выводы.

Прежде всего, следует различать преступления против отдельных лиц – раскрытие персональных данных, диффамация. В этом случае, согласно законам, связанным с диффамацией, виртуальная реальность должна быть способна к уголовному и правовому преследованию. Также, очевидно, чтобы обеспечить правовую охрану несовершеннолетних, необходимо ввести возрастные ограничения для подключения к метавселенным.

На преступления против собственности в метавселенной можно распространить правила реального мира. По сути, криптовалюты, а также свойства метавселенной имеют обычную кредитную и институциональную ценность, поэтому, если в результате преступных действий виртуальная собственность и имущество арестованы или незаконно присвоены, нарушитель может быть привлечен к ответственности.

Преступления против национальной безопасности стран также могут быть расследованы и у них есть возможность уголовного и юридического продолжения.

Законы, связанные с контрактами, которые основаны на принципе свободы воли, также используются в области метавселенной, в случае, если должник создает обязательство и нарушает его, основываясь на принципе договорной ответственности в реальном мире, кредитор может потребовать исполнения обязательства или понести материальный и моральный ущерб.

Законы, касающиеся интеллектуальной и коммерческой собственности, также применимы в метавселенной, и любое лицо, нарушающее эти права может быть привлечено к ответственности.

Международный союз электросвязи может установить общие стандарты и правила в области предотвращения преступлений и судебных исков в метавселенной, а также юридических и уголовных мер реагирования на преступления и квазипреступления, которые происходят в метавселенной, обязав страны принимать законы метавселенной. К числу основных задач, стоящих перед юридическим сообществом, можно отнести разработку упреждающих шагов по установлению нормы права внутри метавселенной, определения юридической терминологии метавселенной, установления правового статуса пользователя метавселенной и пределов правового регулирования метавселенной, решения задач защиты персональных данных, вопросов налогообложения транзакций, защиту авторских прав, определения информационной безопасности при использовании сервисов метавселенных, вопросы использования метавселенных в государственном управлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Improvement of digital economy regulation through formation of big data categorial concepts / D.S. Chaikovskiy, V.F. Izotova, E.I. Leskina // European proceedings of social and behavioural sciences. International Scientific and Practical Conference «State and Law in the Context of Modern Challenges» (SLCMC-2021) / Edit. S. Afanasyev, A. Blinov, S. Belousov. – 2022. – С. 144–149.
2. В Совете Федерации обсудили правовые аспекты регулирования метавселенных [Электронный ресурс]. – URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/138419/. (дата обращения: 02.09.2024).
3. Гуров О.Н. Метавселенная – из сумерек во тьму перелетая? // Наука телевидения. – 2022. – № 18(1). – С. 11–46.
4. Измайлова А.А. Метавселенная как новая экономическая система // Modern Economy Success. – 2021. – № 6. – С. 175–179.
5. Изотова В.Ф., Вотинов А.С. Метавселенная: проблемы регулирования // Проблемы управления в социально-экономических и технических системах. Материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2023. – С. 599–603.
6. Как изменится жизнь в метавселенной [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/439893-sledusaa-versia-interneta-kak-izmenitsa-ziznvmetavselennoj>. (дата обращения: 16.03.2024).
7. Кучинская Е.В. Метавселенная как новая экономика // Гуманитарный научный журнал. – 2022. – № 2. – С. 129–131.
8. Мамычев А.Ю. «Цифровой Левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 367–392.
9. Метавселенная как новая экономика [Электронный ресурс]. – URL: <https://youtu.be/LFFqVCURUEY>. (дата обращения: 15.03.2024).
10. Минбалеев А.В., Титова Е.В. Правовые проблемы и риски проведения спортивных мероприятий в метавселенной // Человек. Спорт. Медицина. – 2023. – № 23. – С. 136–142.
11. Овчинников А.И., Ширинских П.И. Метавселенные и право: вызовы новых технологий в условиях дальнейшего развития интернета // Вестник юрфака ЮФУ. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 27–34.
12. Плево Н.А. Понятие метавселенной [Электронный ресурс]. – URL: <https://dzen.ru/a/YwolauRSbyDvJnVW?&>. (дата обращения: 02.09.2024).
13. Савченко А.В., Сегал А.П. Метаверс – как это по-русски? О построении русского сектора метавселенной [Электронный ресурс] // Искусственные общества. – 2021. – Т. 16, № 4. – URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800017910-0-1>. (дата обращения: 15.03.2024).
14. Ситников М.С. Право и метавселенная: некоторые вопросы теории и практики // Цифровое право. – 2023. – № 4(3). – С. 51–71.
15. Соловьёв П.В. Цифровая трансформация субъектов правоотношений: электронное юридическое лицо, электронный государственный орган, цифровое должностное лицо // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экон. и юрид. науки. – 2024. – № 3(68). – С. 111–114. – DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2024-68-3-111-114>.
16. Фатхи, В.И. Метавселенные: проблемы правового регулирования // Философия права. – 2022. – № 4. – С. 13–18.
17. Шахновская, И.В. Особенности цифровизации конституционного строя на современном этапе развития государства и общества // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экон. и юрид. науки. – 2024. – № 3(68). – С. 121–125. – DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2024-68-3-121-125>.
18. Щербакова Е.В. Метавселенная: перспективы развития музейной сферы // Вестник университета Правительства Москвы. – 2023. – № 1(59). – С. 20–25.

19. Южно А.С. Обзор тенденций развития рынка метавселенной // Вестник института экономики Российской Академии Наук. – 2022. – № 6. – С. 108–126.

Поступила 08.11.2024

METaverse: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

N. KOVALEVA

(National Research University Higher School of Economics, Moscow)

V. IZOTOVA, D. CHAIKOVSKY

(Saratov State Law Academy)

I. SHAKHNOVSKAYA, P. SOLOVJOV

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines the problematic aspects of the regulation and use of metaverses as a digital form of existence of an alternative reality for human activity. Scientific approaches to understanding metaverses are explored, their features are highlighted, and problematic aspects of legal regulation are identified. Attention is focused on the need to build metaverses on the concept of partial centralization with the imposition of mutual responsibility on the individual and the state.

Keywords: *metaverse, avatar, digital reality, users, digital real estate, human rights.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бондарь Т.Е. Экономическая безопасность Республики Беларусь в контексте Концепции национальной безопасности государства	2
Бухарова Н.С., Примакова М.В., Афанасьева Е.Ю. Особенности идентификации и признания сервитута в бухгалтерском учете	6
Данилкова С.А. Стейкхолдеры результатов внутреннего аудита: идентификация, состав, классификация и управление	12
Демидчик А.А. Интеллектуальные ресурсы Республики Беларусь: состояние и факторы развития	17
Дружинина Е.О. Оценка эффективности инвестиционных проектов и ответственности их инициаторов	24
Карпенко В.М., Пан Цзыхань Оценка качества жизни в регионах Китайской Народной Республики с использованием метода TOPSIS и кластерного анализа	29
Мещерякова О.М., Рубович Е.П. Организация мультимодальных перевозок при закупке товаров на внешнем рынке на примере ООО «Фрутреал»	35
Прудникова А.Н. Определение бизнес-процессов хлебопекарных организаций и их влияния на формирование учетно-аналитической системы	41
Резкин П.Е., Емельянов А.А. Анализ и оценка диффузии знаний в сетевых структурах	48
Садыгов Э.М., Лисичёнок Е.П., Измайлович С.В., Миао Цизян Развитие индустриального парка «Великий камень» как приоритетное направление белорусско-китайского экономического сотрудничества	54
Тебекин А.В., Серяков Г.Н. Обеспечение преемственности технологий различных укладов в промышленности как базис эффективного экономического развития Союзного государства	62

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бажина М.А., Шекочихина Е.П. Правовой статус службы заказа такси при организации перевозки пассажиров и багажа легковым такси	71
Валеўка А.В. Ідэалогія сарматызму і яе адлюстраванне ў дзяржаўным ладзе Рэчы Паспалітай	75
Дорина В.В. Наилучший интерес ребенка как толковательный правовой принцип	79
Занько Е.С. Содержание исключительного права на объекты интеллектуальной собственности (часть 2)	85
Комашко М.Н. Цифровизация и дуализм интеллектуальных прав	89
Кукиштель В.А. Уклонение от погашения кредиторской задолженности: количественные и качественные показатели	94
Остапович И.Ю., Шахновская И.В. Право на забвение в контексте развития концепции цифрового суверенитета личности	100
Печинская Е.В. Юридические механизмы защиты от проявлений моббинга: отечественные правовые реалии и опыт зарубежных стран	104
Семёнова Т.В. Понятие «доменное имя». Правовая природа доменного имени как объекта гражданских правоотношений	110
Ковалева Н.Н., Изотова В.Ф., Чайковский Д.С., Шахновская И.В., Соловьёв П.В. Метавселенные: проблемы правового регулирования	119